

ИРИНА ГАРДИ
КОВАЧЕВИЧ

НЕБО
НАД
КЕРЕСТУРОМ

Ирина Гарди Ковачевич

НСБО НАД КЕРЕСТУРОМ

Директор
Мартица Тамаш

Овичательни редактор
Микола Шанта

Редактор
Микола М. Цап

Рецензент
Микола Шанта

Лектор
Блаженка Хома-Цветкович

Дизайн рамикох
Любомир Сопка

Компютерски обробок
Людка Цвеїч

ISBN 978-86-7105-253-5

Ирина Гарди Ковачевич

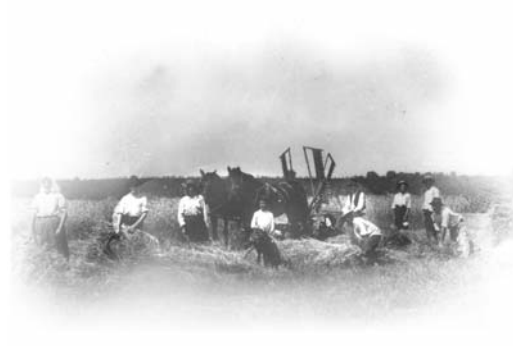
НЕБО НАД КЕРЕСТУРОМ

СКАЗКОВО ПРИПОВЕДКИ И ЛЕГЕНДИ

„РУСКЕ СЛОВО” НОВИ САД 2012

*Друкованє тей кнїжки финансийно помогнул
Покраїнски секретарият за културу и явне информованє
з Нового Саду*

*Як сом слухала,
так приповедам*

Зоз двора

ДЗИВА ДЗИВКА

Було нас штvero дзеци. Родичи, накадзи пукла яр, з дня на дзень ишли на польо. Ми, едно другому по уха, оставали дома зоз бабу и дідом. Так зме ше ховали, а так ше ховали и шицки дзеци у валале. Лем тих цо не мали бабу мацери цагали на польо зоз собу, а ми мали и бабу и діда. Дідо вше мал даякей работи у гумне: уж статок напоїц, уж нашекац качатом чи гушатом зоз цвиклового лісца, уж поналївац води живини, та платац серсан, поподруцац гной цо кури розгребали, поскладац вигризки. А кед себе не нашол сам работи, баба би му нашла дацо и у загради. Бо, заграда була бабово царство. Там вона розказовала, там вона царовала и там бул шор як вона задумала. Два яблонї, една грушка и два шлївки були єдине цо допушчала дідови отримац, але и то лем у кутох и коло дражки на уходзе до загради. Яка то лем заграда була! Найкрасша на шоре, та цо на шоре, у цалим валале! О ней ше приповедало аж на други валал.

– Тота жена ма желеняву як да ей врача – гуторели людзе цо преходзели коло наших прощох з котрима була оградзена заграда.

Заграда була и досц велька, озда випатрала и векша як була же хижа у ней була невелька, та ю зяри з дідову помоцу, котри мушел набиц кольчки и порозцаговац шнурки най то шицко будзе як по шпалиру, баба дзелела на градки, а до градкох садзела шором по строгим календаре котрого ше притримовала: шалата и цибулька посадзени ище вешенї, коло дражки, бо ше их вибера и зрезує кед наяр ище зна буц мокро, а друга желенява лем цо посходзи, да ше не угажи. Вчас наяр шало ше грашок, вецка мархву, и петрушку,

мауну, редхвочки, пресадзовало капусту и келерабу цо зишли у вельким лаворе на хлівовим облаку. Вшеліяк, досц вчас зяри ше пошало и – мак. Тоти дробни заренка цо ми дзеци так любели кед ше з німа, розтлу-ченима у ступки, а вец поцукрованима, напхнели рейтеши, зачарнели галушки, або бобальки на Вилію! Та, кед було вецей цукру у меху, а баба добрей дзеки, знал ше нам уйсц и даяки цукрик пражени з маком. Яке то було шесце!

Но, та кед тоти дробни заренка маку цо вчас наяр положени до жеми випуковали, кед ше зявели два дробни лісточка, видзели ше прости шорики, а вец рошлінки моцнели, доставали вше нови и нови, вше векши и векши, два по два лісца над мелку чарну гліну. Як з чудесну руку виписани смуги цо крашели заграду! Але, найкрасша була макова градка кед з пупчох на верху каждой рошліни розквитнул квет. Нашому, дзевинскому чудованю не було конца же ше на тоти квети не лашели млади дзивки котри у маю, або вец аж у юнію ише баржей, таргали розквитнути коляци ружи и у руках их тримали кед одходзели на танец, або до церкви.

– То ше не руша, нізач на швецце – место одвиту на таке питанє, наказовала баба. – Сцекайце, бо дораз наидзе Дзива дзивка! – плашела нас вона и строго мерковала же би даєдно з нас не заквачело даєдно крегке маково сте-белко, або затапшало други градки по загради.

Квитли и кромплі, але то не була краса ані блізка маковому квету. Здабали маково квети на пипине, котре, зна ше, червене, а маково квети розквитали вельки, розкошни и иншакей фарби. Од билей по цму лилову. Одпадовали лісца тих кветох як з туліпанох кед одпадаю, цо у погаре не витримаю ані два дні, а за німа оставали шмишни чуточки, у ствари якиш гордовики котри на верху маю чу-бку, як затичку, малу корунку. И теди, кед кветово лісца попадали по жеми и аж ю закрили, баба нам не дала уходзиц до маку.

– Далей, далей отадз – пратала нас немилосердно. И страшела нас:

– У маку жие Дзива дзивка, меркуе на вас и кед вас даедно долапи заврача вас, та вам будзе гуя! Же бисце не старговали тоти маково канчовики!

Но, але поведз ти дзецку най не руша дацо! Яке би то було дзецко кед би го праве тото забранете найбаржей не прицаговало?!

Єдного дня кед зме видзели же нашо пошли на польо, а баба ше вибрала до валалу цошка окончиц, найстарши брат и я ше помали уцагли до заградки. Чмигли зме од тих двоїх младших шапутракох, ша вони би нам лем завадзали!

– Меркуй, заври тоту капурку так же би не було видно же зме нука – розказовал ми брат. – Клекні и цагай ше попод проща най це не видно, ни-а, так! – цагал ше баржей на бруху як на коленах опрезо мне.

У страху, бо зме були свидоми же робиме цошка цо ше не шме, цагали ми ше по ище влажней жеми, цагали и цагали на коленах и на бруху. Од горе слунко упекло, а од долу влага якаш бие до носа, ласкота на кихане, церпню колена.

Не знам кельо зме ше так цагали, кед раз цихосц. Слухам: не чуц ніч. Анї не видзим братово ноги опрезо мне, анї не чуєм же би ше шмикал по бразди. Лапела ме панїка, вошел страх до мне, оглядам ше, – нїгде нїкого. Не шмем ше озвец, анї шепот ми з гарла не виходзи. Зацерпнути чекам цо ше случи. Нараз, злетла якаш герлїчка, чи цо, над мою главу, а я гонь вонка зоз загради. Бежал сом кристакрижом, не знам, чи сом и кельо сом маки повалял, але сом ше становел аж у дворе. Не шмем кричац на брата, буду ме чуц аж на улїчку, дозна ше баба, пове родичом, та збереме. Сцерам зной зоз чола, чувствуем як ми вибил и чури по похребцини, походзкуем коло заградових дзверкох, ламем руки, чекам – брата нет и нет.

Випатрало ми як же цали вик прешол док не пришла баба. Не мушел сом ей толковац. Кед ме видзела такого узвараного, воздлуж завлаченого од гліни, и попатрела през проща до загради кадзи сом вибегнул, швидко ей було ясне

що ще стало. Така нагнівана дрилела дзверка, та просто до маку у котрим я охабел надалеко видлїву дражку. Ходзела вона по маку горе долу, хиляла ше, доволовала брата по мену, видзело ше ми же би скорей обишла цали гони, а вец нарааз скричала:

– Волай дїда! Швидко!

Дїдо, кед пришол дзешка зоз гумна, вошол до загради и о кратки час вон за руки, а баба за ноги, виношели брата зоз маку. Пренесли го коло мене, а брат лем якошик преврацел з очми, пожеленел у твари, у целу окляпнути вишел на їх руках, а коло устох ше му видзело як вибива якаш желена пена!

– Швидко, принєш канчов з воду! – наказала ми баба. Брата спуцели на лавку цо на дворе була опарта гу муру попод хижу. Баба вжала одо мене канчов, та з нього налївала воду братови до устох. Вода ше злївала по його озноєних власох, але желенкасто-била пена ше слабо змивала. Вецка го обрацела долунїц, та му з песцями прицискала медзи лопатками, так же пред тим налята вода виходзела з нього. Кеди-некеди, баба му злївала воду з канчова на цемене, дзвигала главу и обрацала ю гу себе.

– Яй, боже мой, цо тото дзецко поробело – забриговано предлужовала нарабяц з нїм непрерывно меняюци команду дїдови най го обраца раз на брух, раз на хрибет.

Кед би випражнела канчов, розказовала ми:

– Швидко, принєш полни! – И давала ми празни до руках. Не знал сом же знам буц таки швидки и таки схопни ношач канчова полного з воду, а же би ше вона не розляла!

Конечно, брат ше закашлял, почал ше кормацац и як же пришол гу себе, але знова падал до сна. Теди го баба пляскала и знова полївала.

Не знам як то длуго тирвало, але знам же у мене шерцо скакало як шалене.

– Цо кед брат умре! – преходзело ми през главу. – Хто будзе виновати!?

До вечара брат ше якош отютел и кед пришли родичи з поля вон уж бул у посцелї, як по млодей чекал же би баба и

дїдо виприповедали цо ше з нами стало. Але, мудри баба и дїдо о тим шицким родичом виприповедали аж о даскельо днї, кед було ясне же братови не була даяка хиба.

Було то уж лето, раз вечар, кед у нас була трешка, та старши були завжати и на нас ніхто не обрацал увагу, брат нас, менши дзеци, позберал, та зме пошли за хижу, пошедали на желену траву и аж теди нам виприповедал цо ше зоз нїм стало.

– Кед зме ше так цагали на бруху я заквачел з локцом едно стебелко и тот канчовик мака спаднул точно опрезо мне. Яки бул крегки одламал ше на тим месце дзе є на загрубнуцу як засадзени. Зоз нього почало чуриц таке як ліпкаце млеко. Бул ми блїзко при гамбох и я го почал лізац. Було горке и мало незвичайни смак и запах, але як кед би ме цошка омамунело. И я лізал, и лізал далей. Одразу сом вец не чул анї витрик, анї шушот лісцох, анї пчоли, та аж анї брата за мну, почувствовал сом як ше надо мну хтошка нагина. Отворел сом очи и мал сом цо видзиц: якаш дзивка. Мала бурави желени власи, як ше нагла надо мну власи ей правели завису над мою главу и мнє ше почало муциц пред очми. Було ми як кед би ми нараз хибело воздуху, лапел сом ше за ей власи, а вона ше нашмеяла:

– Видзиш, я тота Дзива дзивка, – шепла ми до уха и я почувствовал як ме легко оддзвигла од жеми. Ношела ме на рукох, реготала ше, танцовала зо мну, а коло нас були високи, високи стебла маку, ноги ми увадзовали до макових канчовикох, але ми були таки легки як и рухи Дзивей дзивки, же ше анї еден не одламал. Летали зме так, а вона ми розказала:

– До каждой тей маковини мушиш закушиц и випушиц сок зоз ней. То мойо богатство и твойо зуби го муша ошлебодзиц. Кед вецей однешем тей билей смоли до свойо царства, будзем пановац над вецей людзми. Цо мам вецей слугох, вецей робя на мнє и я годна завладац зоз найвекшу часцу швета.

Однімал сом ше, але ей ме руки якош мощно, а полєгко тримали. Закушовал сом до безконечно велїх маковинох, у

глави ми дубонєло, муцєло ми ше пред очми, алє вона не мала милосци.

– Пуц ме – модлєл сом ю – брат ше престраши, баба ме набиє кєд ме влапи у маку, а цо аж родичи поведза, не шмем анї думац - плакал сом.

– Лєтали зме длуго понад вєльки поля зоз младим маком, слунко одгоре швицєло, я ше знєл, алє сом мушел закушовац жєлєни канчовики. Видзєло ми ше же ше ми смрод смоли упил до скори, же ме печє у гарлє, плакал сом:

– Знам же сом виновати же сом не слухал родичох, а окреме бабу, алє мушим пойцц дому, обєцуєм, вєцєй анї раз не будзєм уходзиц до маку!

– Було барз длуго, дзєнь цали прєшол, уж ше зацмєло, а поля з маком ше далєй лєм ширєли, Дзива дзивка без одпочивку танцовала зо мну, нарабьяла мєдзи шорами, натарговала мє як кєд би ю барз забавьяло як ше я мучим. Видзєл сом же ше єй очи чєрвєнєю од радосци кєльо зме смоли назбєрєли, видзєл сом єй щарнєти зуби док ше шмєяла и зарєкол ше же кєд прєжиєм нїгда не забудзєм тот дзєнь и вшє будзєм странїц од маку, не зосцєм го анї у рєйтєшох. И тєди кєд мє баба пришлє глєдац до заградє я уж обижол вєлї хотари, вшадзи булє маку, за нами оставали канти полни билєй смоли, болєли мє устє, трацєл сом диханє. Чул сом бабу як мє доволує, алє ми устє булє нєпрєривно завжати и я нє могол пушиц анї гласа.

Ми, дзєци шєдзєли коло нього щупєни и застрашєни. Каждє з нас у главє прєвращал слики котри нам описовал брат, каждє ше оглядал чи ше пред нами нє створи оддакадз жєлєновласа и чєрвєноока дзивка, поцєрпал же ше озвє гу нам зоз рєготацим гласом котри єй виходзи зоз спрєтих гамбох, помєдзи щарнєти зуби.

Як одлєгчанє нам зазвучал мацєров глас котра нас волала на вєчєру. За вєчєру змє мали з маком галушки!

ЖЕЛІЗНА БАБА

Кед Микола, о котрим тота приповедка, бул хлапец, теди дзеци не мали купчи бависка, але ше бавели хто з чим, хто уж цо нашол и кому як робели пильки, як би ше то нешка поведло. Теди себе хлапци знали з обичного прута задумац же є конїк, и ище як би регочали шедлаюци го по праху, бо теди на улїцох по валале не було асфалту, але мегки и груби прах, цо направели кочи и конї дробкаюци запрагнути гу друку черчацого коча. Дзивчата ше и теди бавели з бабками, котрих приберали, укладали и муштровали ше з нїма як з правима дзецми, як ше то уж дзивчата знаю бавиц. Бабки не були прави, гоч були красни, власати, бо були з чуткох кукурици, з тих младих цо мали гадвабни власи, а зоз старих чуткох ше правело палати и турні, за задумани найкрасши принцези и принцох. На мехох цо були вискладани под конком под час тлачидби, док ше их не поношело на пойд, ше длуго шедзело, а дакеди аж и поспало, бо ше од машини тлачарки хтора натлачела теле жито, по цалим сушедстве, хлопи и жени розходзели позно, кед уж и босорки бегали по шоре. А тоти босорки то були страшни потвори. Так голем баби приповедали кед страшели свойо унучата най ше цо скорей, ище у першим змерку, збегую гу домови. Ише страшнейше од босоркох було Железне кольче, пре котре ше и найшмелши з першим змерком рушали гу домови. Кед ше лем спомло же „Дораз буду бегац железни кольчата” – то ше аж квичаци розбеговало кажде дзецинске дружтво. Но, кед би ше дахто дакому питал як випатраю железни кольчата, не цигурне же би знал повесц, а и кед би дахто

дакому понукнул видзиц даедно таке кольче не пристал би – нательо то було страшне!

Було ту ише койдзєяки потвори, поведзме, Дзива дзивка з маку, але тому истому Миколови, о котрим бешєда, найчастєйше гроженє зоз Жєлєзну бабу. Бо чом? Бо прето же вони мали студню як нїхто у валалє, дзєшка под конком, у заднїм дворе. А там було и краснє место за бавенє, бєганє, прєскакованє штранджга, лабданє з рєндану лабду цо му ю баба зошила зоз старєй ботоши, а под вєльку ягєду бул хладок, а на ягєди вєльки, червєни плоди од котрих шицки дзєци були замуцкани, але их брухи сити. Лєм шє одкрало фалат з пупка хлєба и стрєсло даскєльо смачни плоди. Микєла шє знал видрапац на чєпєрки, та шє шєстром видрижнєвоац же яки сєбє ягєди наобєрал, а вони шє мушєли зайсц з тима цо наотрєсали.

Но, та у тєй студнї, голєм так твєрдзєла Микєлова баба котра з нїма жила у обисцу, була Жєлєзана баба. Правє прето, тота студня и корцєла тєльо Микєлу, же шє нє могол одупрєц кєди лєм забєгнул под стрєху спущєну над студню, закукнєц до нєй. Були на студнї и паланки, але таки з дєскох, а дєски як дєски, кєд шє по нїх частє прєлїва воду, а вшєлїяк же з каблє плїушнє кєд шє полни вицагєує з глїбини, швидкє здирвєю. Баба наказовала най шє дзєци нє приблїжую гу студнї, бо Жєлєзна баба лєдво чєка же би их з клєчкє уцагла нука. Алє, яка то баба? Яка то клєчкє? И, нацє Жєлєзнєй баби таки, звичайни, дзєци, мучєло Микєлу кєди му лєм на розум спадла студня.

И раз, було барз допито и горуцо, та анї хладок ягєди нє помагал, приблїжєл шє Микєла гу паланком. З їх глїбини била приємна швижєсц, цо на тєй горучави було ишє прицагуєщє. За тоту швижєсцу вон шє и мамунєл, та шє так баржєй нагнул над студню, а мокра вєрхня дєска му так приємно, ласкотацє, ошвижєла голи брух. Жадаяоци помєцнїц тотє приємнє чувстє, Микєла шє цалком опар на паланки, аж нагнул. И – дєска пукла. Под Микєлом шє ноги зошлїєли, дзвигли до горє и вон з глєву горєбздєм рушєл гу

води. Вода плюсла и пред нїм ше одразу отворел якиш нови, непознати швет! Не осетел вон дзе го з ключку заквачела Железна баба, лем нараз похопел же є влапени!

– Го-го-го! – чул ей регот, але ю не могол видзиц, бо гат, глава му була надолу, а глас Железней баби ше чул якош од горе. – Яки шумни хлапчик. Лем кед будзе и послухни, годна сом ше з нїм спомогнуц!

– Пушце ме отадз – заплакал Микола – Будзем добри!

– Цо значи „Будзем добри?“, видрижньовала ше Железна баба – Кед не слухаш!

– Я сцел лем видзиц – пробовал ше вигвариц Микола.

– Видзиц, видзиц! Та чи ше то шицко муши видзиц, га? Було ци поведзене же я зла, же ше одо мне мушиш чувац. Не верел ши!

– Я думал лем же сце страшни. Не знал сом же сце и зли – правдал ше Микола.

Не знал ши? Не научел ши тоту писньочку:

*Зла баба, зла,
тройо дзеци ма
єдно ходзи до школи
друге ише бочкори
треце шедзи на каменьчку
трима пищчка на ремеьнчку!*

– Знам я то, але, сом не думал же то о вас, – яйкал ше Микола. – Цо зо мну поробице, тераз?

– Тераз ше ти мушиш постарац коло моїх дзецех, бо я идзем по студных, стрежем за непослухнима дзецми, а моїм вец хиби мац, односно пестунка. Но, та ти им тераз маш буц пестунка!

Та так Микола ше такой лапел до работи: вжал за руку наймладше бабово дзецко, бридке, аж страшне, а недобре, виргаце и лярмаце як и вона сама, та гайд, водзи го до школи. А у школи учитель ише горши гу школяром як його оец кед вон дацо звитяжи: стої на дзверох, лиси, а з

тирсовку у руках, окуляри му на носу, неприємно школі на Миколу:

– Ти нешка одвитуєш за тото дзецко? – пита ше Миколови. – Меркуй, кед вон дацо не зна, ти доставаш по пальцох!

Почала година, а бабово дзецко глупенке, не зна ніч. Аж ше Миколови видзело и же не сце знац, бо же ше му пачи патриц як вон дує до пальцох кед го учитель вдери по ніх! Видзи вон же нет помощи, лем приволац на розум тото цо не так барз мерковал кед учели разедну. Та почал шептац истому тому школярову: Раз еден, еден, раз два, два и так далей, покля цала разедна не була без гришки, як по води, видекламована.

Лем цо ше врацел з тим наймладшим зоз школи, а тот цо шил бочкори го дочекал нагнівани:

– А я най сам себе масцим опуту? Бочкори муша буц до вечара готови, а скори ми не порихтани. Их ше перше муши мокри розгажиц, бо я аж вец можем шиц з ніх! Чекай-ле, чекай! Повем я мацери яки ши ленюх, – загрожел Миколови, та ше тот лапел газловац по мокрих шмердзацях скорох, з яких ше дакеди правело бочкори, обуй без котрей не було ані єдного параста, обуй котра талпи наших старих чувала и од грудох, и од сцернянки, и од копачох.

Шнурал бочкораш скрату скору з опуту, як зоз даяку грубу цверну, дрилял тоту опуту зоз шидлом през пред тим видлобани дзирки, надзивал на копито, тлукол з якимшик млатком, и наисце – вишла то добра бочкора: перше єдна, вецка друга.

Гей, але ту уж пред вечаром, а гевтот треци, цо шедзи на каменчку лярма:

– З моім псом ше нет хто прејсц! Думаш ше ти лапиц до роботи? Тот пес не витрима так цали дзень кучац коло мне, а мне уж руки зболели як ше з нім натаргуєм. Покля же будзем чекац одмену!?

Видзи Микола же то лем на нього чека, та скоком, хвацел тот ременьчок з хлапцових руках, а пес як на розказ,

скочел, поцагнул го и Микола ше за нїм розбегнул, бежи за нїм, але бежи, а бежи! Миколови уж душа виходзи на нос, не ма диханя, пада и руки му церпню, колена подрапани и постлукани од паданая, у глави му гучи бо не ма воздуху и кед раз, ноги спод нього вибегли и вон ше розцаг долунїц, на брух яки є длугоки! Шицко ше коло нього зацмело, цело му зацерпло и як кед би през якуш далекосц препознавал гласи:

– Швидко, швидко, муши ше з нього вируциц шицка вода, – чул неясно, мишали ше гласи над нїм. Вец почувствовал мацерову слизу на своєї твари и оцово руки як го дзвигаю зоз жеми.

О тим як Микола спаднул до студні и як ше його шестри знашли та скричали на оца, котри на щесце, праве рушел же поналїва до черепчка води качатом, та бул блїзко, ше длуго преприповедовало, окреме на прадкох. Медзитим, о тим цо Микола дожил кед спаднул до студні и кед служел у Железней баби, длуго нїхто не знал. Кед уж бул стари и кед мал свойого унука, тиж Миколу, шицко виприповедал свойому унукови а вон, ни-а тото записал.

Но, правда, могло ше уж теди такой знац же там, на дну студні було цошка страшне, бо ше од теди Микола барз пременел. Так, преїг ноци, постал перши рахункош у класи, а вецка кед пошол за шегерта, бул найвреднейши медзи тима цо ведно з нїм учели ремесло, та з нього постал найлепши ципелар у валале. Теди ше уж бочкори кус покус трацели з хаснованя, але кед требало – знал направиц и бочкори! И, гваря же ше барз розумел до добрих псох. Але, о тим ше лепше опитаце його унукови, бо як поведзене, шицки Миколово тайни пренешени на його унука, Миколу!

ЖЕЛІЗНИ КОЛЬЧАТА

Од давен давна ше знало: кед ше змеркне, дзеци муша буц дома. Бо, кед ше спушчала цмота на жем, теди до валалу приходзели страшни ствари. Прето старши були задлужени клепац дзецом же кед учую пацери зоз валалскей турні, вец ше претаргує кажде бависко и бежи гу домови. Дома их чека умиванє, вечера, и молитва у посцелї пред спаньом. И вец ше муши цо скорей заспац, а родичи, баба и дідо оставаю коло лампи ище дацо поробиц, кед не инше голем ше порадзиц цо хто з нїх ютре ма поробиц. Дзеци можу прислуховац о тим, уж кельо чую и розумя, покля их сон не звлада. А дотля ше мож, боме койцо и наслухац, а бешеда старших дзецом найлепша колїсанка.

Хтори дзеци не слухали, им ше грожело зоз Желенима кольчатами о котрих нїхто не знал приповедац як випатраю, лем кажде знал повесц же су страшни, же кадзи вони преїду там не остане ані едно дзецко. Позбераю го и однешу гет – хто зна дзе, и нїхто не зна цо ше вец з того дзецка стане, а кед дацо непознате, то не може буц добре!

Єден Василько бул добре дзецко, але барз любопитліве. Мучело го дознац праве тото цо ше од нього найбаржей скривало. Баби ше знал допитовац о тих чудох цо старши на працкох споминали, але го нїяки одвит не задовольовал. Окреме го цикавело:

– Бабо, я би голем раз закукнуц кед преходза по шоре Железни кольчата, яки то вони?

– Сину мой, най ци таке дацо на розум не приходзи, – опоминала го вона – бо ци будзе гуя, а цо я будзем без свогийого нука? Хто ме дотрима док будзем стара, и кед сом не

годна старац ше о себе, хто ми погар води дода, хто ми натопа, хто ми руки зложи?

Дзвигала баба на найвисши уровень озбільносц унуковой утрати, лем же би себе Василько на твардо вжал до глави же кед ше змерка муши рушиц дому.

Вшеліяк, як и нешка, и теди дзецом було найсладше бавене праве кед ше требало розходзиц. Лем себе задумай: праве на це пришол шор буц тот цо предводзи шор дзецох полапаних едно за друге, а тоти на краю, залетніки, лем одпадуо, бо ти так схопно и швидко меняш напярми беганя же вони траца равновагу, фарую и одквачую ше, виврацаю до праху, а тебе на розуме як одквачиш за собу аж и власного брата, а не лем найлепшого пайташа за нїм, а воно – бабов чи мацеров глас котри не мож преслухац: „Дому!”

Або, бавице ше на мости, удава ци ше сцекнуц спод моста, полапаних рукох дзецох над главами тих цо под нїма пребегую, най це не залапа и примуша най ти будзеш слуп моста цо лапа, а воно – дому!

Так и Василько, цо ше иншак досц трапел буц медзи лепшима и вештейшима дзецми, та ше му вше якош ушло же би бул залетнік, недзечне охабял бависко на шоре, а видзело ше му же ше праве його баби глас перши чул, та за нїм крича дзеци: „Губибанда!”

Як и по други ярні вечари, и того майского шицко пахло: зоз заградох розквитнута овоц и перше квеце, зоз черякох коло яркох и з древох пахняци кветни лісточка ошивали ше по дражкох, а воздух цо белавел у змерку, рушал ше помали и правел лем тельо витрику же би тоти пахоти розношел, та на бабов глас Василько з ноги на ногу рушел дому вечерац и спац, гоч ше у нїм шицко бунело:

– Бабо, шицки дзеци ище вонка, лем я мушим войсц – бунел ше.

Баба му лем наляла шольку цеплого млека и гварела:

– Буду вони сцеканц, аж пети биц до задку, бо дораз буду бегац Железни кольчата.

И так Василько легнул под перинку, але му сон нїяк не ишол на очи. Цо сам сон не приходзел, але и вон ше старал не заспац, дал ше на то же дочека тоти страшни Железни кольчата. И же их на концу увидзи и ошведочи ше яки су и чи вони наисце и страшни. Та най ше з нїм стане уж цо ше ма стац, голем ше годзен хвалїц пред пайташами же видзел тото цо з нїх ані єден ище не мал шмелосци видзиц!

Чекал вон, чекал, ослуховав гласи з кухні, препознавал мацеров и оцов, бабов и тот найгрубши дїдов, але уж не барз розумел цо приповедаю. Дакус и прето бо ше му гласи мишали зоз черканьом ложкох до танерох, бо вони позно вечерали, по тим як понамиряли статок и поумивали ше, а дакус и прето же вони єдно другому гнетка упадали до словох. То му и завадзало, але и помогло увагу обрациц на гласи цо приходза з улїци. Отамаль ше чуло пси як брешу, ридки кочи котри позно приходзели з поля. Шицко надгласала година кед вдерела ферталь, а вец и пол. Думал же то уж на дзешату, бо гласи поставали вше заглушенши.

А вецка, одразу, цошка щерепчало! Железне – препознал звук. Нагло и якош такой ту, под облаком!

Скочел Василько з посцелї, отворел облак и понеже вон не бул високи, шеднул на ньго так же ноги спушел долу. У истей хвильки цошка го хвацело и почало ше катуляц з нїм. У ствари, йому ше видзело як кед би бул у даяким вельким гордове, полным з прахом, котри ше котурбича по улїци, так ше обрацаючи сам коло своей осовини виходзи з валалу, переходзи по якихшик пажицох, и идзе, идзе, а черепчи mocno, аж му у уоох дзвинї! Стануц би вон, и закукнуц дзе є, але не може. Обраца ше Василько, обраца, раз му глава горе, раз ноги, раз ше му видзи же спадне та вдери зоз собу так же ше розбрижне, а вец ше якош шицко примири, на хвильку, та вец почина ознова.

И – на концу, як кед би дакто спушел вельке жележиво на калдерму, так щерепчало! Василько почувствовал же ше застановел. Отворел очи, розпатрал около, але не видзел нїч – видзел лем цмоту доокола. У ствари, вшадзи була цмота,

лем тельо видзел же стої опрез якейшик дзири з котрей ше розліва моцне шветло, так же го цалого облїва и вон муши кліпкац, бо патриц до шветла не мог.

– Придз блїжей – озвал ше гу ньому якиш глас. Не могол розлучиц чи то хлопски, чи женски, а можебуц бул и глас даякого дзецка, котрому уста завязани з хусточку.

Злєкнути, Василько направел еден крочай и опитал ше бояжліво:

– Хто ши?

– Я Хтошка и твой сом пан. Будзеш у мне служиц док не заслужиш ошлєбодзене. Ти знаш цо ши завинел и мушиш тоту свою вину випокутовац.

– Але, я спал, а ти ме пребудзел! – вигварял ше Василько.

– Чи би не?! Так ше може кажде вигвариц: кед з рендану лабду збієш гліняну кантичку цо ше суши на плоцику повеш же ше сама розбила, кед запожніш до школи, то прето же це ніхто не пребудзел, кед под тобу пукне ляд на бегелю, ти не думал же є такі ценки.... Так?!

– Тераз сом наисце ніч не виновати – правдал ше Василько.

– У шоре, можеме ше надмудровац кельо лєм сцеш, але можем ци повесц же ше мушиш барз постарац як то зо мну виведзеш. Тераз гибай тадзи и лапай ше до роботи.

Вошол Василько до тей ошвиценой дзири, але там тиж ніч не видзел, бо шветло котре ше злівало коло нього онеможлівйовало му видиц чи то мури коло нього, чи отворени простор. Оглядал ше, оглядал, але не видзел ніч. И нікого.

– Кед ши Хтошка, мушиш ми помогнуц цошка? – здогаднул ше Василько.

– О пале ти ше його, як ше вон знашол – нашмеял ше глас. – Най видземе яки хасен можеме ту мац од тебе. Требало би позаметац, бо нашмецене, але ти мушиш найсц метлу!

Дума Василько, дума и рушел так як и у їх обисцу, кед ше уходзи з конку, до приклєта, за дзверми стої метла.

Обрацел ше на прави бок, намацал з руку пориско, и наисце, на шветло вицагнул метлу. Влапел ю и розмаховал з ню лїво-право, та сам видзел як дзвига прах, бо ше на тей шветлосци правели хмарки з нього.

– Най видземе як застановиш тот прах – явел ше знова глас. Василькови було ясне же вон провадзи кажди його рух.

Врацел ше Василько на початок одкадз рушел и намислом врацел метлу на место одкадз ю и вжал. Тераз знал же би канта з воду мушела стац такой за дзверми, на лїво же би ше тот хто уходзи до приклета не пошпоцел на ней, а же би була под руку тим цо смядни приду зоз двора, загради, або з улїци напиц ше води. И наисце, на лївим боку од уходу, гоч му шветло и далей било до оч, та ніч не видзел, намацал канту з воду. Нагнул ю и опрез себе тамадз кадзи заметал попирскал з воду и хмарки праху ше злегли.

– Закончел сом и тот задаток – гварел Василько одшмелени. – Тераз биш ме могол врациц дому, бо ме буду гледац.

– Га, га, га – зареготал ше Хтошка – ти думаш же так легко мож виправиц кед дацо завинїш.

– Обещуем же вецей не будзем робиц того цо ми старши забраня – гварел Василько.

– Тото ти обещај своей баби, своім родичом, а я не мам цо вериц чи не вериц. Я це мам право затримац кед не зложиш предвидзени испити. Но, тераз, най видземе як ришиш найвекши задаток: маш ми увариц юшку, але ту ниа у кухнї нет ніч з чого увариц, а маш ми ю послужиц так най ю поем, а не мам ані єдну ложку! – розказал Хтошка. И шветло ше зменшало, а Василько видзел же пред нїм цошка як котлянка, ту и якишик котлїк, и нічого вецей.

– Кед ци треба помоц, можем ци повесц лем тельо же накадзи видзеш вонка, обачиш же мам заграду, але вона нїгда не обрабяна, та у ней нет нічого за єдзене – упутел го Хтошка.

Вишол Василько и, наисце, тераз кед ше му уж очи кус привикли, видзел проща котри оградзую заграду у котрей

нет нічого, лем трава. Даєдни з тих травох препознал, бо му знала мац розказавац най наскубе прашатом фольовки, тараски, чисцецу, лободи, а з даєдними ше з хлапцами на пажици аж и бавел. З єдней трави дзивчата найволели таргац якишик дробни мали погачики, а знал же ше малим гушатком вчас наяр шека млечни лісточка лампашикох, того дзивого квеца цо квітне на жовто-гушатково ружички, а кед вони преквітню, вец ше дзивчатом до твари дую легки превидни гомбульки цо летаю як мали били мотильки.

Натаргал Василько крегки желени лісца, поскубал их як могол, бо ножа нігдзе не було, уруцел до котліка, залял з воду цо ише була у канти, и подпалел огонь у котлянки чухаюци єден до другого два дrevка цо їх вирвал з плота. Накладол надосц наламани дrevка на огонь, а кед ше лісца розварели уруцел до тей юшки желени погачики котри наоберал за тот час, добре з якуш палічку, вирвату з плоцика, поприцискал, та шицко здабало на кашу. Вец вишол знова вонка до загради и там коло проща вицагнул даскельо надово паліци. Поламал осторожно паліци на цивки и найу-датнейшу спуцел до каши:

– Най ше пачи, пане Хтошка, ту ци здрава и смачна каша, з нічого у обисцу створена, а з ніщим з обисца послужена.

Не могул видзиц Василько хто то тот цо похліпал юшку, бо ше шветло з муροх знова помоцнело и його очом заваждало видзиц чи ше дахто, и хто ше прибілжел гу котліку, лем обачел як ше у нім каша зменшовала и – нестала.

И чул як Хтошка хліпа, як ліга, просто могол задумац як му зиходзи до велького бруха. Кед похліпал юшку Хтошка задовольно моцно ригнул, цо потвердзело о його нагадованю же ма вельки брух, та гварел:

– Но, наисце то добре було. Доказал ши же ши валушни и осетени, але на шоре доказац же я меней осетени од тебе. Тераз ти мне мушиц поставиц три загадки, бо я их барз

любим. Я их длужен одгаднуц. За каждую загадку котру сом не годзен одгаднуц достанеш даяки одпуст. Кед першу не ришим, вецей ме не будзеш мушиш служиц. Значи, кед другу одгаднем, ти будзеш шлебодни, але останеш ту, бо ци одкрием драгу до дому лем кед сом не годзен ришиц другу загадку. Як плацу за трецу таку добру загадку же ю я не годзен одгаднуц, достанеш дарунок цо ци будзе служиц цали живот и поможе ци буц успишни: научим це най ше ні од чого не боіш. Я думам же то по правдзе, я барз тримам до того же сом добри згадач загадках. Потераз ми ище ніхто не задал загадку хтору сом не знал одгаднуц. Догварене?

– У шоре, як бим иншак и могол – зложел ше Василько и замодлел: – Чекай-ле, най перше роздумам, можем?

– Можеш – зложел ше Хтошка.

– Цо то: *Штири тики, два апатики, седме замахайле?*

– поставел Василько першу загадку, котру го научел дідо и котра ше му вше барз пачела.

Настала цихосц. Не видзел Василько нікого, але чул як ше Хтошка мордус: „Гм, гм.” Дакус цихо, а вец знова, там, дзешка за шветловим муром чуе тото „гм”, накашльоване, загаковане, а вецка о еден час Хтошка припознал:

– Не знам, повеш ми?

– Чи то значи же сом шлебодни и же ти вецей не маш власци надо мну, так? – сцел ше дошвечиц Василько.

– Так – гварел Хтошка, и зменшал шветло так же Василько знова видзел просторию у хторей ше находзел, та аж и одну паточку коло котляни на хтору ше одшмелел шеднуц.

– Гайде, поведз ми ришене – модлел Хтошка.

– Не кривоц ме же ци не верим и же ци повем аж док будзем видзиц як прейдзем зоз другима двома загадками – обезпечел ше од сприводзки Василько.

– Добре, гайде, най чуем другу загадку – бул несцерепливи Хтошка.

– *Леже, леже, по жележе, душу не ма, душу веже* – виповед Василько.

– Знова настала цихосц, знова накашльованє, корманє и мурчанє:

– Гм, гм, хто би повед же ме єден шапутрак надмудри – обачліво знемирени прежубронел конєчно Хтошка. – Гайде, несцерпезліви сом, поведз цо то.

– Ей, и я ше не дам так легко спревесц. Гайде, преведз ме назад до мойого дому – вимагал Василько. – Цо ми вредзи же сом шлебодни кед сом ту у це и не знам ше кадзи рушиц, як ше врациц дому – вимагал Василько. – Водз ме.

И якош поцихи, скоро необачліво почувствовал поспаносц, та кед ше од швижого ноцного воздуху розбаоторел, одразу похопел же ше нашол на истим облаку на котри шеднул звечара, у хижи у котрей ище вше спал на другей посцелі його брат.

– А треца загадка – опитал ше Хтошка, котрого пре груби цині древох попод облаки и ноц Василько и далєй не видзел, лєм чувствовал його присуство.

– Обецуєш ми и треци дарунок? – опитал ше Василько.

– Обецуєм, але перше най видзиме чи ци ше уда и на треци завод ме спредвуц – гварел Хтошка.

– То ніяка не спредвузка – побунел ше Василько, – тото одгадвуц знаю у нас и дзеци. Треца загадка глаши: *Цо то, менше од маку, а не месци ше под лавку.*

Хтошка здихнул так же ше аж коруни на древох затресли и птици цо ноцовали у гніздох на їх конарох вилетли до цмоти, а валалски пси почали брехац.

– Не можліве же сом глупши од каждого дзецка – мурчал Хтошка.

– То не муши значиц, то можебуц лєм прето же не маш діда и бабу котри це можу научиц задавац и одгадавац загадки – умирювал го Василько.

– Но, добре, длужен ши ми шицки три одвити – вимагал свойо право Хтошка. – Як сом виполнел два перши обецунки, так ци обецуєм, же виполнім и трецу.

– Добре, верим ци – гварел Василько. – Слухай: ришене першей загадки конь. Ма штири тики, то ноги як паліци на

котрих стої, два апатики то його уха у котрих му ше прави масц же би их зачувало од калічення, а седме замахайле – то хвост з котрим маха.

– То бим нігда не одгаднул, яка ци то загадка – муштровал ше Хтошка. – Гутор далей.

– Друга загадка меней збунює, гоч вецей обецує: то гайзибан. Вон леже, цага ше по шинох хтори железни, не ма душу бо є машина, але вожи души, бо вожи людзох.

– Тота ци загадка наисце добра и могол сом ю знац да сом бул мудрейши, бо и я мам вязи зоз жележивом, а и з душами тих котрих збераме по улїцох кед ше змеркне, а кед вони не посцекаю. Тота треца ми цалком нерозумліва. Як може таке дацо малючке, менше од макового заренка, а не змесциц ше под лавку. Ша под каждую лавку єст тельо места же дакеди под ню склубачени и пес, и мачка, а месци ше аж и даєдно дзецко кед ше там з німа сце бавиц, або кед ше бавя на джмурки, чи скриваю од старших, бо дацо завинели.

– Розумене ма вецей боки. Ти роздумуєш лем так як видиши, а то треба роздумац и о других прикметох каждой ствари, не лем о тей цо ци ше ю спомина и цо ю видно на перши попатрунок. Зложиш ше зо мну же дим менши од макового зарна: таки му зарна дробенки же лета як хмарка з пари, а пробуй го положиц под лавку, не годзен ши, анї ніхто, бо праве прето же є легки и цеплейши од воздуху драпе ше горе.

– Но кед так, вец ци жичим най би ши цали живот спатрал ствари и з невидлівого боку. Одберам од це страх пред непознатим и неясним, бо то тото цо гамує людзох котри би иншак могли вельо вецей посцигнуц у живоце. Не бой ше од страшних приповедкох, вони лем доказ же людзе вельо койцо не знаю, а од непознатого ше людзе боя. Не поцерпай и не одступай ні пред чим, випробуй свойо моци и способности як ши их випробовал тей ноци, та ше з тобу буду цешиц и твоей родичи и твоей приятеле, а твоей неприятеле ци не годни ніч! – вигварел то Хтошка и нестал.

И нігда го вецей Василько у своїм живоце не стретнул, анї у сну, анї на яви. Железни кольчата остали лем

приповідка з його дзєцинства, а кед вироснул вельки и наруковал, теди ше зорвала велька пветова война. У ней ше вон виказал як барз шмели вояк, та го после войны затримали и вишколовали за пилота. Длуго летал по далеких висотох, обишол швет и видзел велї чуда, але му занавше остало як найвекше тото цо дожил єдней майскей ноци у власним валалє, кед го на вельку спокусу положили Желєзни кольчата.

ЗАКУТНА БАБА

Кед ше з обисца старши рихтаю пойсц, поведзме, до Коцура на Кирбай, або до Дюрдьова на Вельку ноц, бо ше там, як уж знаце, тоти швета славя на иншаки датуми, найдзе ше дахто хто зна погубиц дзецку возбуждене пре очековане путованя. Старши ше упинаю потолковац му чом праве тераз не може и воно пойсц: же є прехладзене, же нет места у авце, же тоти там, цо ше до нїх идзе, не маю мали дзеци та му будзе допито, бо ше не будзе мац з ким бавиц. И так уж хто зна цо ше видумує, лем же би ше го одбило од драги.

Брига то, але то вше так було, лем ше тоти бриги скорей иншак ришовало. За тото була у кождим месце задлужена якаш бридка, стара, и страшна баба, знали ю описовац як праву босорку, носату, аж же ей з едней брадавки на верх носа рошню власки, же є баюсата и аж же ма джобаци власки на бради та баржей здабе на діда, як на бабу. Зна ше, вона у цмим, чарним, облечена, загуляна до штриканей хустки и огепана до хусточки за главу котра завязана на пишок, а то значи так же ей над чолом стирча як даяки рошок, то вам так преламана хусточка же є на троугельнік на верх чола, спод хторого стирча шиво-жовти масни власи.

Но, та, кед дасдно дзецко барз сцело пойсц видзиц яки то, наприклад, славни коцурски кирбай, вецка ше му поведло же будзе мушиц тоту исту бабу побочкац, а вона го облапи и до плеца му поуцера свой длуги и гербати, а смаркати нос. Же то ей обовязкови поздрав кождому хто першираз нашивює тото место, таке дацо як уходніца. Други раз ше уж путовац могло без того.

Кед Иринка була ище барз малка, була любопитліва и сцела исц вшадзи дзе други ишли. Нагода було пойсц на свадзбу до Коцура, але ей родичи такой потолковали яки ей задаток за першу нащиву. Незлюбело ше ей тото, та ше почала аж и предумовац. Найбаржей верела баби же ю не поспреведа, та ше ей, кед ю баба уклдала, допитовала:

– Бабо, не циганіце ми? Наисце ше то так муши?

– Муши, дзецко мойо – ушуквала ю баба и ошмиховала ше.

– Але бабо, ти була дакеди у Коцуре?

– Гей, була сом ище кед сом була мала, з мою мацеру и оцом – прешвечовала ю баба, постала при ней док не вимодлела „Оченаш” и „Ангелчку мой”, та пошла по своєї роботи.

– Бабо, а яка була тота баба цо ши ю мушела побочкац у Коцуре – предлужовала з питаннями Иринка за фриштиком.

– Га, така же сом ше од ней барз злекла и, цо най ци повем, длуго сом ше зривала пред спаньом после того як сом ше врацела з Коцура.

– А барз це сцисла кед це облапела – допитовала ше Иринка, котра барз не любела як ю вше посцискала мацеровва шестра кед пришла до нїх з Дюрдьова на Кирбай.

– Яй, боме барз – гварела баба – аж ми косци попукали!

Иринка би ше аж стресала кед задумовала як то ма випатрац кед це така една загуляна и баюсата баба облапя, кед ци пукаю косци, а ти ю маш ище и обочковац док вона уцера нос до твоей новей шматки, до котрей це прибераю кед идзеш на госцину, або на свадзбу. Та кед видзела же мац и оец шедаю до чейзи, порихтани на драгу, анї ей не було жаль же ю не водза, анї не завидзела старшей шестри же ше пишно змесцела на сиц медзи мацеру и оцом. Вона остала з бабу дома у цигурносци, а з бабу остац дома, якош було и красше як кед ту були шицки, бо вец могла буц „бабова єдинїца”, як ю баба знала розмазовац теди. Кед не було мацери, баба, ю вера, не пратала як вона, ровно по даякей роботи: та принеш

тото, та однеш гевто, беж анді яв най охаби за нас кантичку млека док подої, та однеш до сушеда рошту цо зме ю пожичели, та вше таке дацо. Баби лем дакеди накруцала ренди на цивку кед ткала керпари, або шедзела при ней док вона спушовала клоче на покровци. Окреме любела кед уж пришло до того же баба пошила покровци и на ніх крайом виписовала два лиловобелави смужки, зоз щеточку котру мачала до розпущених пацерочкох принесених з апатики. Раз ше ей удало тасмне вжац заренко з тих пацерочкох, але ю шицки швидко одкрили бо дотхла палец з гамбами та ей полиловели, а и пальци ей вец були длуго, длуго кафово, як и дідови од куреня багова.

– Пофойтуєце и мнє и тоти дзеци з тим баговом – дудрала баба пре його курене, а Иринка сановала діда, бо знала як то кед ши вадзени, але ані сама не любела смрод з цигара.

– А ти не знаш ніч мудрейше лем водзиц старосц цо я робим, права ши закутна баба – не оставал ей дідо длужни.

– Удян, не мудруйце, але позаметайце двор и дражку на улічки з метлінову метлу – не оставала му ані баба длужна.

– Уж є счухана од телього заметаня! – вигварял ше дідо.

– Направце нову, ша там вам метліна – оддудрала би баба, та одходзела за свою роботу, а роботи вше мала.

Знал дідо длужей подудрац же баба водзи цудзи бриги, а ма надосц своей роботи котру не старчи покончиц, та най го охаби на мире.

Иринка добре запаметала же дідо часто гуторел баби же є як закутна баба и то ше ей барз не пачело. У своей глави якош повязовала тоту бабу цо стреже чи дахто першираз уходзи до валалу, зоз закутну бабу хтора бива у Бабиним куту, од чийого беса поцерпали шицки Керестурци, а найбаржей тоти на Медешу и Селищу дзе були поля котри перши страдали кед ше дзвигла хмара з Бабиного кута. Запаметала застарани оцово и мацерово попатрунки на тот бок и як ю и шестру уруцовали до коча и дрингали дому же би сцигли скорей запору.

После таких поцерпаньох наисце знала наисц велька буря, з каменцом, витор ламал конари, ношел брадла зоз шеном и сламу, а найгорши бул страх котри вошел медзи людзох кед ше то, а так було найчастейше, случовало у тлачидби. Тоти цо не постарчели покошиц, бали ше же им жито збиє на ногох, тоти цо покошели, бали ше же им розруца марадики и порозтреса снопи по полю, а тоти при трешки, понагляли цо скорей снопи жита препушиц през машину же би ше з класкох видвоєло зарно на хлеб, як гуторели, же би тото зарно цо скорей було у мехох.

Але, дні тлачидби, гоч знали буц прервати з бурю, дзецом були и найкрасши: на мехох зложених под конк док их хлопи не поноша на пойд, то було дзецинске царство, турні з наскладаних мехох поставали палати, маґазини, дутяни, та уж цо ше дзецинска мрия здогадла, а бависка часто закончовали так же зуновани дзеци, од дньовой горучави, беганя за трешку и возбуженя пре тлачидбу у обисцу и сушедстве, сладко поспали та их родичи таки замурцкани лем поуношовали на посцелї, бо их сановали будзиц.

Иринки нїяк не було ясне як то на тим швецє єст єдна сподоба котра у себе ма таке зло и таку моц робиц страшни ствари, як цо тота баба у куце хотара цо посила каменєц и бурю! Хто єй лем то допушує страшиц дзеци цо сцу пойсц на кирбаї и швета до родзинох по других валалох. Кед тота особа баба, значи же и вона муши мац унучата, озда их любви и им є мила, а не зла. Ша баба, дума Иринка, то хтошка цо унучєцу дава першу цеплу, мегку бухту, а до ней до стредку дзе скоро превидна дзирка, кладзе жимни кайсов маджун хтори сама наварела. Єй баба аж кажде рано збера скорку з млека у єй шольки, гоч ше мац вадзи и з єдну и з другу прето же, як гвари, вона ю учи єсц шицко шором, а баба ю розмазує! На бабовим фартуху найкрасше заспац док шедзи за кудзелю на патки. Баба и вимєце буджак, и насклада даскельо чутки, най ше Иринка у нїм з нїма бави, там єй дода ище и смачни погачик зоз шкварками, котри лем цо вицагла з пеца.

Кед же ест недобри баби, Иринкова сигурно не. Єй баба наисце не закутна баба: не даяка така цо шедзи у куце, а з куку маха на дзеци цо ше до ней задзераю.

– Бабо, я видзела єдну Закутну бабу – гварела Иринка своєй баби кед раз пришла зоз оводи.

– Та дзе, сину мой? – опитала ше баба.

– Там за улїчку, кед ше скруци до нас.

– А – вона! Тота баба наисце не може зробиц нікому ніч страшне – благала Иринку баба.

– Гей махала на хлапцох цо ишли тамаль, и цошка за нїма кричала – доказовала Иринка.

– Дзецко мойо, то ше не упрекосци старшим людзом, бо вони ше вец муша даяк бранїц – пробовала ю баба привесц гу розуму. – На соботу ми два пойдземе на пияц и пойдземе опатриц тоту бабу од котрей ше боїце. То моя андя, вона була одата за дїдового брата, тераз є сама, але є добра жена, увидиш.

И наисце, всоботу рушели унука и баба на пияц, прибрана Иринка, з вельку машлю завязану на боку так же єй кандрасти власи не падали до оч, а баба вивязана у терновой хусточки и з кошарку у руках. Перше отворели капурку баби за котру Иринка и єй пайташе думали же то тота Закутна баба. На секу, огриваюци ше на слунку, на стольчку шедзаци, дочекала их ошмихнута стара жена, наисце з куку у руках, на котрих ше видзели пеги од старосци и белави жилки на висушеной скори. Иринка ше спочатку бала прибліжиц гу тей жени, але, кус по кус, кед ше гу ней озвала и кед видзела як баба зоз ню крашне бешедує, прибліжела белаву шамлочку на котру єй указала старенка родзина и почала вислуховац.

– Иринко, пойдзеш себе наоберац шлївки – понукла єй.

Иринка пошла и наоберала до мисочки дозрети сладки плоди, шедла и почала есц. Вец кед ше єй баба опитала:

– Останеш ту док ше я не врацим зоз пияцу? – а Иринки було цалком нормалне одвитовац:

– Останєм – забуваюци же ше дакеди бала и прибліжиц, а не ище и буц з тоту жену.

Пошла баба, а Иринка станула до бешеди зоз свою домашню:

– Ви не Закутна баба? – одшмелела ше ей опитац.

– Не – ошмихла ше баба – але ци виприповедам приповедку о ней кед сцеш.

Нет таке дзецко котре баржей любело приповедки од Иринки, та ше такой намесцела слухац.

– Знаш, ми гуториме же то Закутна баба, бо вона бива у нашим куце, у ствари у куце нашого хотара. Мож повесц же то една жена котра ма вельо дзеци, а тоти дзеци як и шицки дзеци цо рошню на шлебоди, на польох, а ест их вельо у обисцу, барз несташни, закукую до каждой дзири, муряю ше у каждим ярку до мутлянки, збераю гнізда зоз найвисших и найгрубших древох. А то ше барз не люби страшному шарканьови. Вон тримал же цали хотар його и барз му завадзали бабово дзеци, а уж теди, давно, мал за служніцу одну стару босорку, та ей розказал, най их вона заврача, най их претвори до птицох, най буду таки як врани же би их аж и людзе вше оганяли. Гоч су яки несташни, та гоч випатраю як птици котрих ніхто не люби, їх мац их зато найволі, як цо каждая мац люби свойо дзеци. Вона их и банї од шарканя як зна и може. Вечар их доволуе под свойо широко сукні, та кед вони приду дому вона тоти сукні пре-руци преїг ніх и людзе думаю же ше то з Бабиного кута дзвига чарна хмара, цо грожи їх польом. Теди су злєкнути и одгражаю ше на Закутну бабу. А дзеци под мацеровима сукнями и сами злєкнути, щупени чекаю най преїдзе шарканьов бес. Вон ше розбегне за німа кед му дописе їх галайк, сцел би их пооганяц, але, вони мали и швидки, а вон стари и чежки, уж ма и регому у ногох, бо там кадзи жие зна буц вельо води, и не може их здогонїц. Шаркань зна так барз ше розгнівац, же аж рига з нозгрох огонь, а ричи так же людзе чую же то громи гирмя и треска. З пазурами маца по цмоти, та з тима своїма нохцисками часто розпаре бабово сукні, та ше з ніх на валал злєе диждж. Дакеди ше так збешні од гніву же ше од того його бесу дижджово капки

маржню до лядових кулькох. Вец вон розкаже босорки най з німа з паридю цилює до дзецох Закутней баби, а сам их зоз гарсци розруцує доокола по польох. Людзе гуторя же пада каменец, та кед тоти грудки векши и кед их ест вельо, шицки шаца знаю буц после бурї цо ю шаркань виволал, збити до жеми.

– После таких бурїох поля випатраю смутни. Шицко пусе, лем мож видзиц як розбегнути дробни дзеци Закутней баби джубкаю и зазберую конарчки и хробачки.

– Случує ше, гоч ридко, же лето прейдзе без каменцу, же шаркань таки задихлїви, же не може залядзиц диждж. Теди дзеци ходза за косачами и збераю класки, а зарна цо ше висипую за косачами зоз презретих класкох, збераю герчки и миши. Свою часц ухватню и други польово жителе, желени конїки и жабки.

– Тамаль, одкаль Закутна баба, и дзеци з валалу любя пойсц. Недалеко бегель, та у нїм лапаю рибки, здзиваю их на шпаргу, ноша своїм мацером най им их упража, лебо най им з нїх наваря папригашу, чи рибовей юшки. Док жито ище не скошене, на ньго нападаю и велї птици з хотара, а найвецей тоти чарни, до яких ше претворюю дзеци Закутней баби. Людзе их плаша и зоз страшидлами и зоз керепкадлами, та аж и дзеци знали присц до помощи трепац до даякей старей судзини. Але найлепши ратунок – цо скорей позвожиц до брадлох по дворох.

– Не так же людзе не знаю же тоти птици знаю буц хасновити, бо чисца поля од рижних чкодлївцох котри би ше барз намножели и скорей як людзе позбєрали плоди їх роботи. Але знаже им не право кед видза як им даедна птица лапи курче, чи випиє вайцо кед кура зидзе з гнїзда. Кажде ше бори отримач у живоце так, як му його природа гутори.

Иринка шицко того слуха з рознятима устами:

– Я то не знала!

– Но, видзиш, дзецко мойо – гварела стара жена – же швет не вше так випатра як го ми видзиме, и же не можеш осудзовац подоби и людзох лем по тим цо ши раз-двараз

видзела, або цо ши кой од кого чула. Тото од чого ше боя, людзе превелічаю, бо ше им видзи же кед дацо укажу цо страшнйше, маю оправданє бац ше од нього. Кед дацо не розумиме од нього страніме.

– Я ше од вас вецей не боїм – гварела задумано Иринка.

– Маш право – одмахла з руку старенка жена. – Кед би остала жива моя дзивочка Фемка, я би тераз можебуц мала таку унучку як ти, зоз ню би до мене приходзели ей пайташки и одо мене би ше дзеци не бали, а и я би баржей звикла на ніх.

Кед ше баба врацела з пияцу и поволала Иринку, вона лєм подскочела, розбегла ше гу капурки, а вец ше оглядла и врацела:

– Андьо, сцеце най я будзем и ваша унучка. Може? – оглядла ше гу своєї баби, гледаючи у ей поглядзе потвердженє же з тим власней баби не превредзи. Баба ше ошмихла, погласкала ю по власкох, змахла з руку своєї анді и гварела:

– Як видице, андьо, остали зме родзина!

ЧАРНИ ТАЦОК

Мац и оцц мали тройо дзеци: Ганчу, Славка и Геленку. Мали вони и бабу Марю и дїда Василя з котрима през дзень оставали и котрих каждого вечара модлели най им дацо виприповеда. Дїдо Василь знал вельо красни приповедки, але то були таки страшни приповедки же у нїх уживал лем Славко, бо вон любел кед ше бешедовало о тим як даяки, там, юнак победзовал и рижни жвирини у цмих лесох и даяки воякох. Скоро же аж уживал у габох страху котри го обнїмали кед главни юнак замаховал зоз шаблю одрезац главу шарканьови, або одняц царову дзивку з пазурох даякого страшидла, док дзивчата вищали и уцаговали глави под перинку.

Баба Маря приповедала приповедки у котрих було вельо русалки, даедна принцеза и на концу, и даеден принц. Вона знала вельо приповедки о святих и о часу кед Христос ходзел по жеми. Дабоме, то ше пачело двом дзивчатом и вше сцели ише.

Кед би баби уж допило приповедац, знала прейсц на тоту стару шпиванку:

*Чарни тацок леци, з криделком трепеци,
до облакох дурка, вшадзи дзе ест дзеци.
Хтори уж поспали, тих вон и не руша
а хтори не пошня, з тацком летац муша.*

Ту би дагдзе двойо младши поспали, а Ганча, як найстарша, вше чекала и остаток писнї хтора глашела:

*За гори за леси, дзе жию русалки
там их буду гомбац на златней гомбалки.*

О Чарному ташкови приповедало ше и водне, а знали о нїм и други дзеци, але шицко то було якошик таїнствене, та кед ше дзеци питали родичом, або гоч кому старшому, о тей ноцней птици, вони лем одмаховали з руку и одбивали приповедац як кед би ше и сами старали же би о тим не роздумовали, же би даяк не побановали.

И, надумала Ганча же ше будзе правиц же заспала, та кед родичи погаша шветло вона дочека Чарного ташка. Окреме ю корцело як будзе випатрац тота обецана златна гомбалка.

И наисце, кед уж и мешац зашол за сушедову хижу, кед пси уцихли, а когути ище не було чуц, нараз ше облак, на котри ше припатрала, зацмел як кед би го прикрило даяке вельке, чарне кридло. Ганча анї не видзела як, але почувствовала же леци, коло ухох ей преходзел швижи ноцни витрик, а над ню ше нагинали гвизди, даедни ошмихнути, а даедни зачудовани. Вона ше тримала за птицу на чїім хрибце росло моцне чарне пире, и нагинала раз на лїво, раз на право, у чуду роздумуюци же видзи лем далеки шветли точки под собу, цо означовало же надлетую валал, або даяки салаш. Летали вони так, а ей любопитлївоєц росла, бо почувствовала же под нїма цми верхи древох, медзи котри неодлуга птица з ню злецела. Було то вikerчене место у стред лєса, дзе ше на стредку, на мешацовой шветлосци блїщало стриберне озеро, а коло озера вельо прекрасни дзивки, у превидних билих шматох, з длугокима власами. Дзивки не крачали, але трепецели над буйну траву на побережю озера. Даедни з нїх ше оплюсковали у озеру, скакали и розмаховали з руками, квичали од радосци, а даедни шедзели и з инструментами у рукох цо здабали на гитари, провадзели єдну цо шпивала так же ше Ганчи видзело як кед би то бул ангел. Лем нїяк не розумела слова писні, а вец похопела же не розуми анї слова з хтори-ма ше русалки оздзивали єдна гу другей.

– То русалки – подумала Ганча.

Два русалки котри до теди танцовали, полегко ше викруцаци сами коло себе, пришли гу ней, вжали ю за руки, каждая з другого боку, и одвели на початок леса. Там ю облекли до билей шмати, легучкей, як кед би ю виткали сами лепетки, розчесали ей длугоки златни власи, положили на верх глави венчик вивити зоз пахняцого квеца, а вец, як кед би була пиречко, оддзвигли ю од жеми, ношаці ю медзи собу.

З єдного грубого древа на друге, бул розцганути шtrandжок, а на його стредку вишела привязана гомбалка. Наисце, златна! Русалки полегко спуццели Ганчу и намесцели на гомбалку. Вецка перше помали, а вец вше моцнейше загойсали ю ведно з гомбалку и вона ше почала гойсац, летац напредок и назадок, так же ей длугоки власи полегко вицинали по ей розгоруценой твари, пахняци воздух ей бил до лїцох, та ше ей видзело, як кед би коло ней ластари даякого квеца облетали. Шицко тото ю здогадовало на чувство хторе запаметала кед ю на сушедовой колїмбачки, завязаней на єдней високей старей грушки, загойсала ей найлепша пайташка Геленка.

– Дзе тераз Геленка – подумала у себе и у першох почувствовала якеш нелагодне трепецене. – Кед би ме лєм видзела яка сом прибрана, як летам, а надо мну ше сипу гвизди, падаю по мнє як кед би ме дахто посиповал зоз стиблом, коло мнє русалки шпиваю и понукаю ми ошвижиц ше зоз смачну юшку з овоци яку сом потераз нїгда не скоштвала.

Умилни гласи русалкох, нїжне ровномірне колїсане и швижи ноцни воздух котри ше ширел з леса и над озером, виполньовал ей нос зоз пахотами. Шицко тото заношело Ганчов розум и вона ше цалком опуццела думаючи же ше находзи у раю, и же тото цо чувствує то тото блаженство о котрим людзе приповедаю же чека на шицких котри чесно и богобойно жию.

Тирвало то так єден час, а вец ше у Ганчовой глави почали збивац рижни думки. Раз подумала же ей на тим

красним дожицу буду завидзиц шицки котрим о нїм будзе приповедац, а вец ей през главу пребегло поцерпане:

– А чи ше я вообщє врацим дакеди дому? И кеди?

Ноц була наисце подполно чаривна. Оленка мушела сама себе припознац же шицко цо дожила було насправди прекрасне, яке себе ані задумац не могла. Не мала пригварку ані на справованє русалкох коло ней, замерковала же ше старали забавиц ю: шпивали, танцовали, дорушовали ю, кед би так, гойсаючи ше, налетовала коло даедней, ошмиховали ше на ню умилно. Шицко вона то добре видзела на мешачковой шветлосци за котру ані у августовских вечарох кед ше дакеди пребудзела и попатрела до ясного облака, ошвиценого зоз летню ноцну шветлосцу, не могла ані вериц же є така моцна и источасно така чаривна же випатрала як даяки непрепреповедзено красни сон. И шицко на цо попатрела було таке яке задумовала кед ей дідо лебо баба приповедали сказки у котрих принцези були страцени у леше, а принцове их пренаходзели и ошлебодзовали.

На хтору лем русалку попатрела каждая ей без словох умилно одвитовала з ошмихом, потвердзела привит попатрунку зоз руку, змахла зоз шалом до хторого ше округала, а хтори бул ище легчейши од сукенки до хторей ю облєкли, або даєдна з нїх место поздраву на ню руцела даяки лємцо старгнути квиток. О єден час видзела коло гомбалки тепих зоз квица. Мушела припознац же шицко тото на цо патрела: трепацає блїщаца озеро, загойсани коруни високих древох, розквитнути черяки коло побрежя, били ладьочки на котрих було даскельо русалки зоз якимашик тамбурками у руках, престарти парток на трави цо понукал овоц котрей ше на лупи видзело яка є юшковита и смачна, канчови зоз швижим соком и воду, тацни з дробнима колачиками, музика, танец – же шицко таке же ше не могло у нїм не уживац.

О єден час Ганчи ше видзело же то уж досц длуго тирва.

– Я би дому! – формовало ше у ей шерцу жадане.

Ғу ней приступела найблїзша русалка, як кед би чула ей думку, з легку руку на хвильку застановела гомбалку и шепла ей на ухо:

– Не будзеш бановац за шицким тим?

Оленка зацерпла, спознане же хтошка чул цо дума, закормацало ей цошка як страх у души.

– Можем за шицким тим бановац, але то будзе вельо меней як цо ме тераз мучи жадане за домом – предлужела вона думац не обаваюци ше, але аж и наздаваюци ше же русалка пречита и тоти ей думки.

Медзитим, на пажици при озеру нїхто не обрацал увагу на тото цо дума и цо жада. Шицки ше справовали як кед би обчековали же вона вецей нїгда не зосце напуциц тото место. Же ше одрекне свойого дома, родичох, братох, пайташкох и цалей родзини.

– Крашне ми ту, але я би дому – знова ше ей формовало жадане ище моцнейше.

– Тото ци жадане отадз нїхто не може сполнїц – чула шепот на ухо другой русалки котра надлетла над ей гомбалку, тиж ю на хвильку застановела и напоела з новим соком.

– Та чи я вецей нїгда не увидзим своїх родичох и своих наймилших? – пребудзело ше у Ганчи цошка цо ю бунело, цо чувствовала як цошка горке и неприемне.

Видзела Ганча як русалки цо ше пошвидко позберали коло ней на себе попатраю, було очивисне же би ю сцели поцешуц. Але анї їх намагане, анї понуки зоз шицкого цо було порихтане за заедане не ублажели Ганчов немир. Лем, так, на хвильку як кед би го поцисла, а и вец би вон ознова, з ище векшу моцу виплївал на поверхносц.

– Цо сом поробела, одрекла ше своих?! – почала ю лапац панїка.

– Ми це ту не привели – гварела ей една русалка цо вишла зоз чамца недалекко од ней.

– Знам, привело ме ту мойо жадане – подумала Ганча – але хто ме враци?

Кус покус, шицки ладьочки з озера поприходзели гу побрежю и до ніх помали почали уходзиц русалки. Каждая мала дацо у руках з того цо було порихтане за заедане и запиване. Пажица уштред леса коло озера ше помали пражнела.

Ганча почувствовала як ей почина буц жимно у тей легкой сукенки котру ей дали русалки и пожадала ше вращиц до порхетовой ноцней кошульки, котру ей за спане ушила ей мац.

– Яй, як ми у гевтей моей кошульки вше приемно и цепло – подумала. Ей, цо бим дала кед би сом ю знова здзала на себе? – пожадала и здихла зоз шерца.

Як знак же ю чули, даскельо русалки котри ше уж пендрали до ладі ше оглядли на ню, злегли з плечами, змахли на ню и вошли до ладі.

„Вони ме ту охабя саму” – нараз ей швитло у глави. – Цо я будзем у стред ноци ту сама?

– Шицко то ствар твоего жаданя. Можеш присц зоз нами до русалкового царства, а можеш остац ту, або ше вращиц дому – доруцела ей остатня русалка котра остала на побережю позберац парток на котрим було едзене и запиване.

– Не можем з вами, а не сцем ані сама остац – бунсло ше шицко у Ганчи.

Русалка ше ані не оглядла, лем преїг плеча доруцела.

– Як ши знала присц, так ше будзеш знац и вращиц.

Ганчу уж лапела розпука, рушела ше же скочи зоз гомбалки, але вона не мала тоту легкосц рушаня як русалки, та спадла на траву на котрей ше уж лапала роса пред швитаньом.

Вдерела з главу до кореня древа, але скорей як страцела свидомосц зврещала у себе:

– Мамочко моя, гибай по мне, врац ме дому!

Не зна кельо лежала на трави котра поставала вше жимнейша и влажнейша. Єден час так лежала без свидомосци, а вец як кед би ю за плеча хвацели даяки мощни

пазури и як ю ноша гет понад валали, леси и поля, вароши и гори. Чувствовала витор як ей гвижджи коло ухox, як ей ловгаю ноги и рухи, як ей пирха сукенка и як чмигаю по воздуху ей длуги власи. Шерцо ей било як даяки бубень котри нависцує новосци, пременки, часи хтори приходза, од хторих ше поцерпа, але котри не мож обкеровац. У нїм одгуковало лем єдно:

– До-му, до-му, до-му!

Од того ритма ше ей заткали уха, почало брунїц у глави и шицко ше зацмело. У тей цмоти лем було чуц як махаю кридла през воздух и як ше неолдуга спуцує на жем. Яка то радосц була кед ше нашла на жеми. Була то їх заграда, а кед ше пооглядала, видзела же шедзи у стред бетелїни и то у тей часци котру дїдо ище не покошел. До носа ей джобла якашик травка и вона кихла.

– Убил же це швет, дзецко боже – чула мацеров глас. – Як ши лем вишла зоз хижи кед зме нїхто анї не осетели, а анї бизме це не нашли да ши тєраз не кихла – глас мацеров бул и застарани, и весели источасно, гоч слова були муштроваци.

Ганча у истей хвильки осетела як ю дзвигаю моцни оцово руки и ноша. Було ей приємно и цєпло од його цєла, чула як мирно дурка його шерцо у першоx на котри ше опарла. И гоч ей було мерзено отвориц очи и превєриц, знала же на себе не ма вєцєй фатьолову билу шмату, але своєю цєплу порхєтову кошульку за спанє.

Покля ю оцєц спуцувал на ей место до цєплєй посцєлки привидзєло ше му же себе пошпивує:

Чарни тащок лєци, з криделком трєпєци...

НА ВЕПРОВАЦКЕЙ ДРАГИ

Хто не чувал статок коло драги, тот не зна яка то брига. Крави ше там дзе шму пасц, а то на метер-два зароснутого пасма коло драги, лем мухавя, оглядаю, одганяю з хвостом мухи, а кед лем кус скруциш погляд, поведзме подлобеш кертчанку цо начала швижу желену траву, пробууюци джобнуц до кертци цо ище под розтресацу гліну, хторей у стредку випучнете як брещок, та дзиру кадзи ше кертцица вихпала не видно – уж даєдна, або и шицки у кукурици, бетеліни, житу, цо уж нашате на польох коло драги. На Вепровацкей драги чувац крави док жито не скошене ище и чежше як индзей, бо коло драги не припущени ширши, затравени окрайки, а дзе их и ест, вигажена дражка. Нет нігдзе ані пажици, ані ширшого дильова, а окреме у тей часци хотара коло драги барз ридко и даяке древо же би ши под нїм дакус одпочинул од слунка. Слунко зяри зна баржей пражиц и як вец уж влече, або ци цело ище не звикнуте, та ци горучаву чежше церпиц, бис по глави каждая заря як враци дроцики, пред очми ци ше муци, зогнеш главу на хвильку и кед ю подзвигнеш пред очми ци трепеца чарни плати. Права покута, но. Кед вец уж лето замоцнеє, и цело уж навикнуте, та можеш бегац – по печацим праху, так най ше за тобу кури, дзвигац го так же ше з нього направи хмара и ніхто це не може видзиц, як кед би це обняла густа молга. Лем же кед ше тота „молга” злегне, яй твоім власом, руком и ногом, а облечиво на це не мож препознац. Та кед ше озноїш, а воно по чолє чурки кадзи капки ишли як виписани линиї, за ухами направене блатко:

– Мож цвиклу садзиц! – жубротала кажди вечар Йовгенава і Якімова мац кед их купала у гордове цо цали дзень стал при студні, порихтани праве за тоту роботу.

Не були то баш Йовген і Якім, були то іще лем Йовгенчо і Якімчо, цо ім бул задаток напасац два крави і цэле коло Вепровацкей драги. У ствари, задаток бул Йовгенов, волел най го так волаю, бо так сам себе випатрал векши і важнейши пред два роки младшим братом котри ше, кед го волали Якімчо, не гнівал. Якімчо не так же мушел исц зоз Йовгеном, але сам цел. Бо, недосц же го волали Якімчо, як даякого смаркоша, іще го часто і вихабяли зоз даякей работи котра го озда праве прето же ше му не дали до ней мишац, і найбаржей прицаговала. Понукал ше праве вон тримац шнур мацери кед правела градки за садзене цибулі, капусти, грацку, мауни чи кромплёх. Шпотаюци ше до грудох ношел у гарчичку води оцови гу гною кед го кладол на коч, бо го надумал розвожиц на польо, та кед би сцигнул з полупразним гарчичком бо ше му вода розплюскала, і самому ше му не любело, але ше зато цешел же го оцец похвалел. Могол уж і до сушеда на салаш одбегнуц повесц же ше їх една кура розквочуе у ніх на гніздзе под шопу, та най на вечар приду по ню... За Йовгенча вше було работи, а Якімчо вше бегал за нім:

– Ідзем і я, ідзем і я з тобу! – понукал ше, дзекеди аж йойчал най го причека, а вец би финкал бо боси не знал ходзиц крижом по сцернянки, або му копача вдерела до ноги, або ше запутал до черніцох, та го подрапали, або спаднул кед ше пошпоцел на груду. Йовгенчо вше мал бриги з нім: не шмел го охабиц, бо би зобрал од мацери, або, іще горше, од оца. Знал му буц така терха же ше озбыльно нагнівал на нього, та выбачел же найлепше кед ма дацо поробиц, зробиц цо такой, же би ше ьтот мали”, як го волал, не дочул, і такой ше зобрал за нім.

Єдна з роботох котру любел робиц з Якімчом, то чуване кравох. Шапутрак, не шапутрак, вон ше пильно

шпотал по зароснутим орубенцу польох коло драги, та ведно з Бойтаром стражарел же би крави не уходзели напасц ше на шацох и направиц чкоди на рошлінох, або не дай боже, здуц ше, цо ше знало стац кед ше таки галадни яки су, даедна крава спушчала до младей кукурици и напасла швижей младей желеняви.

Раз ше то, боме и случело, та цалу ноц и вони двома були у хліве кед ше Ружа здула. Оец бегал по Шваба, котри ше од шицких сушедох найбаржей розумел до статку, най придзе ратовац младу дойку. Йовгенчови остало у паметаню за цали живот яке му тей ноци шицко випатрало страшне: цмота у хліве у котрей Ружа боляцо мурчи, оца цо бега коло ней зоз лампашом, а около по мурых хліва бегаю цми цинї, мацери цо ноши кабли води бо ше оцови видзело же кед полїва зхорене бидло та му одлегча, и на концу, як чудно бешедуючи по руски Шваб ше випитує оцови цо шицко крава поедла, а оец го вола най придзе блїжей и най поприповеда дзе шицко Ружа пасла. Йовгенчо ше треше од вецейнїстого страху: же Ружа здохне и вецей ю не буду мац, а вона була найкрасша крава хтору вон у живоце видзел и од хторей оец и мац чекали же целята попреда скорей як цо ше их одведзе на вашар, а боме и од страху же яка му кара шлїдзи. Ту му, прелетовали думки през главу – можебуц прейдзе лепше кед Ружа прездрави, а о тим як му будзе кед, не дай боже Ружа здохне, не приставал анї штудирац. Одбивал таки думки як допити коньски мухи.

Сушед на клечацо, змирюючи краву зоз циху бешеду и зоз дотиком широкей дланї по ей надутим бруху, омацовал место попри места ей напнутей скори, на котрей пре цинї котре руцало шветло з лампаша жили вискочени цо ей випатрали ище грубши и цмейши.

Вец Шваб завжал стабилнейше место коло крави и у його рукох блїснул оштри и длугоки нож, замахнул з нїм, и заджобнул крави до скори цо ше од напнутосци аж сценшала дзешка медзи лопатку и ребрами. Крава змучала од болю, виргла з ногами, як кед би сцела стануц и

сцекнуц од того церпеня, але Шваб ю прициснул з коленами и застановел. Мац му додала ручнік и вон го приложел гу дзири од ножа котру пре полуцмоту, ані не було видно, та розказал:

– То капла розпрафце харчичок горкей солі и дайце крафи най пописе.

Як мац то поробела, розправела у кабле горку соль хтору на щесце швидко нашла на хлівовим облачку и дала крави най пописе, такой хлапцох полапала за руки и виведла вонка, уведла до хижи и уложела.

– Мамо, цо тєраз будзе? – питал ше Йовген, а Якимчо, стрешени пре тото цо видзел, лєм вицирял очи и патрел до цмоти док ше му дяблики не повишали на павучайки, та заспал.

– Озда нам Бог поможе, та будзе добре – благала мац Йовгена, тримаючи го за руку. – Не старай ше, там оец и сушед, вони знаю цо маю робиц, до рана будземе видзиц цо будзе.

Рано накарди станул, Йовген одбегнул до хліва. Ружа стала мирна, кед ше Йовген гу ней озвал лєм на нього попатрела и йому ше видзело же приятельски джмуркла на нього зоз тима ей велькими цмима очми коло котрих стирчали били, оштри павучайки.

За фриштиком шицки були цихо.

– Ружу нешка охабиме у хліве, а ти меркуй як чуваш Цифру и целе – прєгварел оец, потвердзуюци озбільносц розказу дуркаючи з верхом рогових черенкох ножа до стола.

– Черенка можебуц з кравского рога з крави цо ю мушели зарезац бо ше здула так як Ружа – прєшло Йовгенови през главу.

О два дні и Ружа була у дружтве за напасанє, а страшне дожице котре могла заплациц зоз власну скору ю не приведло гу розуму. Знова ше кеди-некеди надманула на жито, кукурицу, або на цвиглу цо росли такой коло драги.

– Киме, гайде, врац ю, направим ци паридю! – нагварял Йовген брадика.

Часто нагварка помогла, а як дні преходзели, нагвариц го най бега по грудох и церню, було вше чежше. Робиц ровно исте допите и найтвардейшому чловекови, а дзецом окреме, шицко ище швидко допиє. Та себе двоє браца видумовали коло кравох бависка: уж преруцовали прущики преїг драги, уж розбивали кертичанки з паліцами, уж лапали мотиля, уж правели ыпариді” зоз травки цо на верху мала квет як мале врецено, а Йовген пробовал найсц травку до котрей, кед ше ей вицагне стредок мож дущ, та чуц мелодию.

– Направим ци пишалку, кед наврациш Ружу – обецовал Якимчови. – То ше не прави, лем вицагнеш стредок зоз травки и дуєш – старал ше Якимчо не буц спредезени.

Слунко ище не указовало же неолдуга поладне, помали ше шмикало по ясним небе, скриваюци ше гнетка за хмарками цо як вельки нефурмасти заглавчки з вати плівали од Керестура.

– Киме, опать, тота хмарка здабе на Миколая – указовал брацикови на небе хмари котри ше формовали, а вец неставали.

– Як Миколая, кед не жимно – паметал Якимчо час кеди Миколай ходзел.

Видзел Йовген же таке бависко за Якимча компликоване, та шеднул на орубенец драги и припатрал ше до далека. Вепровацка драга випатрала пуста, як забута часц швета. По ней ридко преходзел даяки коч, бо жем коло ней углавним припадала тим цо там мали и салаши, та вони по теї драги на поля не барз ишли. Гибаль до валалу недзелями, або з валала на генцию з котрей ше барз ридко одходзело, але з котрей и Керестурци одходзели до швета. Та и кед ше путовало, путніка ше одвожело на кочу звичайно позно вечер кед зоз швета сциговал гайзибан и одходзел далей, або вчас рано кед дахто сцел одпутовац у другим напярме. Теди бицигли ище ані не було у валале, гибаль подаєдна, та ше людзе без потре-

би не шпотали по драги. Прето же драга гу Керестуру и гу Вепровачу була длугши час празна хлапцом було ише допитше, та им ше видзело же би була радосна пременка, аж и кед би наишол пияни Гуздер котри себе пошпивовал вше одну исту шпиванку:

На вепровацкей драги, там дзивчатка краише шпивали...

Того дня кед би видзели Гуздера хвалели би ше хлапци оцови и мацери же знова видзели Гуздера, и же знова шпивал исту шпиванку, и же знова не могли розумиц як шпиванка далей идзе, бо ше шпивач ту застановял. Далей себе жубротал цошка под нос, але би го ніхто не розумела, хто зна чи и сам знал як далей идзе шпиванка.

– Не прице ше, хлапци, з нім. Не поруша вас, але го не треба рушац. Одкеди му згорела фамелия, вон зишол з розума. Ходзи до Вепровачу, бо му там еден газда дал места у хліве и за тото цо му дакеди дацо служи, вон го и накарми.

– Але, мамо, з нього буха на паленку! – бунел ше Йовген.

– Ей, сину мой, ест людзох цо себе гледаю помоц на погришним месце. Их треба сановац, а не осудзовац – вше розложна, змирела Йовгена мац.

Єдного дня було окреме допито. И Цифра и Ружа ше спояли до кукурици и не мож их було лем затримац там дзе ше шмело. Йовген нарезал даскельо прущики з габзи и ише их анї не почал стругац, кед му Яким з руку указал на Керестур.

– Палє, идзе бачи Гуздер! Заш нам будзе шпивац „на вепровацкей драги”...

– То не Гуздер, то якиш други чловек – ошачовал приходзацу подобу Йовген – не видзиш же ходзи з палїцу. Гуздер так нігда не ходзи. А и торбу ма якуш.

И, акурат, то бул непознати човек хтори уж пришол бліжей, та ше озвал гу хлапцом:

– Цо робице хлапци?

– Чуваме крави, гварел Йовген.

– Цо же, слухаю вас?

– А-га, слухаю! Не знаце як их чежко затримац коло драги. А нам горуцо уж, допито... – поносовали ше як еден браца.

– Най вам не будзе чежко, и Исус бул пастир, а бул Бог – ошмихнул ше путуюци. – Маце дацо заесц?

– Я мам єдну грушку – осетел ше Йовген. – Мац нам дала же най поєме кед будземе смядни, да не ношине води. Кимо уж свою поєд, а я вам можем дац тоту – понукнул непознатому.

Непознати вжал грушку, знял торбу зоз плеца, положел грушку до ней, а зоз ней вицагнул фляшу з воду: – Я вам можем дац води напиц ше – понукнул их.

Напили ше хлапци води, Якимчо меней, Йовген вещей, и подзековали човекови котри ище дакус пошедзел коло нїх под ягоду, хтора осамена уж роками росла коло драги дзешка на пол драги медзи Керестуром и Вепровачом.

– Но, идзем я – дзювигнул ше непознати – з Богом оставайце.

– Ходзе здраво! Збогом – кричали за нїм хлапци и махали з прущиками з габзи, цо пред тим порихтали же з нїх направя пищалки. Йовген себе почал стругац пищалку, а Якимчо ше припатрал, завидзел му на новим бичаку цо му принесол шовгор, мацеровей шестри муж, бо уж ю вислужел.

– Направиш и мне – модлел ше братови.

– Направим кед дзешец раз наврациш крави – поєднал ше Йовген з нїм, та предлужел стругац.

Кед догмало Якимчо ше знова пита:

– Направел ши и мнє? – патраци же Йовген уж пробуе пискац на своєй новей пищалки. – Уж сом дзешец раз наврацел крави!

– Ти не знаш читац до дзешец, та не знаш кельо раз ши их наврацел – мудровал Йовген. – Я ци повем кеди будзе дзешец раз.

– Я вецей не будзем мерковац на крави, гоч ми анї не направиш пищалку. Га, видзим, анї не знаш правиц пищалку, не сце пискац!

– Лапим ци препилку – обецовал ище вецей Йовген.

– Вчера ши ми обецал, та ши ю вец не лапел – не дал ше збунїц Якимчо.

– Не чул ши ю як путьпурутькала у жице, але була далско та сом ю не могол лапиц. Лапим ци ю нешка, пред вечаром, приншем кукурици и стару шерпенку та ю намамим...

– Не сцем препилку, ти ме вше поспреведаш – почувствовал спреводзку младши брат.

– Сцеш най ци лапим заяца! – вибегло Йовгенови з устох, анї сам не знал як.

– Дзе ти видзел заяца тадзи?! – несподзивал ше пре таке понукнуце Якимчо.

– Знаш же нам вжине поогризали кайси и черешні, та муши буц же их ту доокола ест досц, лем ше добре поскривали.

– Як же их лапиш кед ше так добре скрили?

– Одо мнє ше не можу скриц. Лапим их, ни-а, з голема руками.

– А-га, спреведаш ме – неверяци, але заинтересовани обавал ше пристац на догварку Якимчо.

– Кед го лапим, маш наврацац крави покля ше не покоши жито, а вец кед буду пасц на сцернянкох я их

будзем наврацац. Порадзене?! – Зоз цигурносцу як кед би знало цошка цо тоту обецунку потримуе, розложел свой план старши брат.

– Не влапиш, ти ме лем спрэведаш! Дзе же то мож з рукамі лапиц заяца – вше нецигурнейши ше одмагал Якимчо.

– Як не вериш! – спроцивел ше Йовген и рушел гу старей ягоди. Ягода од старосци була груба, але попукана и там дзе ше ей корень дзелел на вецей вистирчени жили, мала вельку дзиру цо здабала на даяки вельки уста. Йовген схопно вохпал руку до дзири и, на власне несподзіване, вицагнул зоз ней малога шивого заячка.

Шиви заячок злєкнуто диргнел у його руках, тресол ше и грєбал з ножкамі по воздуху пробуюци ше заквачиц за дацо черстве. За тот час Йовген, скоро тиж таки злєкнути од того цо му ше случело, патрел раз на нього, раз на брата себе, Якимча хтори вищирел очи, рознял уста и так стал заслупнути, док му з устох не почала чуриц шліна, а ноги трєсц, та мушел шєднуц.

– Га, га – почал ше загаковац хлапчик. – Як ши то поробел? – лєдво вигварел през осушене гарло.

Йовген и далєй стал з розширєнимі ногамі, тримаюци заяца за уха, патраци раз на нього, раз до дзири у дрєве, раз на брата себе. Чувствовал як ше швет коло нього обраца: чул лєм як краві пашу траву, як дзєшка далєко од бєгєлю чуц бибича, як цвєрчок цвєрчи у корєню старей ягоди.

– Обєцал сом ци, и, ни-а, ту ци є – конєчно прєгварєл. – Вєжнєш го, чи нє?

– Як най го вєжнєм? Сцєкнє ми, подрапє мє... – нє знаходзєл ше Якимчо. Пєршє нацагнул руку жє доруши заячка, а вєц ю швидко поцагнул.

Догваряли ше, догваряли, и на остатку ше догварєли жє Йовген будзє тримац заяца котрого и далєй з праву руку

тримал за уха, а з ліву го подопар од хвоста, а Якимчо зруци свою кошульку и округи ю коло заяца. Так и було, Якимчо осторожно преруцел свою кошульку прейг Йовгенових рукох, а тот вецка одсподку швидко прилапел конци кошульки и позакруцал бидло цо ше тресло и покус квичало од страху у його рукох.

На салаш ше рушели такой, гоч ище не було час врациц крави. Та хто би могол чекац не похваліц ше зоз таким ловом и таким чудом яке ше им случело. Родичи одмаховали з главу кед им и други раз при вечери приповедали як то було. Питали ше им ознова дзе то було, хто заяца влапел, дзе заяц бул, цо пред тим було, цо потим... Та гоч як не верели, мушели ше доисциц, бо заяц насправди бул ту. Змесцели го до клітки котра остала празна кед ше оддумали ховац били ангорово заяци, чию пару купели на кулским вашаре вшенї, бо ше злашели на їх мегку бундичку. Але кед ше заяци почали розмножовац и кед перши млади вирости та их требало порезац, не було хто. Не було хто ані поєсц упечене месо зоз заяца цо го перше шицки кармели и гласкали. Та приповедка о заяцох була закончена.

– Цо будземе зоз тим заяцом? – питали ше хлапци.

– Дакус ше набавце, а вец го пушциме – одлучел оцц.

Кед ше крави почало гонїц випасац сцернянки, Йовген так як и обецал превжал свою обовязку наврацац их най не иду до цвикли, чи до кукурици, а на хто зна хтори раз поновене Якимчово питанє же як знал же у дзири старей ягоди заяц, вше єднак щиро одвитовал:

– Не знал сом.

– То вец було чудо? – питал ше Якимчо.

И наисце то було чудо. Єдно з тих котри доживюеме каждодньово, як цо доживюеме и чудо живота, лем же их не препознаваме. Потребне лем дацо щиро пожадац, та ше и вселена постара помогнуц же би ше воно витворело.

Зоз шора

ЧАРИВНИ ЧЕРЕШНІ

У Керестуре дакеди було барз мало овоци: дагдзе даяка шлівочка, дагдзе даяка грушочка, чи яблонька, можебуц даєдна вишня, а на кайси, черешні, орехи и грозно дзеци ше углавним лєм пажерели кед их дакеди дагдзе видзели же зрею. Дахто могол и живот прежиц, а не скоштовац тоти лакотки цо нешка, у истих тих заградох и у хотаре крашне рошно, и вецей су ані не лакотка, але потреба як и każde здраве едло.

Кед ше поедло остатне яблуко зоз тих зашпиваних, розбило остатні кощак орешок, вец то було шицко, док не сцигли даяки перши петровки, чи яновки, кед же их було у дачисей загради. Та дзеци були жадни овоци, їх цела цо росли гледали витамини и жадало им дацо квашне. Вищавени од длугей жими, зяри, як даяки гушатка, скубали лісца зоз цагача коло парохії, з радосцу дочекали най розквитню зомбульки, та и їх едли, покля не розквитли багреново квитки, та ше з німа сладзели. Голем багрену було вшадзи, лєм ше до його квета, пре церні и висину не każde могло достац.

– Овоц не будзе родзиц у сейку – гуторели старши младшим, котри сцели садзиц овоци и украшиц и обогациц свойо обисца.

Так ше вешені одходзело до Сриму на орехи, оберац грозно, або ище познейше, по ладички яблукох за Крачун. Помаранче, суха смоква, суха шлівка, сциговали до дутянох у валале, але за то требало пенез, а пенезу у валале барз мало дахто мал. Та кед дахто мал дацо з того лукусузу, други ше на ньго пажерели. З подзековносу примали як окремени

дарунок одручени пахняци гадвабни паперик до котрого помаранче було закручене, на котрим ище еден час була пахота зоз його скорки. Тото ше чувало у школкей кнїжки, отвєрало кеди-некеди, пахало и уживало, як и у цифрованим златку з розкрученого крачунового цукру.

Дунци були ридки: не лем же не було цо класц до нїх, але не було зач купиц ані сам дунец, ані цукер и салиций пращок з котрим ше кладло овоц, та ше тот даєден, цо ше го накладло, чувало же кед ше дахто похори и будзе у горучки.

Дзеци завидзели тому хторе ше похорело, бо ше му понукало вишні чи бишалми з дунца, а родзина приходзела з яблучком, чи грушку, на котри ше здрави, а їх у каждам обисцу була громада, лашели и наздавали же хори не зосце, або не годзен поєсц.

Так ше ховала и Славица, найстарша медзи троїма дзецима, у лем цо прикритей набиваней хижи. Лем у єдней просторії було дзвери и облаки, а у других, там дзе мали буц облаки и дзвери були вирубани троугельніки – за облаки менши и висше, за дзвери векши, од долу. Кед зажимнєло тот перши рок од уселєня, до тей хижи у хторей ше бивало, не мож було лем натопиц так же би було цєпло. Оєдно облаки и тиж таки дзвери не богзна як чували цєплоту нового направєного пєца натопєного з вигризками.

Дзеци, як дзеци, лєм вибєговали и убєговали вонка-нука. Цєплоту, уж кельо ше назбєрала, раз-два вихлїпкали, та не чудо же кашляли и смаркали ше. Славица, як найстарша, уж школярка, врацаюци ше зоз школи у лїхєй реклочки, знала ше залюштац на дражки котра була розмокнута и шлїзка од блата, та на ней нераз спадла и принесла дому „барана”. То мацєри задавало нови бриги, бо трєбало орайбац и осушиц тоти шматки, же би до рана були сухи, та ше у тей єдней просторії ище и влага випарїовала, а то за кашель и натху було як олей на огєнь.

Правду поведзєне, Славици ше досц часто случовало же загажєла до блата, же потаргала ременьчки на сандалох, котри єй вєц оцєц платал зоз предзвову цєврну, а виксал их

зоз садзу цо ше налапала на сподку шерпенї: поплювал би по тей садзи, розчухал зоз щетку, а вец з тоту щетку нама-сцел ципели. Кед ше садза осушела, вон ю вигланцал и ципели були вивиксани.

Лапала ше Славица и до пайташкох кед ю не сцели слухац, та знала присц и без гомбички и з утаргнутим ременьом на фартуху, без страценой машлі на врагочох. Не дала ше нікому и нічому, та ю, ише анї до школи не рушела, пушцали най шедлаюци враци коня бачикови, з котрим ше ей оец спраговал. Знала вона лем убегнуц до двора и нашвидко дограбиц даяку палїцу:

– Нацо ци то? – питал би ше ей дїдо.

– Набиєм хлапцох, бо до мене руцели губабу – одвито-вала и швидко вибегла.

Або кед сушедов хлапец сцел присц бавиц ше до їх двора, вона би го лапела за плеца и видриляло вонка:

– Идз дому, не можеш буц у нас, бо нам губиш бависко – правела би шора.

Бависка були на свадзби, на учительки, уж яки ше ей пачели, а шестри и пайташки мушели слухац. Лебо вона такой гварела же ше не будзе бавиц, а кед ше вона не бави, зна ше, не можу ше анї вони.

Кед ше бавело на свадзби, млода була вона, кед на учительки – вона учителька!

Тей ешенї було барз дижджовно, влага ше уцаговала до косцох, до ише неосушених мурох. Вец жима сцисла, а влажни вигризки ше у пецу баржей курели як горели, та цеплоту мож було осетиц лем кед ше опарло хрибет, чи дланї на пец. Дзеци не могли по цалим дню буц коло пеца, на керпарох попресцераних по позамасцованей жеми складали чутки, чи рендочки з котрима ше бавели, та им од долу було ише жимнейше.

И так, едней ноци, пред саму яру, кед шицки поспали, Славица почала недобре бешедовац, у горучки. Станула мац, запалела лампу, а дзивче розчервенете, озноене, роз-палене... Приклдала ей вона мокри жимни ренди – не

вредзи. Горучка кус спадла, а вец ше знова, видно було же ше ище баржей звекшала. Кед швитло, мац ше закруцела до хустки и додня уж була у баби Марі на Куртим шоре, жени за котру приповедали же зна зачитовац рани, рубац грош, руцац угліки и шицки други врачаніни з котрима помагала тим цо требало.

Кед чула як з дзецком, позберила ше и швидко пришла гу Славицовой посцелі. Гварела мацери най принеше швецену воду, осушени багнітки од Квитней недзелі и кед ма сухого вашильцу спод образа. Зоз швеценой води уляла до мисочки, попирскала зоз вашильцом замачаним до ней, коло Славицовой посцелі и гварела най отворя брилу до пеца, та пред брилу запалела багнітки. Пруцики на хторих були осушени блишово пупча згорели, так же ше трушели под пальцами, вона их, таки горуци руцела до мисочки зоз швецену воду, замачала до тей води кончик свойого фартуха и зоз таким мокрим плаценком прежегнала ей три раз по твари:

– Во имя оца и сина святого духа...

– Аминь – гуторели шицки цо були у хижи.

И так три раз, вец ище раз намачала конец фартуха и з нїм поуцерила чоло, очи и уста дзивчецово, та помали нагла мисочку гу ей устом и капку, по капку, намоддела ю най три раз лігне. Тото цо остало у мисочки преляла по ей руках и ногах.

– Кед ей не будзе лепше, мушице ю одвезц до дохтора. Купце и прашки у апатики, апатикар будзе знац яки, кед повеце же ма вельку горучку – додала.

Гварела ище най ю поя зоз чайом навареним з травох цо их зоз собу принесла у кишені под фартухом и най ей и далей прикладаю мокри ренди кед обача же ей горучка рошне.

Помали, помали, о даскельо тижні дзивчецу було лепше, але ю хорота так вичерпала же остала бляда и так схудла же ей руки и ноги були як палічки. Смутне було патриц як ей од велькей горучки олезли власи зоз глави, не

могла ше тримац анї на шедзацо, клягала ше. Мац ей подкладала два вельки заглавки най ю дакус оддзвигне, чесала ю и покразме плакала, збераюци ей чарни власи цо падали по заглавкох и оставали на гребеню.

Кед так о даскельо тижні, препровадзени належацо у посцелї, першираз поедла дакус гризу у млеку, мац оддихла, прешвечена же ей рушело на лепше.

Вонка ше яр розмахала. Славицов облак патрел до сушедовей заградки опрез хижи. През нього ше припатрала на пременки котри ше там случовали. Перше ше зоз гліни, медзи ридку и дробну травку, вихпали зоз жеми зомбульки, вец кичкириджи, а вец свойо коруни указали розкошни червени туліпани. Док квеце пукало, виходзело, розквитало и складало преквитнути лісца на жем, над нїм ше розвивала млада черешенька, лем три конарки у корунки, а на кождим по букецик цо наявйовали ей перши род. Як ше тоти букецики гойсали на витре, так коло нїх облетовали пчолки, з рана на лісткох трепецела роса, а о дзень-два, як кед би дахто пирснул вапно, коло древкового кореня лежали росипани били лісцочка. На конаркох ше зажеленели лісцочка.

Дні преходзели, малюнок природи зарамиковани до Славицового облака ше непреривно мянял. Там, дзе були зомбульки и кичкиридж, ширела ше незабудка, у куце при капурки розквитла лилова оргона, коло огради доокола цифрована арвачка, коло дражки засадзени мушкатли... На древку, баржей пре иншаку желену фарбу и пре швицацосц видно було даскельо мали, желени пацерки, два по два у пар.

З дня на дзень ше звекшовали, вец почали бляднуц, а вец целовиц. Бліск раншого слунка одбивал ше од тих швицацих гомбулькох до Славицових очох на облаку, вше червенши и червенши.

– Мамо, черешні – указала Славица мацери з руку през облак.

– Гей, зрею – гварела мац и вишла вонка.

– Мамо, пречитала сом их. Єст их дванац! Кед би ми сушеда дала голем даедну?! – здиховала Славица.

Кожного дня, як черешні почали зрець, видзела Славица сушеду Кошарканю як дзвига од долу свайого синочка Владка, же би збліска видзел обецуюци плоди. Остатні дні патрела як хлапчик осторожно, озда му мац так наказовала, дорушовал лакомни плоди.

И праве кед Славица подумала же черешні дозрели, едно рано руцела погляд до сушедовой заградки – їх не було!

– Мамо – скричала плачуци. – Черешні, черешні... – аж ше загаковала.

– Не плач – благала ю мац – наютре однешем на пияц тоти даскельо вайца, та кед будзе, купим ци голем гарсточку – обецала.

Славица ше не могла дочекаць. Не сцела ніч поесць за фриштик, ані юшочки з голубчеца цо ей принесла баба, ані бишалми з дунца од анді. Лем патрела на желени черешньово конари, та ані не чула кед до хижи вошла сушеда.

– Славко – гварела вона, спущуюци поскладану кишенкову хусточку на ей руки зложени на першох. – Принесла сом ци оздравене.

Славица була цихо, а сушеда спушчала хлапчика з рукох, та розкруцела закруцену хусточку. На ней ше забліщали гладки, округли черешні! Шейсць пари! Сушеда ю ніжно оддзвигла, вжала два пари черешні и обешела по одну на кажде ухо. Оглядла ше и зоз крденца принесла округле, мале жвератко.

– Опать, яка ши красна! Як черешня!

Слизи през хтори Славица патрела на себе у жвератку ламали шветло цо ше одбивало од бліщацих плодох, руцало дугово фарби на ей одражене у жвератку, и ей ше видзело же ше на ню спушцели небово зарі. Зоз ценку руку вжала одну по одну черешню и помали, сцискаюци их зоз зубами же би ей у устох пирсла юшка з ніх, поедла их, а тоти зоз уохо дала хлапцови котри ше без словох припатрал цо роби.

Кед ше вечар Славица озвала же є гладна, мацеровей радосци не було конца. Розбегла ше упражиц ей ратоти, уварела таргонї у млеку, питала ше ей чи сце дунца... Славка позберала магочки з черешньох на длань и дала оцови най их наяр засадзи.

З дня на дзень здраве ше врацало до вицадзеного Славицового цела, на глави ей почали роснуц швицаци чарни власи, ліца ше ей зачервенели, а цми очи заокруглели. На попатрунок ей вельких цмих очох як кед би спадла ранша роса, та бул источасно и швицаци, и замолгавени.

Идуцей єшенї Славица предлужела до школи. Не прето же була старша од векшини, бо препущела єден рок, але прето же нагло виросла, одразу постала найвисша у класи. И найкрасша. То обачели и валалски легиньчкове, та на идуцей облївачки мала барз вельо облївачох, а кед влєце рушела порядне на танец, бо ше осма класа закончела, танцошох мала тельо же могла виберац.

На шицко тото Славица ше лем ошмиховала. На ей подоби вецей не було анї шліда гевтого збитлівого дзивчеца. Твар ше ей заокруглела, вишвицела, та ей фотографію, цо ше сликовала на якейшик свадзби, валалски сликер видвоел з групи и направел навелько. Положел ю до авзлогу котри бул обешени на його капури, та ше на ню могол припатрац хто сцел.

Премєнела ше Славица не лем на випатрунок. До ней ше населела якаш благосц, а замоцнела и анї єдна робота ше од ней не одняла. Волали ю на надніцу з котрей ше вона приберала. О рок о два кед преходзела по валале баби ше згваряли:

– На кого ше лем удала. Ша и шестри ей шумни, але вона красна же аж!

Вец ше од єдного часу под ей облаком скоро порядне каждого вечара чуло легиньске шпиване, сладке и смутне источасно:

*Черешенко, черешенко, старгнуц сом це мушел,
ша да ши не така сладка, я би це не рушел.
Ані бим це до заградки, своєї не засадзел,
ані бим ше, ані бим ше зоз тобу не сладзел.*

Не була питачка по Славицу, не були ані питанки, ані свадзби, бо лем єдней ноци вишла за гласом шпивача до ноци и пошла зоз родительского обисца. Зоз собу вжала єден младнік зоз штирох кельо зишли з маґочкох сушедових черешньох... Явела ше о єден час же створела свой дом, же опрез хижи засадзела черешньов младнік. Каждираз кед приходзела опатриц родичох приношела дунец з черешнями котри як дарунок одношела сушеди покля вона жила.

Два черешньово младніки з трох котри остали у мацериним дворе побрали Славицово шестри кед одходзели по своєї драги, а єден остал, та роснул и роснул. Виросла з нього велька черешня, на котру оцц каждираз кед плоди дозрели, позволовал шицки дзеци зоз сушедства най ше наєдза и най себе наобераю кельо сцу. Вец ше оцц похорел и умар. Черешня ше истого року, зоз ище недозретима плодами на конарох, виврацела и до єшені висхла, так, на лежацо.

Мац остала сама, каждого дня ше припатра през облак на место дзе була черешня, а вечарами, кед валал уцихне и ей ше дзекеди пришніє же чує дубонь коньских копитох, та, на хвильку подума, же то ей Славица приходзи зоз своіма дзецми наполніц ей празну заградку.

ЗЛАТНА НІЧОВКА

Кед ше народзела не була то хто зна яка радосц, бо була треце дзецко у фамеліі и треце дзивче. Часи були повойново, та не було нічого лем полно гладни уста у обисцу. Пенезу не було, не було ані з чого справиц, а и за тото кус кед ше нашло, не було хто зна цо купиц у дутяну. Було брига одховац едно дзецко, а дзе ище двойо, а треце уж... Але, як гваря, дзеци нігда не вельо и кельо дзеци тельо шесца, та кед ше народзело треце, таке малючке, гат, хто же ше може не порадовац божому дарунку.

– Я народзела еденацецero, та ни-а, ту сом и teraz – цешела швекра невесту.

– Як то же их маце teraz лем пецero – питала ше невеста.

– У мой час ше дзеци родзели шором, по божей волі. Та котрому було до живота жило, а котрому не, та одпадно...

Стресла ше невеста на тоти слова, та з вецей уваги допатрала свойо дзечочко, видзела вона же є цошка дробенке, ані власки, ані нохчики, лем моцна дзека за животом, ровно плакало... Та цо плакало – дарло ше.

– Будзе то злате дзецко – цешела мацер швекра, нагну-та над перинку у хторей було дзечочко закруцене и посцискане з пантліками, „най ше му випросца ношки”.

Мацери кажде ей дзецко красне, та му сце дац и найкрасше, видумне мено, та и за тоту, трецу дзивочку, списала красне його оцови, як мужови свойому, на паперик и послала го до матрикули:

– Не страц цидулку, бо забудзеш. Запаметай: Штефка, таке мено не ма ані едно дзивче у валале! – Не додала же ше так вола ей шестриніца зоз Сриму, котрей завидзела на

красней хижи у стред валала, а при церкви, же на красних коньох пришли на ей свадзбу и як ше иста Штефка у ризових сукньох викруцала!

– Штефания! Яй боже мой – фектирала ше баба – ша озда не будзе мац мено як хлоп! Штефан, а таке мале дзивчатко, а таке златне: писи ношок, белави очка, мохотково власки. Злате, презлате, но.

Же дзецко злате могла повесц лем баба, котрей шицки унучата о котрих ше не стара але лем ужива у ніх, мили и добри. Дідо бул дакус твардейши, та о даскельо тижні непрерывного вищаня и врещаня у обисцу, у хторим ше лем на єдним месце топело, та на громади у невелькей хижи були и стари котрим уж требало мир, и тоти у найлепших рокох цо од роботи вистати дакеди пожадали нацагнуц ше дакус, та по тоти наймладши цо ше лем колісали, або рачковали, виявел:

– Ей, моя невесто, кед бим чул од дакого же вируцал дзецко и я би ци порадзел най го вишпургаш през облак, як ми уж допило тото його врещане!

Не думал так дідо, то було його способ припознац невести, повесц ей же ю санує. Тирвало то так, дас до рока. А вец, як кед би ше обрацело на лепше. Таке дзечочко не мож було найсц не лем у сушедстве, але анї у дальшим и блізшим родзе.

То, кед дідо затрацел єдну бочкору, Златка, так ю уж шицки волали баби по дзеки, лем ше покруцела и доруцела дідови:

– Чекайце, чекайце, дораз вам ю найдзем. И, акурат, прешамрала розвязани сноп кукуручанки порихтани пред дзиру до пеца у приклеце и нашла би страцену пару бочкори. Або, би ше оец пошкрабал по глави:

– Та, дзе сом подзел ошельнік? Предполадньом сом оштрел косу кед сом ишол до загради накошиц бетеліни, а тераз ей нет!

Ище анї не одгукнул добре, а Златка уж ношела гледану пошву за ослу оцови.

Кельо раз лем пренашла клубко цо ше з бабових рукох викотуляло и одкотуляло! Лем ше зацагла под посцелку, або под посцель, и пать, клубко ту. Анї ше од босоркох за котри ей гуторели же ше скриваю под посцелю не бала, шицко викухтарела. Нини пренашла ботоши заруцени на дну ормана, мацери игліцу цо ей випадла зоз штриканя, старшей шестри клайбас цо ей ше одкотулял док писала за столом и здумовала ришене перших задаткох кед рушела до школи.

Така, яка була, дробна, схопна, вертка, знала з оцових плецох поопатрац и чи на верх ормана остала даяка бишалма, або найсц даяки важни папер цо бул одложени под греду у хижи, далей од дзецинских рукох и общей гужви у обисцу.

Не чудне вец же иста, Златка, вше була перша кед требало дагдзе исц: то лем кед видзела же ше дахто рихта и вона грабала свойо ципелки, сцаговала зоз посцелки при пецу на котрей ше гамжели на громаду шицки дзеци з обисца, штрикану хустку до котрей ю мац загуляла кед було жимно вонка, та стройно ставала гу дзвером: вонка.

Но, праве прето же була наймладша, часто ю кандур прескочел, та була вихабяна з одходох дагдзе дзе, думала вона, чека на ню цошка незвичайне, о чим ше после приповеда. Задлуго ше ю могло замамуніц з тим же ше ей дацо принеше чи з пияцу, чи з вашару, з дутяну, або од сушеда, нини, родзини, дзе ше уж ишло. Нікому теди не барз виставало пенсжу купиц дацо дзecom и так их обрадовац, а дзеци заш лем чекали. Каждому то родительови чежко кед не можу сполніц дзецински обчекованя, та так було и Златковому оцови котри вше пробовал даяк забашуриц обецунку котру давал кед одходзел, та на питане: „Цо сце ми принесли”, знал ше швидко знайсц: польового хлебика. Та ше дзеци сладзели зоз кронку врацену з поля, замасцену з розпрету сланїну, мелку папригу и цибулю цо при нїм стала у торби рано порихтаней за польо. Знал вон своїм дзecom у косидби принесц препилково

вайца, аж и саме препилче котрому ше не удало сцекнуц спред коси. Було у його кишенкох и други несподзивня: грушки од сушеда, тургунки зоз хотара, раз дзешка нашол и тарки котри позно вешені, кед вожел гной, дозревали коло драги. Найгорше му було задумац кед вжиме виходзел у уяшу и баранковой шапки, та дзеци видзели же дзешка идзе, же з чим их несподзива док ше врази.

Златка би го, ище лем кед черкла клянка на капурки, уж такой вибегла чекац на приклетних дзверох, и накадзи вошол, док ше зоблекал, стретала з питаньом:

– Оец, оец, цо сце ми принесли!

Та ей раз шепнул на ухо:

– Принесол сом ци Златну нічовку!

Яй, як ше зашвицели дзивчецово очка. Златне! Ша таке дацо ест лем у дїдових сказкох!

– Дзе є, дзе? – возбудзело ше дзивче.

– Ту є, дай ручки, злож их так да ю влапиш, бо ци вилетне – рихтал ю оец.

Златка нацагла ручки, зложела длані як кед треба дацо прилапиц цо може вилетнуц, а оец зоз тиж так зложенима гарсцами дотхнул ей дробни ручки. Златка ше таргла, аж сквичала, бо оцово руки були жимни як ляд.

– Меркуй, цо ши ю пушчала?! – скричал оец. – Лапай ю, там за тобу є, бегай, лапай!

Настал галайк у хижи, шицки поскакали уж хто дзе шедзел: дїдо зоз стольчка аж виврацел сакайтов и висипал кукурицу на варене котру лупал до ньго, баба зоз патки, ше аж зашпотала до шамли на котрей тримала ліву ногу, бо з праву предла та най ей не зацерпне, мац престала гнесц галушки на столе, а шестри, една вибегла аж споза буджаку, поскакали обидва з посцелки, та ше нашли настред хижи зоз Златку и почали круциц гледаюци сцекнути дарунок, допитуюци ше:

– Цо то, цо сцекло?!

– Златна Нічовка – озбильно застарани гварел оец.

– Дзе є, дзе є – скоро да заплакала Златка, та ше без

уніманя почала зацаговац под посцель, под стол, под лавку, за бужак.

– Гварел сом ци най меркуеш бо сцекне! – гандровал ю благо оец и помагал ей гледац Нічовку. А Нічовки нет и нет.

– Мамо, гайде и ви – модлела Златка. – Гайде, діду, бабо, гайде, мушиме ю найсц!

Гледали вони, так, шицки, гледали, але од Златней Нічовки ані шліду. У тим наишол сушед, зачудовал ше цо то шицки таки уфарадловани, а кед чул цо ше стало прилапел ше и вон до общего бригованя:

– Яй, ша я осетел же ми цошка чмигло коло ногох кед сом уходзел до хижы, яй, чи то не Нічовка. Таке мале, округле, а швицаце, муши буц же то вона. Не верим же могла пойсц вонка з приклета, бо я добре завар дзвери за собу.

Мушел оец вжац лампу, поопатрац зоз Златку шицки кути у приклеце, попретресац шицки рекли, калапи и кожухи цо там чекали на своїх газдох же их вежню кед буду виходзиц на двор. Повитресали и бочкори, древянки, папучи, боканчи, уж цо було там позобуване, але Нічовки – нігдзе.

На двор ше не могло, бо уж було цма, а хто би то могол з єдну лампу ошвициц и двор и хлів, и брадла, и курніки, и кармики.

Дудрала баба, дудрала вец и мац же оец звирлел дзивче, але мира не було, аж док вистату и уплакану Златку не звладац сон.

Ютре рано, а и иншак ше Златка вше перша будзела, уж кед баба кладла тепшу з мачанку за брилу, Златка була порихтана исц гледац Златну Нічовку, заходзковала за дідом, за оцом, за мацеру кед ишла доїц краву и врацала ше зоз жохтаром цеплого млека, але од Златней Нічовки ані шлід.

Кус-покус, змириовало ше дзивчатко и росло док не доросло до школи. А там у школи, було тельо нового же

Златка скоро забула на Златну Нічовку. Там дожила несподзиване кед ей учителька гварела же є не Златка, але Шефания. Плачуци пришла дому и такой ше попоносowała же ей учителька пременела мено:

– Та, не секирай ше – улагоєла ю баба – ша ти останеш вше моя Златка, а пале, и шестри це так волаю, и пайташки, и мама и тато. Та цо ци брига цо там на паперу. Папер приме шицко, а вон ше легко подре, згори, а ти слава богу, жива и здрава.

Припомла себе гнетка Златка Златну Нічовку, кед ше з пайташками и пайташами почала бавиц на фарби:

– *Котко-лотко*, – гуторел би „дяблик” „баби”, з розчитованьом за тоти улоги избрани пайташки, чи пайташе. Хлапци, звичайно сцели буц дябликове.

– *Хто то*, – питали ше ей у хору „фарби”, шицки дзеци з котрих кажде за себе видумовало фарбу, та як тайну шепло „баби”.

– *Цо сцеш* – ишло далей бависко, як дяблово питанє баби.

– *Фарби* – одвитовал исти.

– *Якей* – поставяла далей питанє „баба”.

А вецка, кед „дябол” потрафел даєдну фарбу, „баба” би ю виводзела зоз шора и придавала „дяблови”.

Так було и зоз „ангелом” тиж з розчитованьом избраним дзивчецом хторе приходзело на фарби до „баби”, лєм же не здравкало „котко-лотко”, алє ше явяло:

– *Цин-цин* – як брэнчок.

На „бабово” питанє же „Хто то”, воно требало повесц:

– *Ангел з неба* – а далей було исте вше, та кед ше так громада дзецох подзелела на два часци, вец ше могло бавиц на войни, на залєтніки, на мости...

Теди Златка, обшєднута зоз златом и страєну Златну Нічовку почала и як ангел, и як дябол, од баби вимагац златну презлатну фарбу. Та, була златна презлатна червена, златна презлатна каменкова, златна презлатна лилова... Як ей уж на розум пришло, лєм вше мушело буц златне, аж презлатне.

Тото златне, презлатне, думала себе Златка, то якаш непреповеджена красота, швицаце, драгоцене, цо найбліжэй здабало на Златну Нічовку котра ей сцекла єдней жими. Вец ше дзеци кус-покус, престали бавиц на фарби, а почали бавиц на слупи, кед ше у парох ишло од єдного по други „слуп”, та ше у тей преходзки могло зоз хлапцом цо ци ше пачи прегвариц даскельо слова насамо. Пправе дожице було кед ше сцигло по далеки фрайли. Ей, за далеку фрайлу уж було важне вибрац себе пару з хтору пойдзеш „на далеко”, а ти будзеш його „фрайла”. И єден вечар, кед ю „баба” з бависка спаровала зоз Мижом цо мали хижу на углє, ей ше привидзело же мешац цо бліснул у його оку указал златни бліск.

„Златна Нічовка”, подумала себе, алє Мижо свою твар так приближел гу ей же ю прекрил цинь. Вона ше таргла и бліска нестало. Таки нагоди, на хвильку подумац же у чийшик очох збачела одбліск Златней Нічовки, Златка у вчасней младосци мала даскельо.

Вец виросла до дзивки на одай, а валал ше почал нагло мянєц. Дзивки познімали пасово сукні, оштригали варгочи, место залізаних чулках покладли трайни. Поля пошли до задруги, на ніх сцигла механізация, коні ше розридли, престало буц найважнейше кажди дзень одходзиц на польо. Достати пенєж за вивежену швиню, яловку, жито, чи слунєчнік, вецей не бул досц за жаданя котри ше цискали зоз далекого швета през новини, радио, та аж и перши теле-визор котри сцигол до валалу.

И вец пошол глас по валале:

– Пишу ше дзивчата на роботу до Немецкей!

Медзи першима уписала ше и Златка. Правда, чувство-вала горчину прето же з диплому стредней школи места у валале за ню не було, а у варошу владали якиш иншаки правила конкурования, на яки вона не приставала. Єдного септембра зоз городской гайзибанскей станіци з поцерпаньом и наздаваньом рушела до швета. Видзело ше ей, док гайзибан вше швидше лезнул до благеї ноци, же у искрох

котри пирскали з локомотиви, видзи нагадани обещаня яки чувствовала теди кед возбуждено обчековала же влапи Златну Нічовку. А кед гайзибан до ноци пушел свой глас, чула як же ю Златна Нічовка герка:

– Лапай ме, лапай!

Роки преходзели, писма полни одушевия заменели ридки у котрих своїм цо остали дома и цо од ней жадно очековали кажди глас, писала же ше и там до своїх жаданьох чежко доходзи, же ше часто чувствує же оганя за Златну Нічовку.

Перши приход до родного валалу бул о рок. О даскельо дні за ню пред обисцом станул авто з немецку регистрацию и з нього вишол челеднік котри ше представел як питач. Вона го не сцела привесц зоз собу, сцела перше порихтац своїх на тото же, випатра, занавше, пойдзе далеко од дому.

Могло ше и обчековац: о рок-два народзело ше єдно биловласе дзивчатко, а о два-три друге. Златка ше не леновала каждого лета привесц их най ше набавя у бабовим и дідовим дворе, най на жридле чую слова мацеринскей бешеди. А дзеци як заврачани: кутатовали по обисцу, дворе, загради, по гумне. Правели себе шатри зоз снопох кукуричанки, на слунку зогривали воду у купачки, пирскали єдно на друге, а вечар ше укладали спац на шену котре дідо вируцал на шопку. Лем же тото спанє тирвало покля ше добре не зацмело, валал уцихнул, а у шопки цошка зашуцало. З вреском убеговали нука дзе им дідо приповедал як то було кед вон бул мали, кед их мама була мала, та ше звезда приповедка и на Златну Нічовку.

– Я верим же тота Златна Нічовка ище вше у нашим дворе! – загадочно закончел дідо и дал им з тим нови задаток за нарано.

Кед ше з бабу, Златку и ей мужом припатрали як два златовласи дзивчатка борикаю по дворе од курніка по кармик, а од шопи до хліва, од хліва за брадло, отамаль до загради, вон ше ошмихнул и гварел:

– Випатра, ти, Златко, влапела свою Златну Нічовку!

НЄЧИСТЕ У ПРИКЛЄЦЕ

То и жими дакеди були иншаки. Якош векши, цо би ше поведло, длуго було мразу и шнігу, дабоме и цомплї и шліщанки по улїцох, але тоти жими гоч були и моцнейши, як кед би були цеплейши як терашні. Шнігу знало нападац тельо же оцове мушели опрез дзецох исц з лопатами же би им правели узки дражки през нього, та по тих дражкох, як по тунелох, виходзели дзеци з обисцох, хлапци у баранкових шапкох и даяких кожушкох, а дзивчата загуляни до хусткох цо им мацери повязали на хрибце, а до рукох и єдним и другим подавани цепли погачи та их грали по школу, або покля их не поедли. Вец ше руки штуряло до кишенкох, або до хустки. Хто же теди мал рукавици?! През таки драги було ше чежко пребиц, та кажде дзецко сциговало до класи розчервенсте, аж озноєне. Но, воно, тото червенїдло, окреме на дзивчатских тварох, не було тельо од мразу, кельо було начухане зоз шнігом. Бо ше хлапци и теди любели задзерац до дзивчатох, та их вжиме дочековали и непреповедзено уживали кед вони квичацї сцекли од нїх, звискуюци и отрєсуюци свойо варгочи цо им випадовали спод хустки, отрєпуюци ципели и штрикани ботоши на котрих ше наліпали ципови шнігу.

Владко ище не ходзел до школи, але и вон уживал у тей мирней жими, кед дні починали зоз будзеньом у котрим ше стругане оцовой лопати по дражки под облаками на улїци опрез хижи мишало зоз лопоценьом кочерги у пецу кед мац збивала жирячку же би вона була тирвацша та опрез ней на позметани цегли садзала до пеца лепинї, чи осухи. Знал вон же за нього пред пальом зовре гарчичок млека и же го його

запах, кед го мац принеше до хижи на стол, найлепше розбатори, так же скочи и нацагуюци надраги и кошулячу прибегне скорей як ше шестри Левони уда дограбиц зоз верху зняц сладку, скоро пригорену скорку цо ше налапала по млеку.

Левона була озда и пейц-шейсц роки старша од нього, але була єдина медзи німа, трома хлапцами, та ше однімала за першенство зоз наймладшим у фамелиї, истим Владком. Було то не раз зраження медзи німа двома: кед себе Владко зашпивал даскельо динари, а то теди було барз вельке, та их чувал под мацерову гатласку хусточку у ормане, же себе купи два герлічки и клітку, та кед их не нашол, а видзел же му ше шестра пиши у нових ципелох, було му ясне дзе пошли його пенежи. Одгваряла ше Левона, а ані му мац не помогла, аж го сцела и загвариц:

– Не секирай ше, Владку, пойдземе ми на прадки до бачика на Леї, та я видайка од нього двойо голубчата, та будзеш мац таки голуби же аж!

Такой му було ясне же ту и вона умишала пальци. Ша знаже ей було важнейше дзивки, так повесц на одай, купиц ципели до танцу, як не превредзиц шванцарови. Нагадовал вон, гоч не могол претолковац, же чом влєце Левона була така добра зоз нім кед зберали орехи за хижу: требало ше прецаговац медзи багреново младніки и конари у покриви, з голема руками...

– Ти, Владку, дробни, та ше прецагнеш, а я, видиши яка велька, я би подрала сукні на тих багренох. Ти их лем вируцуй вонка, а я их позберам до фартуха, та их ведно будземе есц.

И наисце, єдли ведно, але так же кажде себе розбивал, та кельо нарозбивал тельо могол поесц. Дабоме, Владкови скоро кажди голем раз вискочел и одскочел спод фалата цегли з котру го пробовал розбиц. З того фалата ше трушело кед вдерел по ореху, та вєц зоз лупох видувовал червенкави прах, або бегал за орехом и гледал дзе одскочел. А Левона зоз цеглу лем туп, трєсла по ореху цо го поставела на сек и

орех могло поєсц. Док би Владко розбил три, штири орехи – шерпенка у котрей були висипани назберани орехи, уж була празна. Могол лем финкац, а вецка ше му ище и видрижньовала.

Паметал вон и як дал оцови най му цукер купени на Кирбаю скрие под греду, там дзе мац тримала у хусточки закручени даяки динар кед би принесла з пияцу, а вец го нашол добре вигрижени, та му Левона толковала же то ше миши влапели до цукру, та же му так и треба кед не сцел подзеліц зоз ню.

Углавним, знал вон же з Левону за ньго нет добрей догварки, але знал и же лем ю може вечарами замодліц висц вонка пред спаньом, бо требало прейсц през цми приклет у хторим стала громада бочкорох чи деревянок, цо ше ношело, уж чи була жима, або даяки цеплейши часци рока. У тим приклице було и велі други неприємни ствари през котри требало прейсц: у куце дзе була дзира до пеца, стала и кочерга и ожог, цо у цмоти приклета здабало на даяку босорку, окреме кед би мац и метлу при нїх охабела обрацену горезбдом. Метла була бурава босоркова глава, а кочерга цошка з чим ше рихта вдериц, ожог ей длуги ноги котри ше могу розбегнуц и здогоніц каждого. Там дакеди стали снопи вигризкох принешени до пеца, стирчал на верху чомов слами порихтани на подпальку, та то при слабим шветлу цо вибивало през дзвери з хижи дзе була лампа, здабало на особу цо кучи и стреже же дахто наидзе, и же скочи на ньго. А там, на дзверох, на хторих бул заквачени фogaщик було навишано и уяши, и калапи, та хто би не подумал, кед так ледво мож видзиц дацо, же то не даяки сподоби цо ше збили до громади и догваряю ше як настраша, або аж и нападню такого хлапца як вон. Но та, як же би то, вец, Владкови могло буц легко прейсц през приклет вонка, а вец ше врациц нука, самому?! Ту вец була Левона, котра за обецунку же з ню подзелі фалаток колача, даяки цукрик, чи овоц, цо знал достац од даедней нини, чи суседи, приставала вивесц го, причекац най окончи уж цо

мал, и увесц назад до безпечносци хижи у котрей оец, вистати од цалодньовой работи, и мац цо вше предла, и предла, опарта з хрибтом на пец, док витрион у лампи не догорел, мерковала зафукнуц лампу скорей як ше скло цалком не окури, а гнот не стлее...

Кед ше найстарши, Єфрем, оженел, вец вон бул у приклеце зоз свою младу невесту на тей ружованей посцелі цо гваря же є од баби мацеровей ише, та требало мерковац не увадзиц до дачого, не правиц лярму кед преходзиш през приклет, бо ше млади бачи барз гнівал же чом тельо шицки дулюю...

Но, та тот приклет Владко од вчасного дзезинства не любел. Аж и влєце, кед вонка шицко було ошвицене и аж розпечене од слунка, у приклеце було кус жимно. Прето у приклеце за дзверми и стала канта з артейску воду, з котрей требало кеди-некеди дакому у белавим плеховим гарчичку принесц напиц ше.

– Лем не порозлівай! – кричала за нїм мац спод ягоди у дворе, дзе або оберала курче, або щикала мак, або аж и спуцовала клоче на керпари.

Як най не порозліва, кед ше му видзело же, кед ше нагне над канту, та хтоша як кед би му жимно дихал за шию. Та понаглял цо швидше нагнуц з канту, у полуцмоти потрафиц циву над гарчичок, наляц, вец помали спуциц канту и вибегнуц.

Пробовал Владко даскельо раз повесц мацери о тим жимним диханю котре чувствовал на цеменю, але вона лем одмахла з руку:

– Цуг з отворених дзверох, а и позацаговала сом плахти на дзвери, бо требац будзе спац у тей горучави вноци, та най ше хижа не нагрее...

Неодлуга ше оженел и други брат, Микола, та вон з невесту пошол до приклета, а Єфремови ше народзел син, та вони тройо пошли до предней хижи, а мац, оец и Левона до задней. Цо то вредзи, кед ше и до задней хижи, заш лем, мушело преходзиц през тот прекляти приклет. Обецал оец

же на боку направи хижку, та му мац шепла же то будзе за нього, але Левона такой скочела:

– Знаже лепше да мне видвоіце до тей хижки цо оец справи, най вас шицких не будзим кед уходзим з бавеня.

Знал Владко же то на коцу будзе так як Левона пове, та ше ані не радовал тей оцовой обецунки. А оец оклевал зоз правеньом хижки, а зоз собу покончел так, же накадзи пукла яр, прешол спац до хліва. Хлів бул вельки и цепли, над яшлями були драбинки на хтори себе положел зольніцу полну зоз шеном, и як сам гварел, уживал док Ружа румеґала, а Путко скубал зоз слами цо стирчала спод золніци. Правду повесц, мудре було тото оцово ришене, бо ше Владко вецей не мушел кудовчиц з Левону на посцелки. Вона пошла на оцову посцель, а Владко ше остал шириц на своїм месце. Но, и то не було длуго, бо Єфрем зоз свою фамелию, у хторей окрем сина о рок-два було и едно малке дзивчатко, пошол за биреша, а Микола до войска, та його андя пошла до мацери, дзе ше и породзела, а фамелия ше могла комоциц.

Вше частейше мац рано вчас зганяла Левону топиц до пеца, а сама лебо робела з хлебом котри мала печиц того дня, лебо рихтала на тепшички єдзене: квашеней капусти зоз шкварками, крупи зоз реберками, мачанку з колбаску, кромплі з подгарліну, або пасулю зоз ратичками у гарчку. Теди ше ровно цошка випекало, штуряло до пеца за брилу, не було дутяни так як тераз: одбегнеш по 200 грами салами, або по паштету, та ни-а, фриштик! А и кед ше раз натопело до пеца то було на цали дзень, гибаль же жима барз сцисла та ше мушело голем закуриц пред вечаром да мож длужей пошедзиц у хижи и поприповедац дацо зоз фамелию, або сушедами. О тим же чи ше витрима з огриву до конца жими кед будзе задлуга така моцна, же не будзе добре кед ше стара опраши док так жимно, же чи добре одбиц целе од цицки, а ниа, добре би було, бо би було вецей млека... И таки даяки новосци як цо то бугнар глашел на пияцу, а цо паноец наказовал у церкви, хто умар и хто оглашовани, а

дахто знал до обисца принєсц и приповедки як дахто бул дагдзе, або дахто пришол оддакадз, та ше приповедало як то у далеким швецє людзе иншак жию, и же ше там, дагдзе, зорвала война, на цо би оец примаховал з главу же лєм най нам ше то не случи бо вон ше навойовал и рок и пол пре-провадзел у рабстве, дзешка далеко, цо Владко не могол ані попометац як ше тоти краї и тоти людзе волаю.

Вишло же Левона не була хто зна яка вредна топячка: уж єй вигризки були влажни, та єй слама збовчала скорей як ше вони лапели, уж ше єй кочерга запалела на жирячки кед ю збивала, уж ю ожог опекол, а на єден завод ше случело же рано кед оец станул, не могол найсц свою деревянку. Нет и нет, як да до жеми препадла, док не вишло же то Левона мала з кукуричанку до пеца фукнуц и деревянку, бо таке цошка як нос зоз деревянки мац видзела неспрегорене у жирячки, кед ставяла кашу у гарчку до пеца.

– Вше лєм на мнє кладзеце! – поносowała ше Левона, и то так прешло. Оец ше поцешел же то була уж вилїзана и розщипена деревянка, алє о єден час и Владко не могол найсц пару своєй бочкори, цо ю вечар охабел у приклеце! А купел му оец нови бочкори на єшеньским вашаре, аж му дал най их сам вибере и випробує! Плакал Владко, бо знал же до школи, до котрей тей єшенї почал ходзиц, будзе мушиц пойсц у старих Лєвонових ципелох.

– Орубем запетки зоз нїх, та нїхто не будзе видзиц же то були Лєвоново – цешела го мац. – Знаже, ище ци будзе лепше у ципелох як у бочкорох ходзиц до школи.

Не сцел Владко мацери превредзиц, та их обул, а вецка ше з нього велькошорски хлапци шмеяли та ше дому врацел не по Вельким, алє по Маковским шоре. Пришол плачуци, же най му найду бочкору, бо вон иншак до школи не пойдзе.

Не лєм же ше Левона не признала, алє го ище и прешвечовала же то у тим приклеце як у цмей, заврачаней дзири, шицко нестала.

– Ни-а – гварела вона – и мнє нестала заруцовачка. То значи же ше у нашим приклеце цошка през ноц случує. Та

ти, Владку, шицки своєю ствари зберай и сам их добре чувай.

– Легко Левони – думал себе Владко – вона и так тоту заруцовачку не любела, бо була на вецей местох дзирава, прекупена од сушедовой нвести, жабурова, прецо ше Левона найбаржей гнівала, бо вона сцела оргонову яку ма и ей верна, але, мац гварела же пенєжи нет и най ше папери у тей, а другу не достане.

Но, та достала Левона другу, бо ей тота жабурова не найдзена, не було ей, ані захировац. А гат, як же пойдзе до карчми на танец без заруцовачки кед жимно, а кед не пойдзе, як же ше ода! Но, та, зоз хліва пошло целє, а до ормана пришла заруцовачка.

Понеже Владко закончел першу класу, родичи одлучели же може оставац сам дома. Ей, як ше вон цешел у тим же йому зверене цале обисце! Могол по цалим дню буц газда, заоведац Тарчийови най виганя кури зоз загради, най позбера тацка, кед би ше му удало з паридю потрафиц даякого цо ше надманул на вишні цо почали червеніц, и цо найважнейше, най го чува од дачого цо може нападнуц на нього, самого.

Мац му наказала най капурку вше трима замкнуту, най ше озве лєм познатим, гоч родзини, гоч сушедом, кед ше явя споза капурки и най нікого не пуца до обисца. Цо цигурне, цигурне.

– У приклеце у кошаре, на столїнох ци цали хлеб. Там и нож, та себе вше одкрай фалаток. На столе на танеру з хлебовку окруцена сланїна, та себе вше одреж кельо ци треба, а вец поприкривай и хлеб най ше не суши и сланїну. И не пуцай мачку бо ци одцагне сланїну, а и хлеб побабре. Шпи на посцелї у приклеце, да не ухodziш до хижи и не мушиш швициц, бо ище запалїш хижу... – наказовала мац кед ше виберала же пойду додня пондзелок на салаш гу Єфремови, бо там вжали з рису кошиц. Вони себе вжали два цали хлеби, векши як сакайтови, же би им було досц до недзелї.

– И не бой ше, сину, нічого, злого може зобиц лем живи человек и ніч вещей, зато ци и гуторим же би ши нікому не отверал, бо даяки вандровкаше наиду и спредведню це, вицагаю дацо з обисца. Лепше им лем не отверай, та будземе и я и ти мирни. Гей, там на столе у приклеце и кантичка з кислим млеком.

Летні дзень длугоки, та ше мож набавиц. Зобудзел ше Владко накадзи обисце уцихло, кед коч вишол з двора. Такой вишол вонка, понацаговал ше под конком и стояци на секу ришел же перше пробує грушки чи су уж за едзене, вец шедне, та ше лапи до париді цо ю почал правиц хториш дзень, скоро же є и готова лем гуми би набавиц... У тим и огладнел, та себе одкрал хлеба, кус сланіни, одбегнул до загради и старнул едно квашне яблучко, та ше госцел: кус хлеба, кус сланіни, кус з яблучка. После такогo фриштику, за полудзенок му було досц лем кус кислого млека з тей кантички на столе у приклеце, а вечар, скоро да забул есц, таки бул вистати: тельо ше наоганял за Тарчийом цо го знемирийовали кертици у кромплъох, за птицами цо нападали вишні, а кед ограло зацагнул ше до хладку и конечно розришел проблем париді: зоз старих штверцох вирезал скорку з оглавка, а вец у ладички у ормане нашол мацерово штрумпадли, розрезал одну на поли и удзал одну половку до дзирки видлобаней у скорки на одним боку, завязал за древени рачки, а до другей дзирки на другим боку скорки другу половку гуми за други бок рачкох. Не могол ше лем наштреляц по загради до конарка, до лісца, до яблучка, до грушки – не лем до птицох. Аж ше му видзело же вечар швидко пришол, та ше порихтал спац: знял сламячу з посцелки, прицагнул до удзверйох на приклетни дзвери, положел заглавок на праг, з покровцом ше закрил и з одну руку прицагнул гу себе Тарчия, а у другей сциснул паридю, та задовольно и чувствуюци цигурносц, заспал.

Ніч ше му не шніло, голем не паметал. Кед ше зобудзел уж слунко вишло, а на ліцу му бул зосушени шлід шліни як смачне спал. Покруцел ше дакус и знова пошол до загради.

Там видзел сушеду, побешедовал кус зоз ню, вона ше му питала чи ше не бої, гварел ей же знаже же не, а вона го похвалела. З другого боку загради тиж не було проща, та видзел Онуфрия, кус младшого од себе сушедового хлапца, як подскакує под кайсу пробууюци отаргнуц ище желени кайсочки. Понукнул ше же му назбива кельо сце з паридю, але Онуфрийова мац пошвидко наишла и розогнала пайташох, каждого дому...

И други ше дзень закончел крашне, з Тарчийом под пазуху и гвиздами над грушку под конком. Трецого дня наду-мал направиц крилатицу. Под драбину у коморки видзел зложени корунки посцелї котру Миколова андя там охабела, кед одходзела до мацери, най не завадза. Владко з млатком вибил обидва облачки з корунки и дал ше до работи. Так ше дал до работи же ледво дацо заедол, але до вечара були вирезани кридла з керпари, авиона яки видзел на єдним папери цо Єфрем ище кед ше врацел з войска принесол и забул у древеней ладички под драбину у коморки. Резац ценюнду дешичку не було проблем зоз оцову бритву, тоту цо ю вон чувал у столовей ладички и каждей недзелї, скорей як цо ишол до церкви, оштрел пред бритвеньом на ремени цо го обешел най виши з гвозда на удзверйох.

И трецого вечара ше, як и скорейши два вечари, порих-тал на спане: на праг приклетних дзверох положел заглавок, под себе престар керпарку, Тарчия гу себе и заспал зоз снами о тим як нарано закончи свой авион. Рано кед станул, перше пошол гу хлебу, думал, нафриштикує ше, та вец на мире може робиц. Але, там го чекало неприемне чудо: од велького хлеба, з хторого скоро же ледво було видно же резане, остала лем кус векша кромка. – Як то може буц – думал себе злекнути – ша спал сом на уходзе до приклета, хто уходзел мушел ме прескочиц! Же ше я не пребудзел, але дзе бул Тарчи? Ша, не лем миша кед зашушоци, але муха кед забринї вон дзвига главу!

Яка то врачанїна цо их обидвох заврчала, не могло му войсц до глави. То лем цошка нечисте!

– Яки ти чувар обисца кед ме не зобудзиш, але допущиш най хтошка, чи цошка, дулуе по нїм, а ти нїч!

Вецей Владко не сцел мац нїч у приклеце. Єдзене однес до коморки, бо ше до ней уходзело од задку, а сам себе намесцел зольнїчку спац на брадле. Тарчия покарал так же го охабел долу, а сам ше видрапал по драбини.

Мац и оец пришли аж соботу вечар, позно, а хлапца нїгдзе. Гледали Владка, гледали, док го оец не нашол на слами, бо го Тарчи одвед гу драбини. Заспаного го однес на його посцелку. Рано, кед ше Владко зобудзел и вибегнул зоз хижи, же оцови и мацери виприповеда же у їх приклеце було нечисте, оец го дочекал зоз бритву у руках, даремно ше пробууюци обривци:

– Цо ши лем робел зоз тоту бритву! Я ю зачувал на фронту, а дома ми є упрепасцена!

– Нет ми штрумпадли, но?! – чудовала ше мац зберауюци ше до церкви.

Владко ше поцагнул з Тарчийом до гумна, скривауюци до слами навирезовани дешички, покля го оец и там не нашол:

– Шале, посцель погубиц, андьово придани! – кричал на нього бесни и розчаровани.

Длуго Владко не сцел уходзиц до приклета, дармо му мац доказовала же то вона пришла по хлеб тей ноци, бо им нестало на полю, лем же го сановала зобудзиц и же прето Тарчи не збрехнул... Цошка у нїм не дало му вериц, а Легоново слова му верене ище баржей порушали:

– То це мац лем так блага. Ша, знаже би ше гу це озвала да була вона!

Роки познейше, кед ше уж вецей не Владко, але Владо, врацел зоз фронта, дослужел войско, бул и даскельо роки заняти у задруги и кед купел радио, и уключел го до струї у приклеце, же би ше го слухало и з єдней и з другей хижи, а чуло ше го и под конком, оец не сцел вецей уходзиц до приклета.

– Я там вещей не идзем. То муши буц цошка нечисте: бешедує, шпива и грає – а человек є не, ма око и кліпка, а не живе є – жубротал себе под нос жегнаюци ше. – Я з таким дачим не сцем мац роботи!

Аж теди вимуровал обецану хижку на боку, до хторей ше сам уселел и у хторей жил до шмерци, одбиваюци прилапиц аж и електричну грушочку – бо ше шветло котре не од пламеня, процивело його розуму.

КРАСНА ЯСНА

Було єдно дзивчатко, народжене у Керестуре, теди кед ше як и вшадзи, и у тим нашим найвекшим валале мена дзецом давало так як Бог заповеда: не по филму, сериї, роману чи назвиску, але по тим же кого зоз святих родичи сцели вибрац же би бул доживотни зашитник того їх новородженого дзецка. У своєй християнскей вири, вони верели же их тот святи будзе чувац од злого у живоце, а после заступац пред Богом кед придзе судні дзень. Та родичи не мали вельо бриги яке мено даю кед ше дзецко народзело: або доставало мено по мацери чи оцови, кед було перше народжене, або по баби чи дідови, або по даким у родзе, а кед не, вец на розполаганю були святи кніжки, календари, та ше там гледало мено святий, або святого, най би на кресцинох з меном була дата и його защита, а то звичайно було таке мено цо у календаре найбліжей дню народзєня. Та вец кед уж родичом випатрало шмишне мале дзєцочко, поведзме, волац Михал вони го волали Мижо, а Евфемию волали Фемка и так шицко оставало у родзе же ше по менох дзєкеди єден род и розпознавал, а Руснаци одвойовали од других цо таки мена не давали. Мили, дробни дзеци мали мили мена, хтори им були скоро як назвиска, а у матрикули и шицких документох и кед були уж озбильни людзе були з озбильнима менами. Та кед ше легињ женел преставал буц Мижо, поставал бачи Михал, а Фемка була андя Евфемия. Кед вони уж були родичи, вец мали прикладни мена, як ше и швечи родичом, пред своїма дзєцми и унучатми. Но, але тоти часи прешли, а теди кед народжене дзивчатко о котрим приповедка, традицию ше барз почитовало. Так и дзивчецу вибране статочне мено,

Марча, що значело же ей защитніца мац Божа, лем же под тим меном док росла ю ніхто не познал.

Бо, як дзивче росло, так видно було же то будзе якеш дзиве, а не таке як ше обчековало од єденого статочного дзивчеца, що ноши мено Матки Божей! Од дзивочки Марії могло ше обчековац же будзе будзе миле, мирне, послушне и чесне, а що значи чисте и вше спорасне. Накадзи почала бегац, почали ю интересовац хлапцовски бависка, а не бабки що ей на вашаре, чи кирбаю куповали баби, або на Крачун давали кумово. Як дорастала, так ше лапала з хлапцами пендрац на брадло, винімац тащата зоз гнізда, цильовац з паридю, чи бегац по праху цагаюци за собу на шпарги завязану дзираву шерпенку. Прецаговала ше и през проща до сушедовой загради наоберац себе яблучка, прескаковала ярки и оганяла ше зоз псом Бойтаром по пажици. З яри лапала жабчата, и аж их даскельо раз и „оперовала”, а кед влесе чупкала по баркох и уживала як ей мутлянка чвирка медзи пальцами на босих ногах. Вжиме ше з хлапцами обеговала на корчольох, а кед ше даедному удало начухац ю, тот побановал, бо го знала дочекац и начухац му твар з шнігову лабду покля не заплакал.

З єдним словом, не могли ей ради дац анї оец, анї мац, а анї баба и дїдо. Родзини лем у чуду злеговали з плецами же на кого ше удало тото дзецко, а сушеди ше жегнали и дошептовали:

– Яка то лем дзивка будзе?!

И вчас спознали же то не даяка Мария, але права Маря!

Кед дзивче рушело до школи, место да змудрело, поста-ло ище несташнейше. Бо, то теди до першей класи дзеци ношли таблічки котри мож було легко розбиц, окреме кед ше з ню вдерело по глави дакого хто це дрилел у шоре за уход до класи, а о малих клайбасох, що ше з німа писало як зоз крейду, не вредзи бешедовац. Кажди дзень ей требало нови, або писала з такима дробенкима фалатками як нохци, бо ше кажди поламал кед нездобачки випаднул з ей

торбички, кед витла з ню дакого по хрибце, або сама на ню шедла. А кед рушела до висшей класи, вец було ище горше. У висших класох учело ше красне писане, а за красне писане требало не лем пошву и пирко, але и фляшичку з тинту, та од тей тинти ей були вше пальци замурцкани и покапкана блузенка, чи сукенка. Теди у школи робели и школярски кухні, та на тей сукенки знало буц и капки теї, чи билей кафи, а у куцикох на устох маджуну, або ше ей ліцо швицело, бо ше понамасчала док кусала з хлеба намащеного з масцу. З єдним словом, кед ше дахто сцел презнац о ней, найяснейше було потолковац:

– Гевта Масна!

Видзела то и мац, та вше пробовала свою єдиніцу спораїц: куповала ей нови шматки, кеди могла, орайбовала ю, опейгловала, аж и вязала перлоново машлі на варгочи, так як теди шицки нялкошки ношели. Але, нова шматка барз швидко поставала стара: шпляхава, пороздзерана, погужвана, а дому ше з бавеня, чи зоз школи, врацала без єдней, або и обидвох машльох.

– Та цо робиц будзем – дудрала мац – як ше лем одаш така!

Було уж таке же мац керовала зоз своїм дзивецом ходзиц на свадзби, на госцину, або нащивиц дакого. Кажди таки одход преплакала и мац и дзивочка. Мац прето же ю Марча поганьбела, а вона заш, же анї сама не знала як ше достала до того же за ню знова могли кричац: „Масна як торба! Масна як торба!”

А роки преходзели, мацерово двоєне росло. Пробовала ше радзиц и зоз своєю мацеру, як, Марйову бабу, тота видзела ратунок лем у ценким вербовим пруцику. Але оцц не дал свою єдиніцу воспитовац з пруциком. Уж кед не знала цо, а вона пошла до паноца.

– Кед ей Матка Божа, Водицова не помогне – гварел ей вон, – я не знам хто би ей помочи могол! Телїм помогла, та кед ше будзеце модліц и вериц до ей помочи, можебуц и вам помогне.

Вишла вона од паноца, а така застарана же скоро вибегла на якуш далеку, стару родзину. И зверела ше ей, а тота иста ей вец виприповедала:

– Кед ми дзецко мало дас седем роки, збачела сом же ма по себе кури очи. Пробовали зме найсц даяки лік, але зме го не находзели. Пришло ми на розум: можебуц му Мария поможе, кед други ніхто не може. Почала сом го водзиц до Водици и умивац зоз тоту воду. То сом поновела вецей раз и несподзивано ей кури ока прешли – виприповедала жена и додала: – Дзекуем Мацери Божей, Водицовой.

– Я ци сцела повесц най ю одведзеш до Водици, але сом думала же повеш же то даяка врачаніна – гварела ей швекра кед ше вона зверела як ю паноцец радзел. Я живи доказ же Мария Водицова помага. Кед сом була мала, почали ми роснуц павучайки до очох. Пошвидко сом ніч не видзела на очи. Понеже дохторе шицко пробовали, а стан бул вше горши, остало ше лем модліц и чекац даяке чудо. У тот час дзешка у валале бул владика Няради и кед ше дочул преїг моєї родзини цо зо мну, порацзел нам слідующе: модліц дзевятніцу до Марії Водицовой и умивац зоз тоту воду кажди дзень очи. Мой оец Денчи почал зберац по валале особи хтори би ше модлели дзевятніцу. Пошвидко назберал дзевец особи. Почали ше модліц, як Владика гварел, а кажде рано оец ишол до Водици зо мну и умивал ми очи. Кед почали модліц треци раз дзевятніцу мне ше очи почали отверац док сом цалком не виздравела. Як подзековане Мацери Водицовой, кед сом ше одавала, зажадали зме ше винчац праве у Водици!

И строела ше мац же послуха паноца, попречитовала шицко цо могла найсц о шведоченьох людзох котри при студзенки Водицовой врацели здраве и мир, та там дзешка после керестурского Кирбаю, кед ше раз знова Марча врацела з подарту шмату, розтрешенима варгочами и заблаценима новима сандалами, а пред тим до тижня дижджу не було у валале, ришела же ушиє дзивочки своєї нову шмату, наказала ей най себе сама вивикса ципелки и

рушела з ню на Кирбай у Водици! Поприберала Марю, а и сама ше, як на Пасху (бо ше то теди за каждую Пасху мушело купиц нову шмату) обула ей лаговани ципелки и били зокночки, повязала машлі на варгочи, та гайд по дильове, до Водици. Бала ше, же кед буду исц тамадз коло бегелю, яке тото ей дзивче несташне, даяк ше ей зошліішне до води, або упадне до шлайсу. Ишли вони дильовом, а дзивче ровно забегує, раз опрез мацери, раз заостава дзешка у жице, раз збегує з драги натаргац пипиня, раз оганя за мотильом, а лапела и даскельо желени коніки. Од того беганя, а то гат треци дзень Русадльох, та уж було цепо, шицка ше озносла, власи ей випирсли з варгочиох, на сукенки ше ей налапали репики, а зокни поспадовали на скленчки, носи на ципелкох оглодали. Кед сцигли по Водицу, а там людзе прибрани, а мац не зна дзе патриц од ганьби. Дзивче ю ише и потаргує за фартух, та модлі:

– Мамо, мамо, купице ми вапняного цукру?

И купела мац, и дала ей, лем най ю змири. Але, догмало, Маря ю заш тарга за сукню:

– Мамо, мамо, я смиядна – олапує ю з озноенима руками.

Цо будзе мац, не було теди фляшочки з воду, або соки, але ше ставало до шора гу студні, та з кабла и єдного гарчичка шицки пили. Пришли вони два гу студні, а там уж людзе вицагли кабел з воду, та пие хто сце з тей води. Хто одпие води, кус ше з ню оплюска по твари, а остаток з гарчичка посипе себе по руках и ногах, уж за цо себе гледа з водицову воду помоци, наздаваюци ше же му улагої болї, вистатосц, або лем так, же би го дацо не знашло. Теди то ише не було тей пластики, фляши и погарики на каждым крочаю, та ше шицки людзе служели з єдним гарчичком. Кед вони два пришли на шор, мац залапела з гарчичком завязанам на шпарги за ручку кабла, води, та понукла дзивчецу напиц ше. Але, дзивче як кед би гарчичок не видзело, влапело ше з обидвома руками за тот кабел и нагло над воду у нїм же ше так з ней напиє. Нагло ше, та у

гойсацей води, скорей як почало пиц, як у жвератку обачело одражене своєї твари, свою слику на поверхносци води. Видзело же на ню патри бураве, замуцкане дзвчатко, озноене и розчервенете. Патрело дзвче, патрело на свою подобу у води, вец ше сциха нагло, напіло з ней, помали утарло уста и виступело поважно, задком оддалело, та сциха шедло на ярочок недалеко од церкви водицовой.

Зоз церкви през отворени дзвери, чуц було шпиване:

*Ми тебе ту велічаме, Маріє славна
И од шерца Це благаме, Маріє славна
Пришли ми ту, до нашей мацери,
Бо нас чека чиста Діва,
Водицова наша мила, Марія славна
Вилей на нас Божя Мати, Маріє славна
Щедросц своєї благодати, Маріє славна.*

Док хор людзох повторйовал рефрен – *Пришли ми ту до нашей мацери*, Марча немо патрела дзешка горе на хмари цо ше помали шпацірал над крижиком невисокей турні, а на ей твари ше розлівала якаш благосц и мир. Ошмих ей трепецел коло гамбох, а слунко своєю зарі прецаговало през ей розбуртавени власи, та випатрала як кед би мала златни венчик на глави.

Мац скоро да не верела кед видзела своєю немирне дзвчатко як задумано шедзи на трави, з руками на коленах, запатрене дзешка далеко. Побули вони два еден час у Водици и рушили дому. Але, тєраз драгом дзвче тримало мацер за руку, було цихе, задумане, крчало ровномірно коло мацери не натаргуюци ю, стараючи ше отримач своєю крчачі з мацеровима.

По полудзенку мац задримла и аж ше зорвала од цихосци котра незвикнуто пановала у обисцу. Вишла вонка, такої думуюци же Марча уж дацо звитяжела, та ше несподзивала кед ю видзела як шедзи на колімбачки и лем кеди-некеди ше загойса, задумано. Вечар кед пришол,

Марча ше сама, без опоминаня, порихтала на спанє, та тиж так мирно и швидко заспала, а у сну, кед ше мац нагла над ню, на твари ей трепецел исти тот благи вираз и ошмих на гамбох котри видзела у Водици.

Кед ше рано пребудзела, опитала ше Марча мацери:

– Мамо, купице ми белави шос и билу блузну, а и каменково машлі до власох? Сцем буц облечена як Мария цо сом видзела на образу у Водици!

– Купим, знаже купим, накадзи справиме перши пенєж – покус збунєта одвитовала мац, запатрена до ясных очох и препенєтей, благеј твари своєј дзивочки.

И так и було, накадзи достали пенєж за слунечнік цо им того року добре зродзел, мац ей купела шматки яки дзивче жадало и таку ю прибрану кажди дзень випровадзала до школи. Не могла ше пречудовац же яку ю чисту випровадзела, таку ю, спораєну и нашмеяну, дочековала зоз школи. Кус-покус, обачели и жени цо на швета и недзелями шедзели опрез хижох на драже, же яке шумне и вше спораєне дзивчатко преходзи коло нїх, а вше не забудзе поздравкац:

– Слава Исусу Христу!

– Вовики слава – одвитовали вони и пригваряли. – Як ше тото дзивче препенєло! Вше було таке замуцкане, а тераз ше якош аж швици, така ей твар ясна. А тоти белави очи, як тоти з образох, небово!

То обачели и дзивчатково пайташки и пайташе, та кед чули цо за ню старши гуторя почали ю волац Ясна. Дзивче росло и помали з нього поставала дзивка. Кед ше тераз дахто допитовал о ней же цо за Ясна, цо за нове мено єст у валалє, якош найточнейше саме од себе ше указало толкованє:

– Гевта Красна!

Росла Ясна, а до шицкого ше розумела, нї од чого ше не одмагала. Кед требало дацо упечич, знала мацери повєсц:

– Дайце най я упечем.

Кед вишивала, пайташки приходзели списовац од ней мустри, а зоз ей заградки ше од вчасней яри по позну єшень

ширел запах красного квеца. А запах билих лелийох коло дражки у дворе опивал каждого валалского легиня котри преходзел случайно, або нароком коло їх обисца. Раз так до Керестура на Кирбай пришол еден красни легинь зоз Старого Вербасу. Прешол вон коло їх хижи, та кед ше му у глави закруцело од запаху лелийох, опитал ше своєю родзини, до хторей пришол, же цо за дзивка цо ю видзел през ограду у заградки.

– То Красна Ясна – гварели му домашні.

– Наисце є красна. Але цо краса, спрам ей вредноти и тей благосци цо ей зарює з твари?! – додавал залюбени легинь.

Неодлуга до Керестура пришла питачка зоз Старого Вербасу и по ламачки були питанки. Так Красна Ясна зохабела Керестур, але за ню остала приповедка як вона у Водици достала благослов Матки Божей, своєю защитніци, и же вона ище еден приклад чудотворней вири хтора зазберує вирнікох уж скоро два століття. Мено Мария, Марча, кед ше народзи дакому дзивче, ридше придзе дакому на розум, а Ясни єст вше вецей, бо то було давно, та ше забуло же воно означує здобуту прикмету, а не християнски знак зашити.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

На концу валала, од Лалитю, вше бул вельки лапош. Дакеди ше тот край и волат так же то такой було ясно яка там жем була: Барище. Там вода стала и кед ше уж з цалого валалу поцагла, там хижи правели лем тоти цо индзей не могли купиц порту и з часом там, на месце одкаль ше брало гліну котра ше дала добре набивац, настала доліна – Борайова доліна. Нешка ей нет, як цо нет анї барища, але асфалт водзи попод нови бегель гу старому бегелю, провадзи на пристойней оддаленосци крижане и сцера занавше дакедишню слику того валалского окраїска.

Там, кадзи ше познейше, кед Ференц Йовшка, бейчки цар, дал копац вельки бачки бегель и так спушел води и зоз Барища и зоз Сейкох до його цеку, преходзело по Буджацким мосце, з древа направени мост по котрим ше могло, док ше не рзгольтал и здирвел, прејсц и з кочом на други бок, дакеди бул теметов. Шліди о тим кеди настал и покля ше на нїм ховало нет анї у керестурскей хронїки, але у паметаню людзох стої же кед були мали, кед их драга водзела тамаль, видзели поламани крижи и зароснути гроби. Були то грунчки, та на нїх, во время оно, направени шор хижох, а за нїма з акцию школярох котри предводзел осетени наставнїк, настал овоцнїк: там дзе була доліна засадзени белави, а дзе бул теметов жовти шлівки. И нешка ше сушество того краю сладзи з їх плодами, а хлопи себе пригваряю кед випекаю паленку:

– Не з нашого, а нам!

Забул валал своїх давних жительох, їх радосци и смутки, їх нещесца и щесца. Лем у одгукох давних

приповідкох задзвині дачия судьба, найбаржей кед є необишна и кед ше зложи з людску потребу мистиковац свой єдноставни живот.

Єдна з тих приповідкох, цо корені ма у правдивим валалским живоце, прави приклад як мацерово шерцо не зохабя власне дзецко, аж ані теди кед од нього и Бог дзвигне руки.

Дзеци у валале вше було вельо, бо и кед були подли роки, суши, чи виліви, войны або мир, дзеци ше родзели и за длуго, длуго, як ше нашо людзе доселели, валал ше ширел, и ширел. И попри страшной косидби чуми, цо зоз тих барох у валале и доокола нього, на три заводи ставала и зоз свою немилосердну косу замаховала, та так валал од живота окрадала, и попри биди котра у нїм владала, та шицким хоротом одберац помагала, вон роснул. Народ ше уповал до Бога и примал шицко як його задумку о котрей богобойни человек не ма цо вельо роздумовац. Людзе були тварди у вири, ходзели до церкви и свойо дзеци так научовали. Та, донедавна ище, не мож було задумац же би дзецко легло до посцелї же будзе спац, а не вимодлї голем тоту кратку молитвочку:

*Ангелку мой, хранителю мой,
ти вше при мне стой
як водне, так вноци,
будз ми у помоци!*

Як дзеци дорастали, так им ше предлужовало модленє, додавало ище молитви: *Отче наш*, а вец и *Богородице Дїво*, та *Вирую во єдинаго*, але того ше уж препущовало його совисци, рахуюци же є уж способне водзиц рахунку о своїм духовним живоце. Молитвочку „Ангелку мой” ше модлели мали дзеци, тоти цо лем цо научели вигваряц слова. Модлело ше вше з мацерову помоцу, або бабову, кед мац мала други роботи, а закончовало зоз жегнаньом и аминьованьом.

И Дюрика мац так ховала. Окреме ше старала най би ше порядне моддел, а вона ше вше моддела з нїм, бо го одного мала. Од вчасней младосци не була здрава, та и тото едно дзецко ледво принесла на швет. Була подзековна Богови же ей го подаровал и же ей дал моци у тим слабым целу, жиц за нього, та мерковала и най ше добре облека, и най шорово є.

Мож повесц же ше Дюри досц добре тримал, таки слаб-ки, аж превидни. Аж анї не хто зна як часто кихал, кашлял и бул прехладзени, як то знали буц дзеци, а окреме хлапци котри ше по цалим дню бавели по вонку, бегали по долїнох, пажицох, за жабками и ящурками, по древох и брадлох за тащима и страчима гнїздами, а кед змарзло на саночкох и по шлїщанкох, яки було вельо по валале кед тоти чурки и барки позмарзали.

Рушел Дюри и до школи, мац ше аж наздавала же го даю за шегерта, лем най не роби тоти чежки роботи на полю. Указовало ше же будзе дацо з нього, вон би аж и любел ходзиц до школи лем да то дзеци не таки же кед осетя же даедно дзецко слабше од нїх та го, як тоти курчата цо знаю заджубац подруцене, тиж так заджубу. Непреривно го дриляли до дачого дзе ше вон не сцел виказовац, а вони од нього обчечовали най ше докаже. Та так и тей ешенї, кед их учитель виведол на пажицу при долїни, най ше дакус набегаю, а и най видза, як кед би то вои не мали кажди дзень пред собу, як ше природа меня. Коло долїни, дикинь и шаш, над, а у їх кореньох полно згнїтого лїсца, та ше хлапци огуровали, прескаковали ярчки цо ше правели кадзи ше вода сцекала. Схопнейши ше знали залетнуц и прескочиц, найслабши ше анї не пущали до такей спокуси, але Дюрика пайташе зоз класи нагваряли:

– Опать яки ши, як цинка, ша ти прелециш на други бок як тащок!

Обавал ше Дюри, перше ше лем вигварял, же не може, вецка ше пробовал залетнуц, але вше ше начас зопар пред скаканьом док го на концу двома, еден з одного боку, други

з другого, не задрилели и вон спаднул з твару надолу, кельо бул длуги, до того шмердзацого и жимного блата.

Тоти двома ше зашмеяли, подскочели од радосци же яку добру франту здумали и, ані не оглядаючи ше на замуреного Дюрика, розбегли за другима котри уж порихтани рушели до валалу, та до дому.

– Любел бим видзиц з яким бараном пойдзе дому! – шмеял ше и далей тот висши уцераючи смаргель, котри му од шмиху вискочел, до рукава.

– Не верим же нарано придзе до школи, ша не посуши му ше шицко – додал нїзши и округлейши.

– Не придаме ше нікому. Кед нас уда, повеме же циганї - догварели ше пред тим як ше розишли кажди до свойого дому.

Спушел ше и вечар, пацери видзвонели, а мац Дюрикова, знемирена, поставела вечеру на стол, та ламаючи руки пришла гу мужови:

– Дюрика ище нет зоз школи – ледво прецадзела през гамби.

– Розмазуеш го – гварел ей муж – а и вон лем хлапец, забавел ше у дакого, але дам я йому, мушим го дакус вигараздовац, бо ище дацо звитяжи.

Чекали, вони, чекали, але сина не дочекали. Знемирени пошли аж и до учителя, же им сина ище зоз школи нет. Учитель ше сам зачудовал и гварел же, гат, бул з нїма на вилсту, же видзел же ше хлапци бавя коло бари, але же не зна повесц дзе Дюри заостал.

– Не почитали сце дзеци кед сце ше врацели? – чудовал ше оец.

– Ша вони уж друга класа, та озда знаю шора, а и такой ше з конца почали розходзиц по домох, та хто би их полапал – вигварял ше исти.

Од пайташа, до пайташа, ходзели родичи и учитель з нїма, здогадуючи ше з котрима го пайташами видзел. На концу ше доисцели цо було: же двома хлапци видзени як го нагваряю най прескочи бару, а же го други после ані не

видзели. Вицагли тих двох цо були остатні з Дюриком зоз посцельох и вони ше, злекнути, придали же цо зробели зоз нїм, але, плакали и вигваряли ше обидвоме здрилюючи вину кажди на гевтого друго, же вони сцели з нїм лем пофрантовац. Одвели и Дюрикових родичох и учителя, а з нїма ше позбєрали и їх оцове, з лампашами у рукох, шицких застараних, на Барище. И акурат, там дзе були стапшани барово рошліни, мац препознала штрикани шал котри вона фарбела у желених орехових лупох, на доганово.

Вицагли хлапцово цело з мутлянки, принесли го дому, мац го сама окупала, вистарла под греду... Шерцо ше у ней скаменело, та кед людзе пришли читац молитви, кед жени почали нарикац, слизи ей лем сциха чурели, сами, и вона гласкаюци го по твари шептала:

– Синочку мой, люби, поволай ме гу себе!

Мешацями после, як даяка машина цо не ма душу, ані чувства, робела мац, шицка у чарним, шицко цо робиц було у обисцу. Рушала ше як цинь з хижи до хижи, виходзела до двора и назад, и сама поставала цинь, так же на ней тоти широки сукні лем ловгали.

Пришол и Крачун, порихтала Дюрикова мац шицко як требало: и рибу на тепши, и бобальки, и пред тим напекла у пецу капущанїки, положела на стол и миску зоз шлївками з дунца котри Дюри так любел. Оквецела ядловцово древко, зоз цукрами у златку и на клянку заквачела шпаргу на котрим бул паперови ангел, котрому ше рок пред тим Дюри так радовал, бо кед би ше вошло до хижи, як ше отворели дзвери, ангел би ше спуццовал над Вилїйову вечеру, як кед би ю благословел, а кед би ше дзвери за даким заварли, вон би ше видрапал горе над крачун, над гвизду зоз гомбулі цо ше блїщала при лампи и запалених швичкох.

– Дате се нам навеселити, – озвали ше перше наймладши шпиваче зоз сушєдства котрих водзели оцове.

– Даме, даме – одвитовал муж, кед видзел же жена нєма.

Сцисло ше шерцо у мацери, привитно отверала дзвери каждому шпивачови, спушовала им до торбички уштей зоз платна своєї роботи по єдно яблуко, гарсц орехи, даєдну суху шлівку и дробни динарчок.

Аж, кед прешли тоти наймладши и кед ше зявели тоти векши з вертепом, та ше озвали же:

– Дате се нам навеселити – мацерино шерцо не витримало. Заплакала безгласно, горко, та же би хлапцом, Дюриковим пайташом не погубела Вилійову превелию радосц, кед ю увидза таку уплакану, скрила твар медзи желене житко на столе.

Таку ю, з главу на столе, зохабел муж кед рушел до хліва наруцац коньом до яшльох, же би и вони тей ноци задовольни дочекали рождество Христово.

Цихосц крачунскей ноци обняла валал и уцагла ше до обисца. Жена ше одразу таргла у тей цихосци, запатрела на киваци пламень швичкох опрез себе, попатрела до горе и застановела очи на паперовим ангелови, котри як кед би ше помалючки спушовал зоз шпарги на хторей бул заквачени през каричку за повалу, та роснул пред ей очми, швицаци и благаючи, рушел ше на дзвери хтори ше сами пред нїм отворели, вишол до приклета, под конк, на двор, а вец през отворену капурку, як цо то вше у шицких обисцох на Вилію, вишол на драгу. Як вошне, шлідзела жена легки ход билого ангела котри ю водзел до ноци.

Ишли вони, ишли, а шніг ше у тим божим мире спушовал сциха на жем, дорушовал женово розчервенети ліца, лапал ше на павучайки, обочковал ей руки.

– Идзе мац гу це, синочку мой мили, єдини – шептала жена, плянтаючи ше, док ше ей сукні на котрих ше ліпал шніг, путали до ногох, правела чапаши у шнігу за легучким ангелом котри ше швицел опрез ней, рушаючи ше безшумно. Було ей чудне: шніг вял, а гвизди над ню ше швицели.

– Як на небе – подумала жена зоз рендочку свідомосци котра ю дотхла. Поставало ей якош вше легчейше крацац,

гоч шніг бул вше грубши, и якош, вше цеплейше. У шерцу почувствовала як ю обніма мир, яки давно не було у ей души. Видзело ше ей же ю облапя и з влажним диханьом обочкуе ей власне дзецко...

Кед ше человек врацел зоз хліва нашол на шежар отворени дзвери, а жени нігдзе. Пошол до хижи думаючи же легла, ище ю сцел и вигандровац же охабела швичку незагашену, та ше могло дацо стац, але жени не було. Позакуковал вон до шицких хижох, аж и до коморки, видрапал ше з лампу на пойд, думаючи на найгорше, бо одкеди ше им тото случело з хлапцом, поцерпал же себе дацо нароби, же од розума одидзе од болю, але жени нігдзе не було.

Пошол человек и до сушедових, и єдних и других, але його жену того вечара ніхто не видзел, ніч ніхто о ней не знал. До рана человек прешедзел на патки за дзверми, и накадзи швитло, вишол на драгу, дзе нападало на грубо шнігу. Анї не подумал одметац дражку, гоч знал же людзе догмало руша до утрині. По чапашох котри водзели з їх двора, пробовал одкриц кадзи то його жена пошла тей ноци.

Шлід ше могло провадзиц, бо як кед би шніг нароком до пол ноци падал же би прикрил чапаши тих цо вишли зоз саночного, а после престал, же би не завял чапаши кадзи жена пошла. Єден рендлап рушел по ей чапашох, ишол, а вше му було яснейше кадзи ше упутела. З пол драги ше врацел по сушеда, вжали саночки и рушели ше на теметов.

Там, на гробіку свойого сина, з руками розширенима на хресту на котрим було виписане його мено, як кед би го сцела облапиц, нашли ю заспану у вичним сну.

Поцихи, поцихи, як кед би ше бали же ю пребудза, зняли ю, тот дзень ше од ней одпитал цали род и цали валал, и ютрედзень ю поховали гу синови.

Кед тот теметов, на котрим поховани Дюри и його мац, уж бул запушени, знали ше до нього внедзелю пополадню, запутиц дзивчата, бо там, так як самошейка випуковали ярні квети: подшніжніки, любичици, зомбульки и туліпани. У трави, зароснути так же их уж анї не було видно, пола-

мани лежали камени крижи. Под ногами тих цо осторожно ходзели по тей божей загради, знала дакеди захрапущиц даяка здирвета дещичка, фалаток давно згнітого крижа. Кед би не було того єдного крижа котри як розширени руки стал у стред черяка подзивеней коляцей ружи, хтора ше драпала по нїм и квитла на червено такой у маю, нїхто би од далей не могол одгаднуц же ту дакеди бул теметов.

Дзивчата на крижу читали старославянски букви, котри лєдво научели на виронаки и нагадовали же писало: *Єрина Павлович*.

То Дюрикова мац остала найдлужей од шицких на вичней стражи, охранююци своєю любене чадо и у шмерци.

МАКОВСКИ ШОР

У тих двадец хижох на лівим боку од Резаковой улічки та по конец валала гу Лалитю и даедней вецей на другим боку, од улічки Илі Мицовой, (бо на угле Велького шору и теї краткеї улічки бул дакеди дутян котри давала иста гдовица), виховани голем за трецину вецей дзеци, як у исто тельо хижох на Вельким шоре, на обидвох бокох. Можебуц на Вельким шоре було и вецей хижи, меней не було, а же було меней дзеци и то правда. Прето тоту часц Маковского шора и нешка паметаю ей дакедишні жителе, тоти цо ище живи, а велі з ніх ше давно одселели зоз Керестура, або лем ше преселели до даедней другей уліци, як уліцу полну з розбавенима дзецима и розшпиванима легиняма и дзивкама.

Дзеци ше найволели бавиц на самим угле, дзе ше уходзело до Резаковой улічки, под брестом котри з яри по ніх сипал свойо желени мотовидла, влесе над німа правел хладок, а вешені зоз своїма червенкавима лісцама засцерал широки круг цо го од горе описовала його розконарена коруна. Кед вжиме спаднул шніг и прикрил жовту, утапшану гліну, на брещку цо закончовал тоту часц уліци зоз брестом у самим стредку, тото место поставало прекрасна саніца за склепани менши и векши саночки, попререзована зоз вишлізканима шліщанкама. Та ше дзеци з того брещка квичацї спущовали од дражки попод хижи, аж по штред драги, на хторей кочи, цо вешені з польох звожовали урожаї и статкову покарму, залезовали и охабляли таки глібоки вагаши, же их анї мрази и ляд по яр не могли зровнац. У теї гліни, под брестом, трушацей, але тваредей, мож було направиц барз добри котліки за котлікане, а пильки ше по ней котуляли мегко и

ровномирно, та валушни пилькар могол заробиц кельо сце гомбички – главни валути цо ше ю набавяло покразме же би мац и баба не видзели же су вжати зоз столовей ладички, або аж и орезани з даякей байки, чи кожуха.

З тима дзецми на громади у вчасних повойнових рокох, вецей раз на улїци як на дворе, роснул и Миронь. Наймладше дзецко медзи штверима дзецми, у худобним парастким обисцу, яки були шицки на тим шоре, нашлїдзвал кошульки и ципелки, а после ташки до школи и кнїжки. Нігда не бул сам у обисцу, а вера анї на драже. Досц було висц з капурки, а на драже уж бул даяки пайташ и други дзеци цо ше бавели на бависка котри гартую схопносци, вежбаю знаходлївосц, змоцнюю млади и крегки цела. Дзеци ше бавели аж до вечара, звисковали, бегали, а людзе були уробени и вистати, але ше не памета же би дакому од сушедох завадзало же праве под їх облаками чуц галайк. Бавене ше гнетка и селело, у зависносци чи було дзивчатске, чи хлапцовске, або мишане, цихе, чи лярмаце, бо за шицко було виберане найлепше, випробоване место. Кельо тирвало? Ша цали дзень, по обисцох, а на драже починало дзешка пред вечаром и аж до цмей ноци, док ше мацери не огутали же и живина позаверана и статок намирени и вечера уварена, а дзехох нет. Та кед ше дзеци найбаржей розбавели, а мацери як по розказу, една за другу виходзели кажда на свою капурку и лем чуц було пищацци, захрипнути, озбільни чи весели женски глас:

– Яни, Марчо! Ганчо, Дюри! – чи як там уж було мено їх дзецку, дзекеди и вецей, хтори гоч финкаюци, заш лем такой одходзели дому, есц и спац. На їх место, скоро збиваюци ше з дзецми цо одходзели, вельо цихши и таїнственши схадзали ше дзивки и легине. Два-три хижки далей од тей на угле пред хтору бул брест, под стару ягоду була направена лавочка: два слупки вдерени до жеми и една деска на нїх и то було досц за даскельо млади особи. Тоти цо познейше приходзели, шедали им на руки, кучацци ше операли на обилени предок хижки, подцагнути з чарну фарбу

та ше вец мушели добре отреповац, або лем так, на стояцо з єдним плецом опарти на мур, стебло старей ягоди, або на слупок капурки, ніби не хто зна як заинтересовани, участвовали у бешеди. А бешеди було до сто єдней, цекла вона неповязано, през шмих и огурованє, дошпинтованє хлапцох дзивчатом, а часто и зацхла кед даєден з лєгіньох вицагнул з кишеньки усну гармоніку, а двоє-трое зоз шора знали, боме, и одбегнуц дому по праву.

Та ше шоровали шпиванки по дзеки найшмелших, а вец и по розказу даєдного лєгіня котри през шпиванку сцел виказац свойо чувства, на котри знала, тота цо ше зоз шпиванку почувствовала потрафена, зоз своїм вибором шпиванки одвитовац.

О тим цо точно було на тих вечарших сходзеньох Миронь и не так добре знал. Не знал шицко, баржей чувствовал, же тото медзи младима цошка цо би вон не шмел знац, прецо го баржей и корцело вислуховац за векшима, кеди лем ше му указала нагода. Нагоди було, а звичайно их сам себе справел: знал ше гнетка зашушкац коло каліки Михала, коло котрого ше тота младеж зазберовала, та ніби ненароком, остац шедзиц при ньому у кочику. Бул дробенке дзецко, а Михалово цело було худе, лем кус ширше од нього, та места у кочику було за обидвох. Лем же тоти вельки, вони були немилосердни:

– Цо тот ту смаркати не идзе дому! Цо вислухує?!

Було вечари же ше направел же заспал, та го Михал знал з локцом штухнуц и опомнуц го шептаци му до уха:

– Мирончу, мац це вола!

Мироньови ше гнетка видзело же му горше охабиц дружтво, як кед мушел пойсц спац, а у ніх пратки! Скоро да замержел єдного Силвия цо ше барз старал вигнац го з дружтва векших, або єдну Меланку цо знала поспердно указац на нього:

– Пале, заш смаркош вислухує за нами!

Но, та гоч як го не сцели, заш лем ше му кеди-некеди пришкапело дацо и повислуховац за німа, а дацо ше и дома

приповедало о младих зоз шора: же хто з ким и кеди и дзе видзени, кому даю, а кому не даю з даским, або з даяку ше водзиц, та дацо и покапчал. Широ поведзене, не так же му шицко з того цо чул було ясне, а и не так же му шицко було и интересантне, та ше о еден час и сам одучел уцаговац до дружтва векших. А кед пришло же вон ма буц тот векши, вец му драга була инкадзи унапрямена, та тоти часи не дожил.

Вшелїяк же весели бавеня и схадзання було у тот час на велїх керестурских улїцох. Бо ше теди дружтвени живот углавним одвивал на драже, там ше з яри до ешенї схадзали сушеди недзелями чи на швета пополадню, та цо ше през тидзень наслучовало у сушедстве, у валале, а боме и у швецце, преробело ше за тото едно пополадне. Дахто чул дацо нове, а дахто лем потвердзовал, чи преширйовал своєю сознане. Младим були хвильки, после тих у карчми на танцу, або у газдинї на брацкованю и препреданю, тоти часи препровадзовани у друженю по улїцох найкрасши. Чи то були пахняци ярні вечери, або длуги и спройни летни ноци у котрих ше вчас не легало бо було длуго горуцо, а поставкало ше покус у дружтве и кед гу ешенї зажимнело, та ше могло буц вонка покля дижджи не западали и покля ше младеж кед зажимнело, не порозходзела по газдиньох. Дзецом вше було „сабат вашар” на драже, нікому не завадзали и ніч не могли звитяжиц, покля ше дні так не скрацели же ше им после школи не виплацело вецей виходзиц на теди ище неошвицени улїци.

У тей часци Маковского шора з часом запровадзени обичай же би ше, без поради, и дзеци, и легине, и дзивки зоз шора почали схадзац коло спомнутого Михала, старого легиня, котри нігда би ше анї оженїц не мог, бо го судьба завязала за посцель, а познейше за кочик. З того кочика ше, кед же го уж дахто одвезол з улїци през двор и конк, дзе на гарадичох вше стали дески положени так же би ше по нїх могло видрилїц кочик до приклета, задлуго сам на рукох преруцвал на посцель – покля го и руки цалком не зрадзели:

– Суша му ше, як цо ше му и ноги засушили – одвитовала Мироньови мац кед ше раз, застарани пре Михалов стан, опитал прецо ше уж вецей Михал не може сам премесциц з кочика на посцель.

Задлуго ше Мироньови верцело у глави недосц непретолковане питане прецо то так, и як ше то можу сушиц руки и ноги. Шацовал свойо постлукани костки на ногох, позбивани пальци и загрубнути талпи, цо по цалим дню го послухно ношели по дворе, загради и дражкох, и свойо руки на хторих часто було швижи, або швижо одпадути храсти, шліди струганя палічкох, розбивня орехох, драпаня по древох, а коло нохцох занохцици цо наставали од длобня койкадзи по цалим дню. Поровновал их зоз Михаловима руками цо му здавали на дешички и ногами хтори Михал сам себе з обидвома руками перше єдну, а вец другу, прекладавал кед им гледал лепше место у кочику. Колена цо стирчали през панталони не були векши од Мироньових коленох, але якош оштри и незвичайно мирни. Аж и кед их раз дорушел, ніби нездобачки, вони ше не рушели.

– Мертви су – злекнул го мацеров одвит кед ше ей зверел о тим дотику и о тим миру у Михалових ногох.

– Як живи человек може мац мертви ноги? – не могол себе потолковац.

Гоч таки сухи, аж счарнети, Михал зоз своім випатрунком не одбивал дзеци од себе. Правда, вон, свидоми можлівого упечатку котри би огольоване його немоци могло охабиц на дзеци, керовал же би ше припатрала на нього, теди кед тот немоц мушела буц розголена. Кед ше го уж мушело прекладац до кочика, лебо з кочика, вше виберал же би то робел даєден з легиньох, насамо.

Не мож повесц як Михал постал душа дзецинских зазберованьох и младежских вечарох Маковского шора. Можебуц то почало уж теди кед го чежка хорота звязала за посцель, та одкрыл красоту читаня кніжкох, а вец з їх змистами звирлел дзеци же би го немо и поважно слухали. Або шицко почало теди кед достал кочик на котрим го мож було

видриліц на улїцу, та могол провадзиц и дзєцински бависка, поучовац их дацо, або аж на дзєцински вимоги и одлучовац о тим хто ма право, кед би настало зраженє медзи рапухами. Було бешеди же ше о тим кочіку остарала його нина з Америки. За таки вельки и незвичайни помоци теди ше мушело мац даяку нину, у Америки обовязно, та розумліве же приповедка о такей нини нашироко була прилапена! Можебуц же почало аж теди кед, якош необачліво, и як кед би то праве так мало буц, Михал почал уводзиц смисел до того же ше коло нього зазберу и векши и менши млади зоз улїци. Дзеци упућовал до бависка кед ше не знаходзели, дзекеди бул и судия кед же ше им не складали думаня о тим як ше буду бавиц, а младим постал чувар тайнох, дзекеди и тот цо цеши уквилени шерца, дзекеди бул тот цо змирює розпалени страisci.

Иста тота спомнута нина з Америки мушела буц умишана до його обдумованя схадзаня коло нього. Вона, можебуц, анї не була свидома же постала една файта старательки шицким школяром з тей часци Маковского шора. Або и кед ей то було познате, Миронь и нешка прешвечени же то постала на Михалово предкладанє. А можебуц то була Михалова задумка, о котрей хто зна чи нина дацо и знала. Вон ше не постарал нікого прешвечиц, анї до єдней з тих можлівосцох. Важне же исти, Михал, котрому живот ускрацел можлівосц ходзиц по швецє, нашол способ уводзиц до нових шветох младих цо дорастали у його сушедстве. Уводзел их з кнїжками котри им давал на читанє, з невичерпнима приповедками о далєких крайох, незвичайних дожицох непознатих людзох, наукових одкрицох, прикладох з биографийох славних и так им давал кридла же би з мриями летали понад своєю дзєцинство у праху керестурских улїцох и младосци на керестурских польох. Так их поучовал же як мож, и як треба дознац шицко цо мож, же треба брац од живота вецей як цо им стредок у котрим су народзени и у котрим росли, понукал.

Перше уведол обичай же на початку кожного школско-го рока шицким першокласніком давал по єдну теку и по єден клайбас. Дзецом, котри або мали на таблічку и крейду, або анї не, а о новим клайбасу, могло ше им лем шніц, бо ше у єдней фамелії дзе було вецей школярох, нови клайбас дзелело голем на поли, а дзекеди аж и на тельо часци кельо их було, то було цошка цо ше запаметало. Перши дзень у школи поставал зоз тим його гестом права святочносц: такой зоз школи би одбегли гу Михалови котри их чекал у своїм кочику, опрез свойого дому, и вицагуюци порихтани клайбаси и теки споза хрибта, святочно каждому уручовал символични дарунок.

– Укажеш ми як пише тот клайбас, док будзеш знац шицки букви – сцел же би му кажде обецал.

На концу школско-го року, остатнього дня пред вечаром, кед ше уж шицки дзеци поврацали зоз школи з оценами, вец ше опрез Михала направел шор: шицки приношели свойо оцени указац му. Нашло ше медзи тима оценами, правда, и таки зоз хторима ше не мож було похваліц, та того дня керовали приход гу пайташом и пайташом на драгу, а було и таких цо були шири и не скривали того цо мали указац. За меней успишних Михал мал слова поцешеня и по єдну бомбону, з тих цо були тварди, а у себе нука, мали белави, або червени хвосцих, як запятку:

– Най ци будзе нарок сладше ходзиц до школи, – гуторел зармуценим и поганьбеним, гласкаюци их по глави.

Тим цо мали одлични оцени дзелел по єдну кніжку. Були то мали и ценки кніжочки, але зоз надрукованима найкрасшима сказками на швецѣ, так ше якош и волала едичия у котрей виходзели. Наградзени ше медзи собу догваряли же буду медзи собу черац, же би пречитали шицки сказки, а даєдни обецали и другим же им их даю читац.

Миронь бул медзи тима цо од першей класи почал ходзиц до читальні у школи, та ше часто случело же кніжку котру му Михал додзелел за одлични успех уж пречитал. Перши рок го то зармуцело, а кед Михал

видзел слизи у його розчарованих очох, сам му предложел:

– Най ше опитам же чи би ше дахто не зачерал з тобу?

– Я ше очерам – явело ше едно дзивче, на цо Миронь одлучно одвитовал:

– Озда ше не будзем чердац з дарунком! – та так кжде затримал тото цо достал. Як и одроснути, и дзеци кед им загрожи можлівосц страциц цошка, похопя його вредносц.

О даєден рок Михал видумал и змагане за найлепшого школяра на шоре, и то без огляду до хторей класи ходзи. Награда була вельке несподзиване. З яку радосцу Миронь, кед Михал одлучел же награду праве вон заслужел, отворел длуговасту шкатулку у котрей ше швицело пенкало! Праве, правучке пенкало, зоз пирком таким швицацим же випатрало як же є наисце златне, зоз празну цивку за тинту над тим пирком и зоз малючку пумпочку котра ше указала кед ше цело пенкала одкруцело и здабала на тоти цицки цо ше их кладло на фляшочку з млеком кед даєдна мац вчас одбила дзецко од першох, або кед ше на фляшку мушело кармиц баранче, чи целє.

Шицки ше глави збили над кочиком дзе Михал, на колєнох, на котри престар ручнічок, указовал Мироньови як ше одкруци верх з пенкала, як ше сцишне гумку, и як кед ше ю одпуци до превидней часци пенкала над пирком войдзе тинта з фляшочки до котрей ше зачирело пирко пенкала.

– Права пумпочка – здихнул зачудовани хтошка зоз гужви.

Поцешени, Миронь анї не подумал посцерац палец на хторим остал шлїд од тинти, тримал то як знак же вон власнік того чуда хторе першираз у живоце видзел и такой го достал. Возбудзени анї не подумал обавац ше же цо му пове мац же му з тинти капло на нови надрагаи. Перши дзень ше шицко круцело коло пенкала: з нїм одходзел спац, през дзень го хпал до надраговой кишенки, кеди-некеди з руку проверйовал чи є ище там, до рук го опатриц давал лем дакому, за кого думал же є достойни. Окреме ше му любе-

ло же ше пенкало барз попачело и сушедовому легиньови, котри бул студент дзешка у Загребе и за котрого му оцц гуторел же є озбільни и же будзе з нього енделір. На даскельо заводи студент од нього и питал пенкало же най го випробує, най го укаже пайташови, раз го вжал най з нїм напише важни задаток... Миронь тримал же то потвердзене вредности пенкала и же и вон сам на єден способ участвує у його студийох.

Преходзело лето и летни одпочивок бул полни и з обовязкми по обисцу, и по полю, и по валале, було и купання, и бавеня, и ловдозованя по цалим дню. Пред тима велїма дожицами возбужденє пре високу награду за успех у ученю виблядло и Миронь на пенкало призабул.

Вец пришол септембер и перши дзень нового школско-го року. Миронь ше здогаднул на пенкало и ришел же ше з нїм похвалї учительки. Але пенкала нїгде не було. Нет го и нет! Гледала го и мац, и старши браца, и сестра, але пенкала нет! Скапало як кед би до студнї спадло, як кед би го нїгда анї не було, як кед би ше воно Мироньови лем пришнїло.

Збунети и як поганьбени пошол до школи и лем поцерпал же ше му дахто зоз Маковского шора опита же дзе му пенкало.

Днї преходзели, а страх же ше му Михал годзен питац дацо о пенкалу Мироня так провадзел же ше виходзел бавиц лем кед на драже бул вельки галайк, и кед ше насходзело вельо дзеци. Керовал каждую нагоду остац насамо з Михалом, вецей не було тоти зверйованя о тим цо було у школи, не було тей блїзкосци кед му могол поставиц пита-ня на котри му Михал пробовал одвитовац, або го навесц дзе най сам погледа одвит. Престали го интересовац бешеди векших, цо ше и далей схадзали коло Михала, та би ше з першима дзецми счухал зоз шора, накадзи ше на нїм дружтво зменшало, поздравял би ше нашвидко з Михалом, керуюци му попатриц до оч.

О даскельо роки, Миронь уж вецей не бул у керестурскей школи, та заш лем пилновал кажди розпуст пойсц на кратко

опатриц Михала. Тоти нашиви кожного року були вше кратши, и зоз вше длугшима павзами у розгварки. Остатніраз го нашивел теди кед Михал уж ані главу зоз заглавка не могол дзвигнуц без помоци, та Мироньови на поздрав, як же би бул поганьбени пре тото яки є, ледво оддзвигнул праву руку цо му була положена на перинки з котру бул прикрити, а по твари му ше розсипал лем цо обачліви ошмих.

Миронь уж теди знал же го вецей не будзе видзиц. Михал пожил ище дас рок-два, але вон не мал дзеку вецей го нашивйовац. О Михаловой шмерци дознал и о рок познейше, и, памета, обняло го якеш чувство ганьби, чи неприемносци, кривоценя себе самого и когошик, а не знал кого би требало кривоциц, же му не явене. Гоч знал добре же и да му поведзене кеди було Михалово хованє, не пошол би. Теди уж мал животни обовязки котри го цагали далєй и през котри ше каждодньово стретал зоз рижнима проблемами. Не було ані раз же би вжал до рукох даєдно з тих, вше модернейших и красших пенкалох, а же би ше не здогаднул на тото свойо перше пенкало з котрим не сцигнул виписац ані єдно виреченє. Тераз му пенкало постало каждодньови алат: зоз нїм правел призначки, подписовал ше под даяки документи, виправял свой чи люцки рукопис, або так лем, обрацал го медзи пальцами, тельо же би мал дацо у рукох, же би ше сконцентровал на задатки цо чекали ришенє. Кед би му у тим бавеню знал на пальцох остац шлїд од тинти, патрел на ньго як на опомнуце з дзєцинства, здогадованє на знєверену блїзкосц, та ше у нїм закормацало чувство цо здабало на смутну нїжносц и лїхе банованє. А кед би ше му случело же направел „швинку”, же му недомерковано капла тинта, не тримал то за неприемносц, тримал же то мала кара пре його давне нечесне справованє, як себе до здогадованя зазначел подїю зоз Михлом.

Свойому синови нїгда не приповедал о тим збуваню зоз свойого дзєцинства, як цо не приповедал и вельо койцо инше. Не споведал ше му ані о тим як чувствовал

же над його животом од вчасней младосци дзбал благодійни цинь однятого сушеда Михала. Не могол якош. Сам пред собу толковал тото скриване памятокх же є не ради терховац го зоз своїма животнима искуства. Аж кед му унук дороснул до рокох у котрих могол зоз нїм приповедац, розніжени же вон, унук, ше розпитує як то було кед вон бул млади, зверел ше му на широко о дзєцинстве на Маковским шоре. Та му виприповедал и о своїм першим пенкалу. Сам себе несподзивал же так совершенно ясно памета каждую дробніцу у тим дожицу, же могол повесц не лем шицко о своїх тедишніх чувствах, але и о каждым звуку, фарби, запаху цо тото чувство провадзели.

– Кед ше дацо чува у души воно тирвацше од паметаня – заключел одвитуюци на унуково чудоване же як шицко памета.

– Дїду, ша ти од того дарунку пре котри ши ше тельо возбужовал не мал нїяки хасен. Не написал ши зоз нїм анї єден задаток, анї єдно писмо!

– Спреведаш ше сину! З нїм сом нїч не записал на папер, але воно и тераз пише у моєй души. Кед би не було його, того хто здумал награду и додзелел ми ю, хто зна по хторей бим драги пошол. Так сом цали живот остал длужен старац ше буц таки яки сом, теди, коло Михалового кочика, верел же мам буц. Тераз знам же за успех найважнєйше буц окружени з тима котри ци помогню досягнуц верхи своїх можлівосцох.

Зоз валалу

ХОВАНЄЦ

Случи ше же дахто, як кед би одкрили тайну, направиц преїг ноци таки заобрати же з німа несподзиваю сами себе и других. Як кед би пановал з даяку магию зоз хтору можу тото цо ше им потеди не удавало, одразу им шицко идзе од рук, каждую задумку витворя, зрбя цошка цо ше другим ніяк не може повториц. За такого нашо стари знали повесц же ше народзел у билей кошульки, а за того кому нараз барз рушело на добре гуторело ше:

– Тот ма хованца!

Тайну о хованцови Руснаци знаю од давен давна, але, кельо нам познате, ніхто нігда нікому не знал точно розповесц о чим ше то роби. Полутайни ше шептаюцо преприповедевало, вецей то було нагадоване з поцерпаньом, же ше ту роби о чимшик страшнейшим и од шмерци, о чимшик цо цага человека до цмоти з котрей ше не враца. О хованцови ше не приставало бешедовац, бо би то було участвоване у твореню можлівосци догварки з нечистим – з дяблом. А зна ше цо дяблови треба од каждого з нас, од человека вон бере лем єдно, найдрагоцинше, тото цо припада Богови – душу! Та кед человек за дацо очерда душу, тоту драгоциносц од Бога дату, тото цо нас твори человеком, траци и царство небесне!

Ни-а, цо зме о длуги час после випитованя найстаршим людзом дознали о хованцови. То особа котра не человек, бо го не народзела жена, анї не животиня, бо бешедує, не дябол, бо човекови не може робиц зле, анї не Бог, бо є не всеможліви. Праве прето же ше не зна зоз бизовносцу цо є,

од нього треба страніц. Тельо знаме же хованец настава з того цалком малого ваїчка цо ше дакеди зна найсц у гніздзе дзе ше кури нешу.

Дахто би поведол же ше то знесла кура цо ше уж винесла, та ей то остатне ваїчко, ест таких котри прешвечую же таке ваїчко неше когут, а єдни заш одмахую з главу и прешвечени су же то дацо, цо ше не шме ані споминац, цо ше подруце людзом же би их наведло на спокусу пробовац виховац хованца. Углавним, ваїчко по шицким здабе на куроно, лем по велькосци є таке як голубово. Не мож повесц зоз сигурносцу и того же нука ма жовчок и бильчок, бо ше ніхто не одшмелел розбиц го.

Кед го знесла ярабаста курочка – гутори легенда – аж теди го мож похасновац за вилягованє хованца. Значи, хованец то тото курчатко, котре ше вилягне з ваїчка ярабастей курочки, або истого такого когута. А цо кед ваїчко подруцела непозната сила?! Єдно лем ясне – курче не шме виляговац квока, але человек. Гей, ваїчко человек муши ношиц полни три тижні под пазуху, шицко робиц през дзень, спац з нїм, а не розбиц го! Курче котре вилягне ніяка квока не прилапи, ніхто о нїм не шме ніч знац, а воно ані не курче, але якаш створа хтора бешедує з человеком гласом и виполнює шицки жаданя. Но, та праве пре тото остатне, велі пробовали вилягнуц свойого хованца. Не зна ше зоз сигурносцу же дахто вилягнул хованца, бо и кед гей, не шмел о нїм приповедац – нестали би шицки його чаривни моци. Вироятно же велі и велі пробовали достац хованца, але, лебо кура не була яраба, чи ваїчко не знесол когут, а можебуц ше велім не удало вилягнуц курчатко бо го не зачували три тижні, розпучели, зачитали дні и хто зна цо ше ище за тот час тайного ношеня малого ваїчка под пазуху могло случиц.

Но, уж як там було, кельо з того було правди, заш лем, случовало ше же ше дакому удавало. Як иншак потолковац случаї кед дахто за кратши час, так повесц, з ніщого, створел вельки капитал, або ше му удало оженїц ше з прекрасну, чи богату дзивку котра пред тим ані чуц не сцела о нїм, оздравиц без велїх дохторох и лїкох, та хто зна ище келї неочековани подїї ше знали случовац медзи людзми през телї роки кельо народ памета.

– То нечиста робота!

Давали ше коментари на таки неочековани збуваня

А же робота не була чиста шведочело не лем дошептované котре провадзело приповедку о хованцови, але и тото же ше и тот цо го мал не шмел видац. Не шме ше похвалїц, а зачувай боже ище дакому го указац! Муши ше одтайовац гоч як го други допераю, модля и преклінаю.

Е, велї пробовали дойц до хованца, то сигурно. Бо, шицко на перши попатрунок випатра легко, але лем себе подумайце цо шицко и як треба зробиц:

Перше, треба найсц курово ваїчко, а мале як голубово.

Друге, тото ваїчко мушела знесц ярабаста кура.

Треце, ваїчко муши буц дваец еден дзень под пазухом, та себе кажде може задумац яка то брига шицки роботи робиц, аж и спац, есц, купац ше, а мерковац не розпучиц ваїчко, а ані го не випуциц!

Ест и штварте, и пяте, и шесте условїе; кед ше вилягне скриц го, каждого дня го кармиц и поїц, ніхто го нігда не шме видзиц, од нього вимагац виполнене жаданя, а нікому ше з достатим не похвалїц! А цо кед го муши знесц ярабасти когут?! А цо кед тото ваїчко не знешене у гніздзе, але подручене хто зна од кого?

Значи шицко тото цо о хованцови мож приповедац остава лем приповедка. Але, як знаме, приповедки дакеди

одкриваю найвекши чловечески тайни и прето ше их муши найозбыльнейше чувац, бо у нїх скрите шицко того цо вредзи преношиц з колена на колена: од чукундїда по чукун-чукун унука!

Конечно, ясне же и того цо teraz виприведаме не мож нїгдзе превериц, та ше до того єдноставно лем муши вериц – и пренєсц далєй.

Но, а приповедка була така: У єдним нашим валалє бул єден слуга котрому було мєно Юлин. Од малючка служел по цудзих маєткох, а газдове го примали на роботу лем за кост и спанє у хлїве. Мал право достац даяки шматки пред Вельку ноцу, а дацо цеплейше пред Крачуном. Доставал вон и даяки динарчок, алє то було лем тельо же би себе могол на Кирбай купиц даяки цукер, док бул младки, або погар винка, кед ше залєгинчел и кед дакеди пошол до валалу. Таке було єднанє, а газдове як газдове, вше патрели же би им слуга бул цо туньши, та му куповали таке цо лїхше, подлейше, котре ше и швидко подарло (а правду поведзєне и моцнейши шмати би дотирвали од телєй роботи кельо Юлин робел), так же Юлин раз два бул у гандрох котри лем нагадовали дакедишнє облєчиво.

Понєже бул широта анї нє мал причини зоз салашу, дзе газдови робел, одходзиц часто до валалу, та му то так анї нє завадзало. Заш лем, слухал вон як бирєше и други слугове приповедали о порядним одходу до церкви, о схадзаню з другима младима, о танцох и кирбайох, о шветох по валалє.

Начул вон и тоту приповедку о хованцови, кед ше раз на праткох, дзе ше зишли други салащанє, забєшедовали людзе док вон у куце лупал кукурицу. И, кед раз, збераюци вайца по газдиньовим розказу у гнїздзе нашол малє вайчко, надумал опробовац свойо щєсцє. Положел вон вайчко под пазуху, чувал го и грал зоз своїм целом, и легал и ставал з

найвекшу надію за три тижні. Була жима, та ще меней робело и коло салашу, бо по польох не мож було робиц од шнігу, а тото коло хліва Юлинови не було чежко поробиц гоч и з єдну руку, бо другу чувал же би му спод пазухи не випаднул хованец.

Не було чудне газдови и газдині же Юлин вецей не бул заинтересовани за пратки котри правели салащане, же ше ані введзелю ані на швета не питал до валалу, але дзешка гу яри, обачели же хлів постал чистейши як до теди, статок вше пошорени и порядне накармени и напоєни, а Юлин нігда не випатрал зуновани, але розшпивани ше преходзковал по дворе и, якош, цо му лем було поведzene, такой було поробене.

Вец Юлин почал ходзиц до валалу, отамаль принесол нови шмати за котри му газда не дал пенежи, а кед ше му газдиня опитала одкадз му, вон ше лем ошмихнул:

– Зоз нашпорованих!

Раховала газдиня чи ю не окрада, означовала сир и масло котре рихтала однесц предац на пияц, читала вайца котри почала сама зберац, але хибу ніяку не видзела. О єден час видзели газдово же ше їх дзивка Сенка запатра на вше якош веселого и прибраного Юлина, та му гварели, там аж дзешка коло Крачуна, кед ше єднало нових слугох, же го вецей не сцу, най себе гледа нового газду.

Як кед би тото Юлина ніч не забриговало, гвиздаюци позберал своїо шматки и пошол до валалу. Неодлуга на салаш сцигла вистка же їх дакедишні слуга купел шумну хижу, а вецка, а цо його бувших газдох ище баржей несподзивало – и даскельо гольти жеми. Кед го видзели як на кочу до котрих запрагнул два красни богари пришол з єдну старшу жену з валалу як питачку питац їх дзивку за жену, не мали причину не зложиц ше зоз таким жецом, та

направили питанки и прияли дакедишнього слугу за свойого жеца. Свадзби не було, бо Юлин не мал нікого свойого, аж ані блізких пайташох, бо одроснул у полю, на салашу, але то младим не завадзало. Уживали у своїм щесцу и робели коло обисца и у полю, як робели и други людзе у валале.

Але, кед млада невеста Сенка вошла до обисца и почала газдовац, шицко ше ей якош баржей пачело як у родительским доме. Бо ше указало же ю муж так любви же ей ніч не превредзи и же кед дацо пожада за себе лебо до обисца, пред мужем, ютредзень такой ей муж виполнює жаданє. Шицко би було у шоре лем кед би ше тот исти ей Юлин, як вона думала, не справовал якош чудне: коло пасу на шtrandжгу тримал ключ од коморки до котрей ю, газдиню обисца, нігда не пуцел. Обачела вона же вон до коморки не заходзи кажди дзень, але, указало ше, якош вше после того як вона дацо пожада. Аж даскельо раз випробовала: виду-мала дацо же сце, та стрегла за мужем, видзела як вон одми-ка коморку и на кратко уходзи до ней, але ше вше замика зоднука же би вона за нім не вошла. Поставкала млада невеста пред коморковима дзверми, та ше ей привидзело же чує якуш бешеду, але то лем на кратко и ніяк не могла розознац чий то глас окрем мужового, ище чуц!

Одходзела Сенка-невеста кеди-некеди до мацери и оца на салаш, та ше спочатку барз цешела у своїм новим доме, але ше ей мацери удало видайкац и тайну о замкнутой коморки. Тота тайна озда ище баржей як цо розпинала невесту, розпинала и ей мацер, та ше вони два не раз радзели як би викухтариц за Юлинком, цо роби у тей коморки, а ище баржей з ким бешедує, бо було очивисно же там дацо, або дакого скрива.

– Кед будзеце вечерац, а ти му до вина улей дакус увареней маковини, то тоти маково главки цо оставаю кед

ше витреше мак – надумала Сенкова мац и дала ей торбичку з маковину, тима празнима главками пощиканого маку. – Та вон од тей маковини добре зашпи, ти му вец легко вежнеш ключ и одомкнеш коморку. Та це вецей не будзе мучиц! А можем ци повесц же и мне корци, бо я давно думам же вон муши мац хованца. Так ше змогнуц як цо ше вон змогол, не мож зоз слугованя.

Так и було. Невеста после вечери понукла мужови погар вина до котрого уляла одварку од маковини цо наварела док ей муж бул по роботы у валале и вон наисце барз твардо заспал. Одвязала вона штранджок з його пасу, вжала ключ и вошла до коморки. Теди ище не було електрики, але ше швицело и ходзело з витрийонову лампу, та кед ше преходзело з хижи до хижи лампу ше мушело преношиц и так ошвицовац опрез себе. Но та так и Сенка з лампу у едней руки, а з ключом у другей одомкла коморково дзвери, а з локцом их дрилела на нука и вони ше отворели. Шветло вошло до малей просторії у котрей на поліци опрез ней, Сенка збачела як кучи мале, щупене, ярабе курчатко.

– Пришла ши по свойо нещесце? – озвало ше курче гу ней зоз чловечим гласом, а з дробними гомбичковима очми запатрело ше на ню.

Невеста зрещала од страху, лампа ей випадла з рукох, розбила ше и з ней вичурел витрийон котри ше такой запалел. Юлин ше од того вреску таргнул зоз сна, прибегнул, хвацел себе жену за пас и винес на двор и там ей при студні з каблом води загашел сукні котри ше на ней од сподку запалели. Але хижу и шицок масток огонь швидко прелігнул. О хованцови ніхто вецей ніч не чул, а тоти двойо, худобни Юлин и його жена, за котру гуторели же пре огонь зишла з розума, бо ровно приповедала о якимшик курчецу цо бешедує як человек, пошли бирешиц

до швекра. Исти бул не барз ради прияц их, але му жена, чувствујуци же є и сама виновата за нещесце котре знашло ей дзивку, не дала мира док их не приял.

У валале було людзох котри нагадовали цо ше случело, примаховали з главу и дошептовали ше, доказовали же ше зоз нечистима силами не треба ані радзиц ані вадзиц, а же тоти двойо ище и добре прешли. Од теди не було чуц же би дахто пробовал одховац хованца, а о нїм ше лем под час длугих жимских вечарох приповедало на праткох, та кед би дакого з тих дзецох цо сцели остац цо длузей будни и вислуховац цо старши приповедаю, послала газдиня до коморки принесц зоз сакайтовика пукани магочки, або пуканки, вони вше одходзели по двойо и квичаци ше врацали, бо ше им аж привидзовало же там, у куце шедзи даяке курче. Знало буц же даяки фигляр пробовал пофрантовац, та ше доцагнуц до коморкових дзверох и озвец ше так як спод мирици, на грубо, та ше дзеци розбеговали як сплашени гачата, а страх их розбудзел так, же ше и кед одходзели дому оглядали за собу.

ПЕРГАЧ

Ніхто то не зна як болі дзивоцке шерцо котрому любов не врацена. Од кеди швет шветом, жени ше мушели знаходзиц як ше дорвец того котрого полюбели, а вше им то було недопушене. Ша медзи теліма врачанінами тоти о освойованю шерца любеной особи озда на першим месце, можебуц аж и пред тима за богатство, здраве и други вельки жаданя чийо витворене човекови обезпечую щесце. Любов причина найвекших смуткох и радосцох, пре ню, история нас учи, водзени войны, трацени царства, забивани найблізши, видумовани найнезвичайнейши авантури, виписани милиони и милиони стихи и кнїжки, намальовани малюнки, викомпоновани мелодії...

Тот цо му Бог не дал таланту створиц незвичайне діло з котрим мож обрациц увагу любеной особи на себе, тот цо не ма меч и пенєж же би з німа освоєл любов, тот ше муши знаходзиц як зна и може. Младим ше видзи же краса тото цо найскорей прицагне увагу того кого треба.

Знала Серафка же є красна, бо ей то и жвератко и пайташки гуторели, знала и же є не худобна, то ей родичи наглашовали кед почала ходзиц гу младежи, на пратки, вец до карчми, же би ше дружела з такима як є и сама, а пошвидко дознала и цо сце од свойого живота. А сцела єдного Андрия. Раховала же є по шицким за ню: кус висши од ней, барнасти як и вона, статочни, родичи маєтни як и ей – но шицко би було у шоре, лем же Андри на ню патрел як на познату, тельо лем же ше дакеди озвал дацо гу ней, на танцу ю або вжал раз през вечар потанцовац, або не и – то було шицко. А вона сцела вельо, вельо вецей. Сцела най

патри лем до ей очох, най ю сцишне за руку кед танцюю, най ю поцагне до цмоти кед з пайташку видзе розхладзиц ше, най ше ей опита чи ше ода за нього. На таке питане ей одвит би бул лем еден, по сто раз:

– Гей, гей, гей!

Пожадала буц його едней яри, тримало ю то през лето, ешень, крачунски пост, фашенги... А було тельо нагоди за зблїжоване: пратки и окремни нагоди од брацкованя, по препредане, викручане у танцу, та по облїване, Але, а-я! Не видзел Андри слизи у куцикох Серафкових очох цо на нього модляцо патрели, не запахла му водичка цо ше з ню напахняцела, не питал ані раз ружичку з ей рукох як цо ю питали други легине кед ю видзели же ю трима, а дланї ше ей зноя од поцерпаня же ю и на тот завод Андри не збачи.

Вец пришол Кирбай, а на Кирбаю, пред вечаром, кед дзеци пошли дому, лїпкаци од вапняного и кромпльового цукру, закручени у глави од рингишпилох и конїкох, дзивки и легине квичацци одходзели на тоти бависка цо дзеци охабели, вожели ше на чамцох цо их дзвигали до горе, док у нїх шерцо скакало од страху, але и щесца же их вожи любени легинь. Серафка ше тиж вожела, але з пайташку. У гужви коло колїмбачкох цо ше круцели доокола, обачела Андрия. Прейг плеца едней дзивки штрелял до паперовой ружи за едну з тих тезгох коло котрих ест найвецей дзивки, та ше так легине преказую пред дзивчатми. Видзела вона як ружа спадла, як ю подзвигла жена цо полнела пушку на штреляне, як ю Андри вжал и дал дзивки з хтору бул и як ше запатрал до ей очох.

Скоро да заплакала кед зишла з колїмбачки, виступела ше далей и на едним мосцику, недалеко, вируцала шицко цо за полудзенок поедла.

Уцерала ей пайташка зоз хусточку чоло, та одбегла купиц фляшочку напою цо ше предавало за тезгу недалеко. Дала ей го попиц, але Серафки було недобре, и недобре. З хусточку уцерала уста у котрих чувствовала горчину, вец

чоло на хторе ей вибил зной и шию по котрей ей зиходзела якаш горучка.

Пайташка однесла вращиц фляшку, а Серафка остала сама. Теди ю за рукав поцагла една Циганка, стредніх рокох, у длугей ружованей сукні, зоз тиж ружовану райтовану вельку хустку место фартуха, з полно ланцуцками коло шиї на гадвабней блузні, вивязана до цифрованей хусточки з гузлом на цеменю, спод хторей ей вишели вельки, округли, златни мендюши. З руку, на котрей було на каждим пальцу по еден персцень и пейц-шейсц бразлетни, лапела ей длань, и обрацела ю так же би порозпатрала шицки смуги на ней.

– Ти нещешліва, легинь котрого любиш анї не патри на це – почала гуториц Серафки патраци раз на тоти смужки на дланї, раз на ей твар. – Полож даяки пенєж на длань, та ци опатрим цо це чека.

Як у горучки Серафка витресла шицок пенєж зоз хусточки на длань на котру патрела Циганка, и зацерпнуто слухала далей:

– За любов ше будзеш мушиц бориц, я ци помогнем, але ми мушиш дац тот персцень з пальца – гварела Циганка.

Несвидомо Серафка зняла персцень, пайташка уж пришла та ю цагала за рукав:

– Озда ши не шалена – ша то ци од куми?!

Не бул то даяки драгоцини персцень, але го любела, а тераз го без двоєня пложела Циганки до руки, знаюци же го вещей не увидзи. Тота зацагла руку до торбички цо ей вишела на плєцу, пошпиртала по ней, вицагла цошка и гварела Серафки най да хусточку:

– Сухе кридло пергача. Розтруш го до погара з вином легиньови цо го сцеш и будзе твой. – То вивоведла, закруцела цошка гліново-шивкасте до Серафковей хусточки до рокох и дала ей, та ше мирно обрацела и пошла.

Кед ше цалком змеркло младеж ше преселєла до карчми. Гудаци заграли, хлапци поприходзєли гу дзивчатом цо у куце стали и почали их викруцовац по сали. Даєдни

пошли до меншей сали дзе ше точело вино, а даедни стали з погаром у руках и припатрали ше на танцошох. Серафка поцагла пайташку до легиньскей сали, станула над главу Андрийови и ніби ше опитала чи може достац попиц зоз соди цо була у содовой фляшки на столе же би себе хлапци мишали з вином. Док ей Андри налял до погара зоз соди, вона до його погара витресла тото цо ей Циганка дала. Попила соду, гварела „Здрави будзце” бо теди дзивчата двоєли хлапцом и пошла.

Догмало Андри вошел до сали и такой ше задар до ней, вжал ю на танец, а до конца вечара ище два раз. То обачели и други дзивчата и жени цо стали под карчму, та ше ніхто не зачудовал кед их о даскельо тижні оглашовали у церкви першираз, вец, идуцей недзелі други раз и на Яна треци раз, а после Илиї такой була свадзба.

После свадзби млади пошли на салаш, мирно робели шицко цо требало, слабо одходзели до валалу, а кед на Крачун пошли до валалу, гварели родичом же буду баба и дідо. Другей ешені од свадзби Серафка народзела двойнята, двох хлапцох. Любела их як цо мац лем любиц може, вони напредовали и о мешац, котри препровадзела у мацери, щешліва, по вивоткох врацела ше з німа на салаш. Дні ше шоровали, Андри робел свою роботу, вона свою, радзели ше и бешедовали тото цо муж и жена муша побешедовац же би покончили цо по обисцу и коло поля треба и – ніч вецей. Андри бул добри гу ней и гу дзецом, не гуторел ей прикре слово, але вона од нього у малженстве не чула ані едно з тих словох цо ей були у гарле и чекали же кед буду залівани з його ніжносцу, його любову, раз виду на поверхносц. Але их не дочекала, поставала вше цихша, вше задуманша, та кед треци рок на Русадля знова пошли до валалу – надумала дацо превжац.

По полудзенку рушела ше же пойдзе до мацери дакус. Рушела без дзецох и место просто до мацери, пошла на Курти шор и скриваюци ше же би ю ніхто не видзел, вошла до хижы бабы Марї, за хтору ше гуторело же зна поробиц

даєдни ствари цо помагаю людзом лебо да здравиц, лебо ше не забановац кед их дахто охаби, лебо кед даєдна не може мац дзеци, кед ма бриги хтори не може нікому повесц.

Цо Серафка гуторела тей жени цо не, лем ей вона з пораду як най влапи и зачува пергача котри ей принеше шесце у малженстве дала и совет:

– Дивко моя, мушим ци повесц и тото: зоз тим ше не бави. Нігда не знаш цо це ма знайсц, бо тоти сили котри воламе до помощи, а не приходза од Бога, могу постац опасни... Меркуй да не побануєш!

Була тлачидба, тлачело ше на салашу цали дзень, шицки були вистати, та и Андри и Серафка полегали таки, лем оплюскани з воду цо у гордове була порихтана при трешки кед же би ше дацо стало з искрами цо з ней виби-вали. Але, Серафка не заспала. Така, у кошулі вишла вонка з лампашом у рукох, грудніцу преруцела преїг глави, бо ей врачарка наказала най ніяк не дозволі же би ше ей пергач влапел до власох. Од того би могла пошаліц и ніхто ей вецей не годзен помогнуц наврациц ю. Упутела ше до шопи дзе видзела скорей же єст пергачи, видрапала ше на якиш дески, и наисце, под греду намацала єдного, та го такой положела до торбички ушיתей з меха и винєсла на пойд под греду за комин.

Сама ше себе чудовала як ше ей удало скоро легко шицко тото окончиц, та заспала так, же док слунко не упар-ло до облакох не знала за себе. Рано ше пребудзела зоз слад-ким чувством мира, бо на своїх першох чувствовала руку заспаного мужа. Полегко ше вицагла з посцелі и розложела до пеца же упече хлеб хтори вечар заправела скорей як легла, а замишела кед покончила свой лов на пергача.

Занєшена зоз свою роботу, ані не обачела кеди Андри станул, лем го чула як уходзи до коморки.

– Виноши жито на пойд – подумала. Прешло ей през главу же чи не найдзе пергача, але, перше, знала же го скри-ла за комин, а друге, була то торбичку до яких одкладала нашенє зоз шалати, петрушки чи мархви, або квеца.

Праве вжала з лопату перши хлеб же го посадза на цегелки до розгоруценого пеца у котрим уж шивели жирячки з прегорених вигризкох, кед до приклета з котрого топела вошел Андри, тримаюци у рукох мешок з пергачом:

– Повеш ми же цо то?

– Ніч – гварела жена, а глас и руки ше ей тресли док уруцовала други хлеб до пеца.

– Не гутор ти мне „ніч”, але гутор цо то ма значиц, – припар ю Андри, витаргнул ей лопату з рукох, лапел ю за контю и обрацел ей главу так же му мушела патриц до оч:

– Питам ци ше ище раз и не викруцай! Цо то ма значиц?

Жена почала плакац, але Андри ше не дал збуніц:

– Думаш же не знам цо то, думаш же сом уж вецейраз не подумал же ми дацо наробене. Не знам сом, але сом чувствовал же не жиеме як би требало, же то не мой живот...

Вимахнул з тоту торбичку, та го уруцел до пеца. Мешок спаднул на жирячку, у тей хвильки цошка спищало, так моцно як кед би то бул глас дачого цо не з того швета. Источасно з того места вибухнул таки огонь на дзиру з пеца, аж вонка до твари Серафkowej, котра ище вше стала полузогнута, як кед би рушела за тоту торбичку. Андри руцел, вона зврещала од страху бо ше ей лапела чулка. Огень ей у хвильки спалел оберва и паучайки, опалел цалу твар. Вона фришко дзвигла фартух, преруцела преїг глави и поприцискала го гу твари, та ше ей огонь у власох загашел. Викруцела ше и вибегла зоз приклета, та просто по дильове а вец крижом през гони, пушчала ше до валалу. Там, у мацери, ютредзень ю нашол Андри, принесол ей дзеци и врацел ше сам на салаш.

Серафково родичи не знали цо ше случело медзи младу пару, але поцерпали же цошка вельке. Догваряли ше догваряли, та ше догварели же перше пойду до паноца и з нїм ше порадза цо маю робиц зоз дзивку и ей дзецми. Видзели вони же зоз ню недобре. Не сцела ані приповедац, ані есц, видзели же ані не шпи, а як кед би ані будна не була.

Паноец их вислухал и пораdziel най даю на службу, най буду зоз Серафку сцерпени, най ей помогню коло дзецох. Сам вжал на себе же пойдзе на салаш бешедовц зоз Андрийом. Так и було.

О тидзень, о два, оец одвез Серафку и дзеци на салаш. Не було нїякей бешеди, анї медзи швекром и жецом, анї медзи Серафку и Андрийом. И так то було шицки роки од теди, покля жили. Робели на полю у цихосци, жили у цихосци, єдли у цихосци, спали у цихосци, дзеци ховали у цихосци.

Хлапци росли, гу нїм ше окреме оздзивал оец, окреме мац. Кед подросли послали их до валалу, та даскельо роки ишли до школи од дїда и баби, а после ше легинчели и робели з родичами на салашу. За живота свойого не чули же би ше им родичи вадзели, але за живота не чули же би ше радзели, аж анї же би ше єдно гу другому озвало. Нїгда, вера, не видзели медзи нїма нїч таке цо здабало на облапенє, чи гласканє, або же би єдно друге побочкали..

Одрастали без любви, та анї не научели любов давац. Аж, випатра же не чувствовали потребу за ню, бо ше анї єден нїгда не оженел. Кед родичи поумерали остали жиц на салашу, и вони двома лєдво бешедуюци єден з другим, ридко одходзели зоз салашу. Цали живот прежили як два осамени стебла на стред поля, на котри анї птици не шедаю – анї щешлїви, анї нещешлїви. Як пришли, так були, и так и пошли з того швета...

УКАЗАНЄ

Нїхто не зна прецо ше тота пажица, тамаль за старим бегельом, за нешкайшим вашарищом, з лївого боку драги за Торжу, наволала Державка. Дахто твердзи же то прето же то було державне пасовиско, а други заш же ше там вше длуго затримовала вода, держал сейк воду, так же кед ше висушела на жеми оставали местами плати, скорки, котри ше круцели на рубцох, трушели под ногами, сипали як найфинши писок и ласкотали боси талпи и цискали медзи пальци. Там людзе виганяли крави, гуски, швинї, а кед було дижджовно було и качки, гуски, скакали мали желени жабчата, як на долїни. Не було то хто зна яке добре пасовиско, але тоти цо мали даяку малу кравичку, даедну овечку, чи швинку, не мали зач лапиц кравара пастира и кондаша, а мали дробни дзеци та їм зверїовали чуванє того за нїх драгоциного маєтку.

Кед було сухо, кед трава була скоро спражена, на Державки мож було видзиц стари жени, котрим не бул хто набавиц огриву, як зоз зольнїцами або мехами, походзкую и зазберую зосхнути балєги, та тоти мехи полни, а не барз чежки, влєчу дому, досушую дагдзе у заднїм дворе, а вєц з нїма кладу на огонь. Не бул то моцни огонь, але мож було на нїм увариц даяку юшочку, упражиц даедно ваїчко, чи шкварки зоз куреней сланїни, або превариц води на тею з руменцу котрого тиж там, на Державки, мож було назберац. Не зберали вони шором тоти балєги, лем найсухши, а тоти недосушени лем преврацали и на громадки назруцовали, та их без страху же им дахто позбера їх труд, охажали най под слунком ище даеден дзєнь висихаю.

Було досц допито чувац крави, швинї або овци на Державки: анї хладка, лем една розконарена осамєна ягода,

ані дружтва, бо дзеци цо не мушели не ишли тамаль, але себе находзели забави по гумнох, уліцох, бегелю, долінох, або уж дзе их одведли їх дзедински бависка. Людзе тамаль знали лем пригнац гуски, за цворень прибиц даяку козу, а вец вечаром присц по ню. Ридше то було и пасовиско за швині, бо швині чувац требало ше набегац.

На Державку, на тоту часц цо ю людзе наволали Ярашик, порядне одганял худу невельку краву дзевецрочни Иринейко. Не мал вон ані мацер ані оца: оецц му умар од сухотох кед мал дас пейц роки, а мацер якош пошвидко на полю забил гром, кед ше од бурі и дижджу при копаню скрила под ягоду на полю на котрим робела з рису. Иринейко остал при баби и дідови, вони ше о нїм старали як знали, а вон ані не чувствовал же є даяк баржей уквилени од живота як други дзеци. Аж, видзело му ше, баба го красше допатрала як цо, видзел вон, були допатрени дзеци з даєдних вельочислених фамелийох, дзе часто було и незлоги пре паленку, або даяку чежку нором, найчастейше оца, яки було досц и у його родзе и у його уліци. З бабу ше розумел так же ей бул права рука за шицко цо лем робела: кед ишла подоїц краву, вон ей одбегнул по жохтар, сцерпезліво з гарчичком на хлівних дзверох дочекал би най подої и най му налєє ище цепле млско, попил го сладко аж му пена з нього оставала на верхней гамби, та ю на концу лем олїзал и такой лапал тримац кантички до котрих баба остаток млека розлівала. Кед замасцовала попукани пец притримовал ей рендани пантліки цо их, намасцени з пальцом замачаним до цеста з муки и кислого млека, ліпкала як даяки фластери там дзе було пукнуте. Так пец бул порихтани за другу жиму, же би ше през тоти пукленіни не курело до хижі. Вше було даякей роботи: суац цивки кед ткала, преберац нічельніци кед сновала, одмасковац основу кед ткала, мерковац же би ше не загашел огонь у мурованим шпоргеце, кед варела. Його робота була и приношиц копачи спод шопи, там их добре и повитресац од гліни цо у нїх назаоставала кед су зберани, або чутки,

кед уж кукурица була олувана. Вец виношел гар котри баба вичисцела з пеца, чи шпоргета и робел велі дробни роботи за котри баба не була така вертка як скорей, або котри не старчала. И ніч му не було чежко.

З бабу ше згварял о шицким, як з мацеру: о тим цо було у школи до котрей го послала, гоч велі дзеци теди до школи ані не ходзели, а окреме вихабяли школу кед було роботи у полю, чи дома. Приповедал ей цо учели, але и як ше бави з хлапцами: на войни, кед ше два шори збиваю та тоти цо попадаю випадаю, о тим як ше пилькаю, як ше припатрал на тих старших же ше чинагаю, як даєдни маю рендану лабду та до ней копаю и оганяю ше... А вец едней яри залапело цошка шицки дзеци, та и його, же ше припатрали на облаки хижох коло котрих преходзели кед ишли зоз школи дому. На тих високих облаках, було и вельо скла, та ше на ніх крашне видзели, а у фарбох, подоби святых. Були кус порозлівани, але ше добре видзели швицаци круги коло їх главах, лем ше мушело знац одкадз патриц. Як ше меняло место патрєня, так ше и слика меняла, прелівала, док би цалком не щезла, а на тим месце оставал лем вецейфарбови шплях. На дзєцинске зазберованє коло даякого такого указаня на склу, застановйовали ше и одроснути. Даєдним ше удавало видзиц исте цо и дзеци видзели, а даєдним, бомє, и не. Та би вецка лем одмаховали з главу:

– То смольгави облаки, масни су, та ше од ніх слунко так одбива!

Було и таких цо ше ані добре не запатрели, але ше постарали цо швидше зохабиц громаду дзецох як кед би не сцели мац ніч з тим, або зачувай Боже, же би ше дагдзе там раховало же так ругаю на Бога! Було и таких цо прєстрашено гуторели:

– Будзе войни! То вше так кед ма буц дацо недобре, Бог людзох опомина!

Кед Иринейко тото приповедал баби, вона ше за кажди случай прежегнала и наказала му най ше вон там не затриме, але най понагля дому.

Помагал Иринејко и дідови, але дідо вше дацо майстровал, та вибачел Иринејко же му лем завадза: допитовал ше о шицким, та го претарговал у роботи, побабрал дацо, затрацел даєден гвозд, а гвозди теди у обисцу були драгоцини, як и кажда латка, кажди слупчок... На діда ше лем могол припатрац, най не будзе на завадзе, а вец покрадзме пробовал и сам дацо майстровац, та кед би дідо одкрил цо роби, знал ше и нагнівац, або лем прежубротац:

– Майстор квариш!

Дзе дідо тото чул, не зна, але ше му видзи же дідо вельо вецей зна як гутори. Бул у войску три роки, бул у войни по далеких жемох, служел велїх газдох, та знал и по швабски, и по словацки, а и по мадярски, бо мушел, у мадярскей школи и у мадярским войску по мадярски бешедовац. Але з людзми не любел тельо бешедовац як зоз своїм добрим коньом.

Видзел Иринејко як ше дідо з почитованьом справовал гу своїму коньови, тримаюци же му вон подбочнік у його роботи, та ше и вон пробовал крашне справовац гу крави, хтору тримал як хранїтельку фамелиї, а найбаржей власну. Прето ей виберал места дзе ю будзе напасац, не дал най ю наганя пес, але ю сам наврацал, патрел ю врацац дому кед було найгоруцейше, напоїц зоз швижу води зоз студні, вечар ей руцал до яшльох швижей бетелїни цо дідо зрана накошел у загради.

Там, на Державки стретал ше з дідом Ароном, не знал чий вон бул дідо, бо го упознал аж там, дзе вон чувал три-штири овци и два кози, за якогошик човека котри му за тоту роботу давал кост и спане у хліве. Не барз вони двома бешедовали, але ше так, у переходзе, оздзивали єден гу другому. Або кед их лапел запор, та обидвома ставали под конари ягоди.

Єдного дня, пред поладньом, кед ше Иринејко уж мухавел, и уж ше му ніч не цело, а видзел же и на краву почали баржей шедац мухи и же вона частейше маха зоз хвостом, одразу, з чистого неба як кед би пукнул гром, точно до тей єдиней ягоди. И место же би ше небо зацмело,

воно ше якош одверху розяшнело, а по горизонту замолгавело, виполнело зоз билима хмарками. Иринеико почувствовал же ше одразу нашол як у даяким непреповедзено велічезним шатору, вельким як цо було небо до первойка, котри безгласно и у хвильки нацагнути над цали, його оку, доступни швет. У ствари тото цо було чуц ані не так здавало на вдерене грома, але як на тот звук котри чуц кед двойо мощно розтресаю на густо ткану плахту. Подумка на плахту ше у хвильки такой указала и у слики пред Иринеиковима очми: през цали простор прекрити зоз швицаосцу, розпрестарла ше била драга, праве як кед би то була широка и барз, барз длугока плахта. По тей плахти-драги, не ходзаци, яле баржей пліваюци або ище подобнейше, легко шмикаюци ше, трепаца, приходзела гу ньому прекрасна млада жена, у длугокей билей шмати, преїг котрей було преруцене якеш длуге оплечко, небове, а преїг власох медовой фарби бул налегко преруцени били, скоро превидни шал чийо конци, прекрижени попод браду були преруцени преїг ей плечох. Не лем зоз женовей твари, але зоз цалей ей особи, зарйовало цошка як шветлосц, мощно, але не таке цо завадза очом патриц до ней. Жена ше нечуйно, равномерно, приближовала, як кед би ше вона сама ані не рушала, але ю праве тота била пантліка-драга приношела, вше бліжей и бліжей гу Иринеикови. У тих хвилькох, то вон аж после похопел, не було чуц ніяки звуки: ані же крава паше, ані же би збрехнул, та ані забегнул пес діда Арона, ані його паліца же дорушує жем, ані його крочаї. Не чул у тей цихосци аж ані власне шерцо и власне диханє, не чувствовал ніч, як кед би шицко було барз счихшане, заглушене, як кед би шицко стануло и претворело ше до малюнка котри ше не руша... Лем ше немо рушала тота єдина особа котра, то якош непретолкуючо розумліве, тото шицко и тримала у тим мире, як у даякей замарзнутосци. И праве кед думал же жена придзе цалком гу ньому, же го доруши, вона ше, така ошмихнута нараз розплінула, а магия замарзнутей стварносци нестала.

Такой ше зачул брэнчок спод кравового карку, забрехал дїдов пес, забринели мухи, аж ше учула и якаш птица, витрик заласкотал розпалени Иринеяково ліца, а стари человек у даскелїх крочайох пришол гу ньому:

– Хлапче, видзел и ти тото цо я видзел?! – питал ше и чудовал полугласно.

Хлапец покивал з главу, стал и патрел, тамаль дзе хвильку пред тим видзел указанє, дзвигнул руку як кед би сцел указац, потвердзиц, а вец кед похопел же не ма на цо указавац, лєм змахнул, длуго остал стац неми и запатрени.

Баба такой видзела же ше того дня хлапцови цошка вельке случело, випитовала го, але вон не же не сцел з бабу бешедовац, якош не могол. Не виходзели му слова з гамбох, були му у души, у шерцу, ясни и гласни, але глібоко чекали праву хвильку же би вишли на поверхносц.

Аж внедзелю, кед ше з бабу врацел зоз малей служби гварел:

– Видзел сом Марию!

Померала баба з дланю унукови на чолє же чи не ма горучку. Вец така, ище незоблечена з церковних шматох, лєм з розязану хусточку на глави, шедла на карсцель, а йому указала най шедне на други опрез ней:

– Як же знаш же то була праве Мария – опитал ше.

– Видзел сом ю нешка у церкви на образу – сциха, але прешвечено одвитовал хлапец.

Помали, помали, отворел ше хлапец и шицко баби виприповедал, аж и тото яки бул цали тидзень глібоко потрешени зоз тим цо видзел, як не бул сигурни до того цо то було и як ше нешка, у церкви доисцел же ше му Мария указала. И замодлел бабу же кед будзе мац пенєжи най му не купує кошульку, або цукру, але папер и печаци та ей нарайзує цо видзел.

Уж ютрєдзень баба ше схопела и пошла до паноца, погаторела му шицко шором, цо ей унук виприповедал, та ей вон гварел най придзе з унуком. Кед го приведла гу паноцови, Иринеяко и паноцови погаторел шицко як було и

кед гварел же би тото могол намальовац лем да ма з чим, паноцец му принссол папер и печаци и вон намальовал малюнок цо здабал на прави образ.

Малюнок паноцец у першей нагоди однесол владикови и владика неолдуга преправел драгу хлапцови же би ше уписал до церковней школи. У тей школи го найбаржей прицаговало праве мальоване. През рок ше учел у школи цо и други дзеци, а кед пришол розпуст ишол по церквох и манастирох, вшадзи дзе майстром цо мальовали у нїх треба-ло помоцнїка. Учел ремесло, а майстрове одкривали у нїм окремини талант, котри ше указовал найбаржей у мальованю праве образах Мацери Божей

Кед би дараз и пришол на розпуст гу баби и дїдови, а приходзел ридко, Иринейко вецей не одходзел чувац крави, кажди раз обиходзел Державку, место дзе му ше указала особа котру од теди тримал як заш лем власней мацери висланїка котру ледво же запаметал и за котру верел же ше находзи на небе, та же му праве вона послала Мацер Божу най го водзи през живот. У писмох ше допитовал о старей ягоди и бул щешлїви кед ше и сам прешвечел же остала и далей желена, же на ню, кед шицки ягоди у хотаре нападли гушенїци не злетла анї една єдина лепетка, и не викусане анї едно єй лїсце.

Робота Иринейка водзела по швецѣ, з мальованя на муροх прешол на мальоване на древу, а вец и на склу. И нєшка по велїх жемох у велїх церквох през витражи пребива слунко и одкрива нїжну прекрасну подобу Марийову, у билей длугокей шмати, з небовокаменковим длугоким оплечком, з полупревидним шалом, полегко преруценим прейг власох медовой фарби, з концами того шала преруценима на плєцох. Лем найлєпши познавателе церковней подобовей уметносци у такей роботи можу препознац Иринейкову руку, а кажди Руснак котри ше затрацени у швецѣ, або нароком там найдзе, почувствуйє пред тима образами як же ше стрета з окремину ласку Божу.

У валалє по Иринейковой родзини, та и по сушєдох, а можебуц аж и у музейох чи приватних збиркох, и тєраз мож

найц даєден з образох котри вон намальовал. Приношели му людзе же би омальовал жвератко, скло, та аж и корунку з даякей посцелки котра ше уж шицка розгольтала и розщипела. Док их мальовал, а робел то дзечне, вон ше вше у себе модлел. И нешка, кед нашлїднїки таких образох уж анї не знаю од кого су, з нїма ше чувствую охрaнети и змирени, як кед би у їх власним обисцу чувствовали блажене присуство Мацери Божей. Там, на Державки, ше ище вше желенеє стара ягода, гоч ягоди у керестурским хотаре давно викерчени.

БОСОРКИ

Як и шицки народи и ми маме свойо колективне паметане. То памятки котри назберани през вики, а аж ані фаховци котри таки ствари преучюю не можу повесц цо зме од кого и кеди преберали, а цо зме сами створели. Мишаю ше здогадованя веліх людзох з прешлосци, з памятками запаметаних и незапаметаних предкох, та аж и з нашими дожицами. Шицко ше то як жґрид злегує у нашей свидомосци и подсвидомосци и преноши з колена на колено. Скорей то було усно, а тєраз написмено, шведоча о тим як зме жили, до чого зме верели, од чого зме ше бали. Мож повесц же наш народ памета вельо койцо цо паметаю и други, але єдино цо не памета то принцези, принцох, витязох и геройох, нет царох и царства, лєм живота у котрим ше чловек бори зоз природу и зоз самим собу же би цо лепше жил у окруженю своїх наймилших.

Знали людзе же як добре, так и недобре, не приходи з далека, але є ту, лєм го не вше легко препознац, бо ше не сце видац, бо сце затримац моц над чловеком. Моц над другима приписована особом котри ше по дачим розликовали од других, а то звичайно були стари жени за котри ше верело же су – босорки. Босорка углавним жена, бо о босоракох скоро же ше ані не приповедало. Ша, хто у валале лічи з травами, хто зна зачитовац, наробиц дакому най ше одлюби, або най ше залюби? Жени! Хлопи ше чуваю, кеди лєм можу керую не лєм свойо, але и люцке нещесце. Кед их дацо зайдзе, уж вони найду женске шерцо котре ше пред нїм отвори: мацєрово, шєстрово, жєново, фраєрково...

У валалє ше знало за таки жени: придзе, наприклад, по млеко, а патри же би то було кед уж слунко зайдзе, (озда теди босорки маю найвецей моци!), та кед з обисца винєше млеко у кантички – однєше го и крави з вимня! Дармо вєцка кармиц краву, давац ей шена, отруби, бетеліни, нападац ю зоз швижу воду – а-я! Млека нет и нет, вимнє празне. Босорка краву засушела, або ше ноцами уцагує и вицицка з вимня каждую капку!

Або поведзме, пита ше тота иста видзиц лем цо народзене дзецочко. Таки шор, ша цалком нормалне же хто вас позна, зайдзе вам до обисца. Ище и пове же участвує у родительской радосци, у цешеню зоз новим членом фамеліи. Озда ше мож од такого одгвариц? А кед вона пойдзе, дзецко не мож умириц: лем плаче и плаче и плаче – мац му не може ради дац. Ноша го на рукох и мац, и оцєц, и баба и дїдо, и даєдно старше дзецко. Шорую умириц синачка чи дзивочку, брацика чи шестричку, алє, а-я! Не и не, дзецочко плаче и плаче, не сце цицку, анї ношенє, анї шпиванє, а дре ше же аж збелавєє, да ше зайдзе!

– Спাদло му з оч – озве ше найстарша жена у обисцу, а то баба, або аж и прабаба дзецочкова, цо ше розуми и до врачанїнох. – Недобре на нїго попатрєла, або го заяйкала кед гварєла: „Яй, якє є краснє!”. А нїхто ше не осетєл на тоти слова плювнуц най го не урекнє!

Гу дзецку ше приходзєло од ножкох, най ше не зорвє, иншак могли би му очка стануц недобре, постанє назрачє! Прето ше колїску кладло под образ, до чола.

Босорки знали заяйкац и другє дацо: красну дзивку, чи лєгиня, добру невєсту, цо им лем на розум спадло, та ше вєц заяйкани знал обриднуц, постац недобри, похориц ше, оленївиц. На чисту твар нїпрецо виду пиршци, вреди, чи цо уж там и раз два – з красней дзивки, рапава, з красного лєгиня – червени!

Не мож було од босорки зачувац анї шмату. Похвалї ю – вона ше подрє, опатри ше до жвератка – воно прашнє. Знало буц же таку сушєду кед виходзєла, газдиня

випровадзела аж и барз крашне бо на ню уж думала же може дацо наробиц, та кед кус постали на капурки, а гевта, одходзаца лем поведла, наприклад:

– Яй, як вам крашне тота яблонька розквитла – исте древко по лето запошедли гушеніці, або го каменец побил – з роду не було ніч.

О шицким тим валал добре знал, та хто мал тото на розуме, знал ше и як справовац, и очувац. Але, яй тому хто не верел, або ище ше и вишмейовал!

Так приповедаю же якиш Петро як легинь раз внедзелю вечар, як и по други недзелі, ишол зоз танцу, теди ше то гуторело: зоз карчми, на салаш. Там на крижней драги, дзе ше крижа тота драга поконцу валала цо водзи на право на теметов, на ліво до гонох, а просто кед ше идзе гу Кули, преходзи коло вецей салашох у хотаре, з боку оддавна стал вимуровани криж. На слупку огради коло крижа нашол шерпенку полную зоз пирогами. Пирогі вон одмалючка барз любел есц, нательо же би ше од нього не одняла ані полна миска, та кед видзел цо у шерпенки, лем ше пооглядал, спушел ше коло огради, шеднул, опар ше на мурик и – поедол их.

Ишол вон таки не до ситосци наедзени, але зато задовольни, бо од танцу, а после погара-два винка, коло полноци, наисце бул уж и гладни. Шмеял ше, бо знал же шерпенку хтошка охабел пре даяку врачаніну. Кед бул мали, слухал вон на праткох же босорком треба дац дацо цо любя та вас занягаю, охабя ше робиц пакосци за яки их дахто поеднал, або яки уж вони надумали робиц же би ше тому и тому вимсцели за дацо. Лебо, то ше дакому дацо робело лем так – од зависци: най не ма тельо жеми, най го охаби жена, най го не сце дзивка цо му ше пачи, най обрид-не, або аж и, не дай Боже, най ше похори.

Но, уж як то було, Петро сцигнул дому, та ше по цмоти зоблек и уцагнул до приклета под перину. Кед рано шицки поставали, и Петро рушел за роботу як и кажди дзень, накармиц и понапавац статок, бо оец уж рихтал серсан за польо, мац ше му опитала:

– Чом же ши, Петре, не поедол тото сцегенко з курчеца цо сом ци охабела у шерпенки у мачанки. Ша знам же вше придзеш гладни з валалу, та ши могол и тераз заесц. Ище сом ци охабела и шольку кислого млека, най ци не шедне на жалудок.

– Єдол я у драже – нашмеял ше Петро и виприведал мацери як жедол пироги зоз шерпенки цо була охабена босорки.

Мац лем заламала з руками и заяйкала:

– Яй, сину, мой сину, то ше не роби!

Не було ту вецей часу за бешеди, бо ше з двора озвал оец:

– Петре, идз швидко по сушеда бо ше крава недобре целї, а вон схопни та най ю придзе ратовац!

Пошол Петро, але кед сцигнул зоз сушедом, то и салаши еден од другого були досц далеко, кажди у стред гонох на стред своєї жеми, видно було же ту не будзе добре. Хлопи вец заклали краву и одвезли до месара, най вон порозсфаластує и попреда месо, кельо ше уж да виратовац од чкоди.

Теди месаре не так часто мали статку на кланє, та ше о зарезаней крави швидко дочуло у валале. Як ше приповедака ширела, так як шепот пошол по валале и глас о тим же ше Петрова мац комушик поносовала як ей син жедол пироги за босорку охабени пред крижом на крижней драги, та ше им вона, такой вимсцела и наробела чкоду.

През тидзень, по другу недзелю, валал гурчал же Петрови поробене, и аж на салаш пришла питачка вращиц хустку, котру вон як млоди, кед спитал дзивку з котру ше сцели побрац, подаровал истей як обецунку же ю вежне за жену.

Но, тераз уж и Петрови не було шицко едно. Мучели го зли думки, а и смуток за страцену дзивку, та кед родичи полегали, вон пошол до двора, опар ше на мур, и запалел цигаретлу. Задумани, двоєл себе чи вериц до того чи не, курел помали и кед жирычка уж одгорела од цигаретли отресол ю долу. Але, то було недалеко од хлїва до хторого

праве того дня меняли нову, чисту сламу под конї, та понеже були такі як престрашени од того цо ше им послучовало, ніхто не позаметал двор, слама остала нарозтресана по жеми. Жирячка з цигаретли спадла на даскельо сламки та бовкнул перше мали огонь, рушел по дражки кадзи була розтресана слама и – просто до хліва. Накадзи напахали огонь и дим, конї ше знемирили и зрегочали, почали биц з копитами, а таргац штранджги, же ше Петро бал войсц медзи ніх. Не знал чи перше их одвязовац, чи бежац гу валову и з кабла черпац воду на гашене. Углавним, конї, зато, виратовани, але Петрови руки остали опечени. Оец прибегнул и на Петрово доволоване, такой ше лапел з гордова при студні черпац и додавац жени кабли най полїва огонь. Вона ше тиж пошвидко зобудзела, та вибегла помогнуц, але ше огонь розширел и дзвигал аж до неба, та аж и сушедни салащане видзели як од їх салашу бие пламень и неодлуга прибегли до помоци.

Кед би так не було хто зна якей би чкоди ище було наробене на салашу, а так лем остали без хліва. И, гат, остали злекнути. И збунети.

Лем цо швитло позберала ше Петрова мац, зобудзела сина себе:

– Гайд Петре – гвари – идземе до валалу. – Мушиме дацо поробиц.

Петро не барз сцел, але ше якош чувствовал виновати пре шицко цо им ше недобре наслучовало остатні два-три дні, та ше позберал.

Пошли вони двойо, бо оец остал на салашу, дзешка на други конац валала и вошли до едней малей, старей хижки, за котру Петро ані не знал же така ест у валале. Перше лем кричали опрез хижи, бо капурки ані не було:

– Гало, дома сце?!

Уж кед думали же ше ніхто не озве, вишла на дзвери якаш барз стара жена, од чийого випатрунку ше вон аж порвал, бо му випатрала праве так, як думал же випатраю босорки. Сам остал за плоциком, а мац вошла до двора и

цошка жубротала зоз стару жену. Спод хустки виняла якуш зайдичку у котрей було цошка закручене, цо вона указала домашней. Вец вони два вошли нука, а мац ше оглядла и поводала Петра:

– Гибай и ти!

Вошол Петро, а там на штред тей єдней, єдиной просторїї була котлянка у котрей горел огонь, а над огньом з повали на куки вишел котел завязани за ланц.

Стара жена ше анї не оглядла на Петра, анї их не понукла шеднуц, а вони аж у тей полуцмоти не видзели же чи и ест там дацо за шедзене.

Нагла ше старуха над тот котел, уцагла руку до кишенї, вицагла з ней якиш травки и потрушела их до котла з котрого ше випарйовали и ширели запахи травох. Док то робела, цошка себе жубротала под браду.

Петро з мацеру стал мирно и цо знал, лем чекал.

Вецка стара жена нашла якиш глїняни гарчичок, та з вареху накладла до ньо зоз тей мишанїни цо варела. Поуцэрала дно гарчичка до фартуха з котрим була опасана и додала Петровей мацери:

– Тото най попис на три раз: рано, напoadне и на вечар и най кажди раз кед лїгне випове: „Хто ми наробел, най би ми одробел!” – поучела ю. – Надпоминам же о тим нїхто, але нїхто, не шме нїч знац, анї ваш муж, анї сушеди, нїхто. Лем ви двойо. И же ше анї раз не шме прескочиц тото знїманє клятви, бо вец не будзе нїч вредзиц, и його живот ше вецей нїгда не виправи.

Пошли мац и син дому, але оцови не гварели дзе були. Мац мала на розуме цо єй врачарка гварела, знала же треба мерковац на Петра, най ше дацо не забунї и най не прескочи анї раз покончиц як им поведзене.

Кед по фриштику мац ше дакус верцела, верцела, видзи же єй муж запалел цигаретлу та знала же док не покури не видзе вонка, та ше обрацела гу Петрови:

– Ноле, Петре, идз до коморки видзиц чи там глїняни гарчичок з кислим млеком!

Пошол Петро, нашол гарчичок цо го принесли з валалу, нагнул и одпил так шумне, дас тречину зоз звареного желя, та гварел:

– Хто ми наробел, най би ми одробел!

Кед на поладне, а вони шицки тройо у гонох, розложили ше есц, а мац ше стара як тераз покончи же би ше ей муж не дознал, та ше, ніби, нараз здогадла:

– Ноле, Петре, одбегні на салаш бо сом не сигурна же сом у приклеце не заварла мачку кед сом виходзела! И опать чи ест у коморки ище кислого млека, та нам принеш!

Пошол Петро, напил ше з гарчичка и заш исте тото гварел:

– Хто ми наробел, най би ми одробел – та ше врацел на польо и однес едну кантичку кислого млека котру мац пред тим порихтла на полічки же би мала вигварку послац го.

Кед вечар, навечерали ше шицки тройо, а мац види же ше Петро рихта спац та му надпомина:

– Петре, ноле ми з коморки принеш фляшу з витри-йоном, бо ше боім же ше ми лампа загаши.

Пошол Петро, нагнул гліняни гарчичок зоз врачаркову мишаніну, попил шицко до дна, поуцэрал уста и вигварел:

– Хто ми наробел, най би ми одробел!

Того року вецей не мали ніяки векши чкоди, або нещесца. Прешла жима, а на другу яр целічка цо остала за краву кед ю мушели зарезац, постала шумна яловка. Ише тей ешені, кед було уж шицко поробене, а ише не завяло, сушеди и родзини ше зишли на мольбу и помогли знова подзвигнуц хлів котри влече згорел. На Крачун, кед ше три дні ишло на танец до карчми Петро ше упознал зоз едну шумну дзивочку котра пристала же би послал питачку и вон так поробел, а на Фашенги була свадзба. Кед на друге лето, тим цо пришли опатриц Петрового першонародженого сина його мац могла понукинуц курастри бо ше целічка перши раз оцелела.

Кус-покус, тота приповедка нестала зоз паметаня валала. Лем стари людзе знали ище донедавна радзиц

младшим най ше не даю замержиц босорком, же ше им
лепше виступиц, обкоровац спокуси як у летац до нїх. Бо,
нечисти сили, а босорки вшелїяк спадаю до таких, лем
стрезу вимсциц ше, а так же би того цо им дацо завинел
потрафело там дзе го найбаржей болї.

ГУЛЯШОВ ГНОЙ

Тамаль, кадзи ше идзе на Косцеліско, кед ше по босей драги за валалом скруци на ліво, вибіє ше на орсаг драгу по хторей мож пойсц на ліво до Вепровачу, а на право на Брестовец, часц хотара за Косцеліском, блізко Кули, под Червинку. Гоч досц далей од валалу, вецей маєтнейши керестурски газдове там направели салаши.

Добре ше жило, на Брестовцу, людзе ше, гоч оддалени едни од других гони жеми, схадзали накадзи роботи станули, або ше спомагали у тим цо кому требало. За свойо дзеци аж и школи организовали же би не остали од людзох страцени и затрацени у керестурским хотаре. Добра жем, добре поробена, добре плацела труд парастох, та людзе напредовали и мали вше волі патриц напредок. Медзи німа, не наймаєтнейши, але добре стояци бул якиш Данил. На салашу жил зоз жену и двоіма дзецми, сином и дзивцецом, тримал ше же е напредни человек.

Теди ше ище навелько орало на волох, а вон ше ришел прейсц на коні. Удало ше му набавиц два добри чилаши, та воли котри мал до теди, дал до таргу. Якиш человек з Торжи ше о тим дознал на пияцу, та такой зашол до Данила на салаш. Воли ше му попачели, та ше вони двоє поєднали. Человек мал при себе досц пенєжи, та воли такой и виплацел, же лебо пошле биреша по ніх, або, кед му будзе згодне, придзе сам по ніх, о тидзень-два, як му уж шор видзе.

Було то якош пред Крачуном и истого дня ше небо збу-рело, почал падац шніг, падал и падал, прекрил поля, дильови и драги, тельо нападал же ше зоз тей орсаг драги салаши не видзело, а ані брадла коло ніх. Лем було биле

доокола цихе и безконечне польо. О даскельо дні, место же би шніг кус шеднул, вон почал допадавац, и так тижнями, кед ше кус шнігови покровец по польох злегнул, пришол нови и зарабровал салащаньох на їх салашох, а гу нім ніхто не могол тижнями присц. Тирвало то так длуго же купец не могол присц по свойо воли, аж дзешка пред саму Вельку ноцу.

Кед купец конечно пришол, вон, знаюци же домашні тельо часу кармел його воли, понукнул ше же му виплаци, лем най, гат, газда Данил вирахуе кельо то.

Раховал Данил, раховал, и кед вираховал, вишло же то вецей як цо воли коштали на перши завод.

– Виплац ме, та их водз – гварел Данил.

– Але, – бул несподзивани человек – май розума, ша хто же то може так раховац, я не од розкошу не пришол по ніх.

Упар ше Данил, а одуперал ше купец и на концу – не дорадзели ше хопел ше исти Торжанец, зграбел уяш и вибег зоз салашу, та дильовом по котрим виходзел на орсаг драгу, преклінал и Данила, и цалу його фамелию. Дацо з того Данил чул, а дацо могол нагадац по маханю з руками, по тону гласу котри ше чул, та ше не могол стримац, але скричал за нім:

– Кед ци неправо, можеш ме удац на Гуляшов гной!

Бо, там дзешка, на тоту драгу цо водзела на Брестовец, а крижала ше зоз босу драгу, вибивало польо якогош Гуляша, котри мал обичай вжиме, кед санїца, вивесц шицок гной з хліва на громаду, а вец го знало застац дацо, та не сциговал порозвожиц го и порозруцовац по полю. Вец, идуцого року на исте место знова вивезол гной, а прешлорочна громада ше злегла, але нови громаду так фест звекшал.

Муши буц же ше Данилови трафел нови купец, бо воли пошвидко пошли зоз салашу, одведол их сам Данил. Весели, зоз добрим пенежом у кишенки, а и кус винка у гарле цо з купцом у карчми попил за олдомаш, рушел ше пешо з валалу на салаш. Але, кед вишол з валалу лапел го

змерк, та кус пошвидшал свой ход. Кед сцигнул по крижну драгу, кус ше пооглядал и рушел же заобидзе Гуляшов гной, права нога у бочкори ше му зошлісла и вон ше на ню пошпоцел зоз ліву и розцагнул по гною.

У глави ше му замуцело, забугновало, пред очми заискрели червени гвизди, пробовал дзвигнуц главу и подзвигнуц ше, але му цошка запутало обидва ноги и вон знова з носом джубнул до гною. Кельо так лежал не знал, але кед ше отютел, помали шеднул и порозпатрал ше, а не видзел ані дзе є, лем цинї габзи коло драги опрез себе, слабе мешацово шветло, скрите за хмарами над собу, а за собу, кед ше огляднул видзел сподоби цо ше кивали над нїм, пламенїсти и гойсаци, чул як дихца, як лопаца з чимшик. Обрацел ше на колена, та оштвернож пробовал висц зоз гною, але, гоч кельо ше лем кормацал, видзело ше му же ані на палец не пременел место. Под мутну мешацову шветлосцу, на самим верху, обачел рогатого. Ужерал ше на нього, реготал и, як з даяку лепезу замаховал зоз хвостом понад його главу, а з другу джобал до гною опрез себе. Дзе джобнул, отамаль випирсковал огонь, искри скакали аж по Даниловой чулки, вон одмаховал зоз главу, але една з тих подобох, якаш випирена, з малу главу, а у широких шматох го дограбела за уха и прицагла гу себе. Глава му ше нашла дзешка на його пасу, з нього му до носа бухал смрод од котрого му ше вякало, вино цо попил видрапало му ше до гарла и одразу булькло вонка.

– Тераз ши на Гуляшовим гною, най чуєм, яку правду можеш ти достац на тим суду! – озвал ше рогати, а з його пискох по нїм пирскали желени шлїни.

– То ше лем так гутори – ледво прегварел Данил.

– Хто гутори? Гварел ти, а статочни человек ше трима своїх словох.

– Я думал... – загаковал ше Данил.

– Думал ши же за тебе нет суда!? – предлужел рогати и замахнул зоз палїцу коло себе. Як кед би випукли зоз гною под дїйством палїци, повискаковали якиш дробни сподоби,

гамбати и носати, але зоз дробними швицацима очми, зоз чубами на верх вайцастих главох, без власох, та ше як даяки мехири на котрих накаламени ноги и руки полапали за руки и направели коло около клечацого Данила.

У Даниловой глави ше знова закруцело и вон ше, тераз горезначки престар по гною.

– То конец – прешло му през главу. – Та чом ме дябол опискал, злашел сом ше на цудзи пенєж?!

– Я це опискал? Видзиш ти, тераз я виновати – копнул до нього з копитом рогати. – Вам, людзом, вше дахто виновати! Кед маце вибор, лебо ше зверице най вас я водзим, або ше волаце на Бога. Да вас я створел, я би вам не давал вибор. Було би як я сцем и – квит. Ша, видзиш же сце не валушни...

Закончел рогати и ище раз го витнул зоз хвостом як з батогом. Данил заджмурел очи и почал ше модліц у себе, усердно як лем могол:

– Боже, помож ми тераз и нігда вецей не пожадам нічого люцкого.

Пред тим як страцел свидомосц чул гроженє:

– Права це покута ище лем чека!

Кед когути закукурикали Данил ше таргнул, видзел же почало швитац, позберал ше, але ніяк не могол найсц одну бочкору, та зобул и другу и з ню у рукох, з ноги на ногу, рушел гу салашу. Сциха ше уцагнул до кухні, шеднул за стол и спушел главу до дланьох. Так го нашла и жена кед станула, котрей розказал позберац дзеци и сама ше порихтац же пойду до валалу. Же ше муши висповедац и же пенєж котри достал за предани воли сце дац на церкву.

Видзела жена же є пременети, видзела му на твари шлід червени, як кед би дацо до нього виргло з копитом, та ніч не гварела. Побудзела дзеци, накармела их, облекла, та пошедали до коча. Хлапец, як уж звикол, шеднул напредок на лавочку дзе гу ньому шеднул и Данил, а дзивче и жена за німа.

Зоз салашу по дильовчику вишли на дильов, а вец о кратки час нашли ше при Гуляшовому гною. Данил застановел

коні, зішол з коча и приступел гу гною. Там, коло гною було шицко зрепегане, як да наисце по нім дябли танцовали, було видно яка потаргана фольовка цо ше драпала на гной, як затапшани розквитнути буячки цо ше розкошовали на гнойску. На самим верху ше зоз гноя курело и кед Данил пришол цалком блізка аж почувствовав як з нього бие цеплота. Замервену до тараски обачел свою бочкору, а кед ше зогнул, видзел верх якейшик заардзавеней циви цо стирчала зоз тараски. Дотхнул ше з руку за боляце место на ліцу и описал круг котри чувствовав як горуци печач под пальцями.

Вжал Данил бочкору, повитресал зоз ней шмеце цо ше до ней набило и праве же руши гу кочу, а споза гною, просто на коні вибегнул заяц, коньом под ноги.

Коні цо дотеди мирно стали и скубали даєдну травку опрез себе, цо стирчала зоз коляйох, сплашели ше, скочели и почали бежац на два ноги. Данил лем видзел як ше хлапец преврацел горезначки и як пада з главу на коршов котри стал у кочу порихтани же себе з валалу принешу артейскей води. Коршов од вдереня праснул як му на гарло вдерела хлапцова глава, гарло ше одбило и оштре, грубе скло ше задзало хлапцови до карку на месце дзе виходзел карк на правим плесцу.

У єдней хвильки Данил видзел и як крев шикла. Чул як жена зврещала, а потим и як дзивче почало вищац. Даремно ше розбегнул за німа, даремно кричал на коні по мену же их зопре, даремно кричал на жену най зграби деплови. Аж дзешка там, при крижаню кед мали висц на драгу цо з Керестура водзи до Кули, єден человек станул опрез коні и зопар их. Данил прибегнул, ускочел до коча, подзвигнул на руки хлапца и скричал на жену:

– Знімай хусточку!

Жена зняла хусточку з глави, завязала хлапцу шию з котрей ше вилівала мехиркова крев и лем кричала:

– Понагляй до дохтора – до дохтора!

Дрингом, сцигли з кочом пред дохтора, швидко убегли нука, дохтор пробовав цо могол, удало ше му застановиц

крев, але наказал най такой иду по даякого векшого дохтора до Кули. Поєднал Данил валалски чейзи, та одвезол сина и вон прежил.

Шицки пенежи пошли на дохторох, але як хлапец роснул було ясне же остане каліка. Тота часц гагра цо була розрезана ше зосушела и цагала на бок главу, та так ше му викривяла и похребцина. Аж анї не дороснул до своєї правей висоти, а уж бул скривени добока.

Кед пришол час женїдби, ледво му нашли млоду. Наконцу нашли якуш и широту, и нешумну – таку яка сцела пойсц за ньго. Дзивче им було старше, та ше одала 3-4 роки скорей як оженели сина и – о рок умарла у пологу! Остал за ню хлапец над котрим ше тресол цали род прешвечени же проклятво котре на Данила руцел спредвзени человек ище не виплацене.

Уж устарени, Данил дал на месце дзе дакеди бул Гуляшов гной направиц камени криж. И по нешка мож у керестурским хотаре наисц на таки камени крижи на котрих мож пречитац хто их и кеди подзвигнул, але анї на єдним не пише яки то грихи сцел випокутовац зоз нїм тот цо го дал поставиц.

КАМЕНА КОЗА

У керестурским хотаре лем на єдним месце запаметани вельки камень котри людзе, док ище барз стирчал зоз жеми и котри им хто зна прецо здабал на даяку козу, наволали Камена коза. А бул то гваря, цалком звичайни камень, тераз уж зароснути зоз черніцами и тараску, же го вецей ніхто не може найсц. Та и кед дахто найдзе на ньго, ні по чим не годзен знац же то праве Камена коза, бо є так залезнути до тей чарней жеми же випатра як звичайна меджа. Правда же би ше даяки осетенши газда цо на ню найдзе на своєй жеми могол огутац и роздумац же яка то може буц медя зоз каменя кед анї у Керестуре, анї у єдним валале около нього нет ніяки каменї.

Хто то, кеди и прецо, принєсол на тоту ровну жем, на хторей ше попатрунку на ней не спротиви анї єден грунчок, каменїско цо го уж не мож викопац, а ище менєй дагдзе пренєсц, не зна ніхто повєсц. Кед ше скорей на драже введзелю пополадню, або на швета хлопи посходзели знали ше оначиц одкадз би могол присц тот камень и розправяли чи є нароком ту спущени, або случайно випущени. Нагадовал же кед є ту нароком спущени, вєчка вон мушел цошка значиц тим цо го аж ту принєсли. Можебуц зоз нїм означене тото место прето же є по дачим иншаке, по дачим важне. Було и таких цо верели же то ма буц даяки гроб, даякого праисторийного варварского вожда, а було и таких цо були прешвечени же лем кед би ше озбыльно и досц глїбоко копало, под тим каменьом би ше нашло вельке благо. Же тоти цо плячкали и однімали по тих крайох кед Славянох ище ту не було, мали залезнуц до мочари цо тадзи

була одкеди одцекло Панонске морйю, та тото по цо ше дараз думали врациц закопали и положили камень од горе же би означели тото место най го легчайше найду, най видно з далека кадзи маю гу ньому дойсц.

Вше то було дакус розвязанших людзох, було и таких цо путовали по шведе, та вони виношели аж и можлівосц же то остатки даякого жертвенїка, олтара давних богох блукаюцих племенах чийо шліди скрити у глібоким ораню нешка плодних керестурских польох. Кед су нешка таки благородни, вироятно таки були и давним своїм жительом – заключую прихильніки наукових толкованьох.

Тоти цо на шицко патра як национално освидомени, котри ше стараю почитовац колективне паметане Руснацох цо почина з приселеньом наших предкох до тих крайох, та на шицко цо ше дотика Керестура, патра през националну историю, и, кед бешеда о Каменей кози веря до легенди котра би, поведзме, могла глашиц як ту списане.

У Керестуре ше вельо жило по салашох, та их було кельо на Косцелїску и на Билей, або аж и Брестовцу и Державки, тельо и на Селищу и Медешу, з гевтого боку нешкайшого бегеля. Но, та, гвари тота легенда, на єдним з тих салашох була одата якаш Юста, вертка и вредна, але гамишна и лукава невеста, котру, кед родичи одали оддихли, бо вше правела шора у обисцу по своєй дзеки, дакус и прето же ше наздавали же од ней буду мац хасну кед ше за газду одала.

Та, так и було. Не раз Юста на сподок кошарки, под масло и сир цо ношела предац на пияц, або под вайца цо ношела дакому до валалу под квоку, бо ше зна же салашски вайца лепши и здравши, та су придалнейши насадзиц – курчата буду здрави и напредни, положила и даяке зарезане курче, мешок зоз билу муку, чи фалат сланїни. Та кед зашла до мацери, вше було гладних цо ше єй обрадовали. Так их навикла же уж ю баржей чекали пре тото цо принесше, як цо були жадни видзиц ю и вислухац як жиє и повесц єй цо єст нове на валале, або єй ше похвалїц чи попоносовац цо вони

маю нове. Так ю обовязали же ше чувствовала же им муши каждираз дацо однесц.

Знала швекра же вона то роби, дацо знала, а дацо нагадовала, але джмурела, бо раховала же мир у обисцу найважнейши. А и була церковна жена, та тримала же давац тим цо не маю добре діло. Наостатку, на салашу и так було шицкого надосц, та им не хибело кед ше дацо одобрало. Думала швекра, кед невести дакус пуци на волю, та будзе баржей пилновац буц вредна и осетена и коло обисца, и коло дробизгу, цо була ей задача. Иншак, то були добри людзе, бо як би иншак пристали же би ше им син оженел зоз удобну дзивку. Свой масток сами змогли, та знали же вельо важнейше робиц и жиц у злоги, як бежац лем за добитком, не патраци кельо то чкодзи дакому у фамелиї.

На салашу млада пара була цали рок, лем на вельки швета ше одходзело до валалу, а швекор и швекра доходзели досц часто, оставали и длужей, окреме през лето. Од ешенї до яри углавним були у валале, та з нїма були и унучата бо им требало у валале закончиц оводу, а вец ходзиц и до школи. Старчели ше з роботу, вше мали и служку, хлапца котрому могли наказац най чува швинї, позбера вайца зоз гніздох, плаши страки най не позбера курчата, качата и гушата, пообера парадичи, огурки, або поподруцуе громадки кукурици у ламачки же би ше рисаре, цо ю ламали и одвожели, не затримовали ище и з тим. За служку було вше роботи, и влєце, и вжиме. Влєце ше баржей робело по вонку, а вжиме ше служково задатки меняли: требало лупац кукурицу, принесц огриву до пеца, поодметац шніг кед нафуркал до конку, або през шніг направиц дражки по кармики и хлїв...

Служка мал посцель розложену под драбину у коморки, а кед сцел влєце могол пойсц на шопу дзе пахло шено и чувало ше серсан преруцени на греди. Але, кед бул фришттик, полудзенок чи вечера, служка шедал за стол з домашнїма и едол цо предложене. Юсти ше тото не барз пачело, бо ше ей видзело же, гоч ше хлапец унїмал не хватац, и не есц бридко, заш лем, вше вельо поедол. Як би

и не, млади, роснул, а кажди дзень вибегани цо за статком, цо по дворе, наисце могол фест поесц. Окрене кед дацо любел, а любел найбаржей зоз сиром галушки.

Юста, заш, кед би винесла на стол миску зоз галушками зоз сиром, а таки цо ше у ніх сир цага як шнурки, а пахне на розпущене масло, вше нашла даяку роботу цо служба мушел такой послухац:

– Ноле, Митрику – гварела би кобояги уфарадлована од вареня, – вибегні опатриц чом так бреше пес, чи кури можебуц не вошли до загради, та их вижень. Або би ше, ніби, здогадла:

– Яй як горуцо, а курчатом не наляте води, та вибегні Митрику, улей им, бо озда поздыхаю на тей горучави.

А кед ше Митрик врацел на сподку миски остала лем даедна галушка, та вец би му Юста так добродійно:

– Яй, ни-а, остало ніби кус. Сцеш най ци одрежем сланїнки, така добра, та наеш ше ти и сланїни, агей?

Кед була недзеля варело ше курову юху, а газдиня по сцегно дала швекрови и мужови, сама вжала криделка, а дзecom подавала биле месо.

– А Митрикови ножки и гагор, бо вон люби оцицовац! – вимудровала Юста.

Лем кед би сцела дацо од служки, а таке цо очивисне не його работа, же би го намамунела най ю послуха и не зрадзи ю, винїмала з кишенї под фартухом даяку гадвабну бомбону, тоту цо на себе мала вецей смужки у фарбох, а кед ше ю цицало мушело ше то робиц помали, бо ше на ней знало порезац язык.

Тоти бомбони вше мала зачуване з пияцу, а кед му их давала, та му совитовала:

– Помали цицай, не хрустай, Митрику, а наобераш ми кайси там з верху до тей, ту ни-а, кошарки и охаб вец кошарку у коморки за дзвери.

Тоти кайси вецей вон не видзел, а анї ніхто у обисцу. Юста з німа додня рушела кед ишла на пияц, вжала их так, же би ю домашні анї не обачели.

Митрик окреме любел молодого газду. Шедал зоз нїм до коча кед ишли по бетелїну, слухал го цо ма робиц у хлїве, засакавал за нїм по дворе одкладаючи уж видли, уж лопату, уж цо му газда гуторел, а тот му, заш, вше хвалел кед дацо поробел.

Накадзи лем Юста збачела, або ше ей лем видзело же Митрик геверує, такой му дацо нашла и розказовала, а вше так, на розум:

– Не видзиш же кошар за чутки празни?!

Або би, так у преходзе доруцела:

– Митрику! Валовок курчатом сухи!

Часто ей требало дацо принєсц з пойда, дацо з коморки, дацо зоз заднього двора, дацо спод шопи, а дацо зоз загради.

Єдней недзелї, пред поладньом, юха уж пахла, а Юста ше здогадла:

– Митре, за комином на пойдзе цибуля. Вежнї сакай-товик та принєш, виберай и векши и менши.

Послухал Митрик, гоч була його недзеля, могол не робиц, могол аж и до валалу пойсц, але не мал дзеку. Видрапал ше по драбини, кус постал и кед ше розпатрел, рушел ше гу комину. Опрєз нього пирхнул з греди били голуб и Митрик ше лем на хвильку таргнул, а вєц розбегнул на тото место одкаль голуб вилєцел, прєшвечени же то голубово гнїздо и же там найдзе и голубчата. Зопнул ше на пальци, дзвигнул руку и почал мацац цо єст горе. Место же би, як очековал, намацал мєгке пирє, намацал цошка тварде коцкасте. Вицагнул тото цо намацал и видзи: шкатулка. Шкатулка цєлова, а на ней нарисована якаш фрайла и пише „каладонт”.

Спуцел ше нашєдзацо Митрик коло коми́на, розпатрал шкатулку, цошка не видзи як ше отвєра. Почеркал з ню, нїч з ней не чуц. Обрацал ю, обрацал у рукох, пробовал ю отвориц и за длуго не одкрил як, але наконцу ше му удало. Як поцагнул верх на горе, так ше зоз шкатулки розсипали папєри. Папєрови пєнеж! Вельо пєнежу, кельо Митрик анї

у руках нігда не мал, бо кед и достал дацо за Кирбай, то було лем дробни, метални пенсжчок, тельо за штолверку, або кромплъови цукер. Не знал вредносц того пенсжу цо ше у полуцмоти розтресол под його ногами, лем му було ясне же то вельо.

З пойда зишол так швидко як кулька, аж при комине охабел и сакайтовик и забул на цибулю.

– Бачи, бачи! – добегнул гу газдови котри ше виврацел у кухні на посцелку, чекаюци недзельови полудзенок, припатраюци ше як два жени рихтаю рейтеши и недзельову юшку. Бул порихтани кед будзе требац потлуциц мак у ступки, або натрец яблука, уж цо му даю поробиц...

Таргнул ше, бо го обняли дримоти од того шушканя и черканя цо чуц кед ше рихта єдло, та спушел ноги на жем гледаюци зоз пальцами папучи же би их надзал на ноги.

– Цоже, Митрику, таке нагле!

– Опатьце цо сом нашол – прибегнул Митрик гу газдови, тримаюци з єдну руку шкатулку, а з другу прицискаюци верх котри полуотворени бул оддулени, бо го папери дрiliaли на горе. Юста ше у тим оглядла и кед збачела шкатулку у Митрикових руках, аж ей випадла мисочка зоз розправеним сиром на рейтеши. Зблядла, и з руку у котрей ище тримала замасцену видлічку, несвидомо почала намесцац хусточку на глави, а уста ей остали розняти.

Тераз ше газда цалком розбаторел:

– Дзе ши то нашол?!

Митрик, возбудзени, обчекуюци же го шицки похваля, та му на хвильку пребегло през главу же го годни и наградзиц же им таке дацо вельке нашол, усакаюци сам себе до словох, стараюци ше же би ніч не призабул, потолковал як дошло до того одкрица.

Газда без словох хвацел шкатулку з Митриковой руки и прибегнул гу жени, цискаюци ей до твари:

– Цо то?! – злярмал так же и мац його цо у приклеце топела на рейтеши, убегла з вигрисками у руках:

– Цо ше стало? – умишал ше и ей крик несподзиваня до галайку цо настал, бо и ей муж, стари газда, вошел з питньом:

– Цо верестуеце, озда вас по валал чуц?!

– Вера цо? Ище ше питаце?! Маме крадоша у обисцу, но та тото! – Шкатулку з пенежми треснул на стред стола, на праве розцагнуте цесто за рейтеш, обрацел ше и зоз кудзелі у куце у єдним поцагу старгнул вершнік, дзвигнул го, та з нїм вдерел жену по хрибце, але так повесц, було то лєм по грубим, бо вона у хвильки преценюючи цо ю чека рушела гу дзвером, дрилела з локцом швекра цо стал на удзверйох и розбегла ше вонка, та драгом одруцюючи видлічку з руки и хлебовку цо ей була зацискана до фартуха коло пасу, вибила на дильов цо водзел од салашу гу орсаг драги.

– Ніч сом ци не гуторел телї роки, не сцел правиц зваду пре сакайтов муки, або килу грушки, чи груду сира, але тото, тото сом себе ані подумац не могол! – кричал газда за ню, не роздумуючи же чи го вона уж досц оддалена може чуц чи не.

– Гойдо єдна! – закончел свой вилїв гнїву. – Козо рога-та цо ши нас шицких з тима рогами до шерца поджобала. Бодай би ши ше там, у полю, скаменела! Же би ши ше скаменела.

Недзеля ше закончела так же ше ніхто нї гу кому не озвал до вечара. Єдло було недокончене, гу месу хибела мачанка, рейтеши були як з пету набити у тепши, але ніхто не доганял. У цихосци ше поєдло уж цо було и яке було, до вечара ше кажде круцел коло своєї роботи, керуючи ше стретац з даским другим, а кед ше звечарело, шицки так у цихосци и пошли спац. Рано поставали як обично и без словох и догварки медзи собу розподзелели роботи котри кончела невеста.

Митрик не розумел цо ше случело, але ше якош чувствовал виновати, та ше накадзи станул, лапел сам до роботи. Робел шицко цо ше му видзело же треба поробиц, у

першох го сцискало, а у глави му дубонело. Сцело ше му плакац, а знал же не шме, гоч не знал чом не шме.

– Цо зо мну тєраз будзе? – вибивало з його злєкнутих очох зоз котрима як вирни пшичок провадзел рухи младого газди. Тот як кед би не видзел хлапцово двоєне, ані його потребу за даяким словом, ані же ше хлапец инстинктивно поцагнул и ступял пред старшима, знемирени.

Служка ше змирел аж кед го, пред вечаром, газда поволал з гарадичох на конку:

– Митрику, гибай єсц!

Там, на гарадичох го дочекал и погласкал по глави. Митрик ше розплакал, як кед би у нїм пукла гац котра цали дзєнь зоперала потоп слизох. Газда го притулєл гу себе и скоро же му пошептал:

– Но, но, Митрику! Ніч ти, сину мой, не виновати! Шицко я то звинєл же сом дошлєбодзел.

Юста ше на салаш нїгда не врацєла. Ані ю у валале нїхто не видзел, бо да ю видзел, явел би на салаш. Єй фамєлия ю дармо чєкала же придзе на пияц до валалу, та же зайдзе до нїх. Даскєльо раз и пришол дахто з нїх на салаш опитац ше чи ше можебуц не врацєла. Вони ю и далєй чєкали, а на салашу були цигурни же за Юсту вєцєй мєста нєт.

Прєшла и єшєнь, прєшла и жима, а кед гу яри якиш члєвєк сцєл розруцац гной, цо му од єшенї стал вивєжєни на концє поля, та му видли з хторима сцєл розпочац роботу, увадзєли до чоґошик твардоґо. Одруцал гной з того боку громади, а под гнойом ше зявєл каменїско. Одкопал го кєльо могол, очисцєл од гною, ошацовал, пробовал го видрилїц на драгу, алє а-я, не мож було. Ютрєдзєнь пришол зоз братом, пробовали вони виважиц камень на дручки, та го так здрилїц до мєджи най не завадза кед ше будзе концє виорїовац, алє го не могли ані з мєста рушиц. Ярнї дижджи, а ище баржєй лєтнї запори, змили камень, та ше скоро билєл по концє у жицє, а два верхи з нього стирчали на верху як даяки роґи.

– Як даяка коза – ошачовали хлопи, такой як ше камень зявел спод гною, так го описали и дома кед приповедали же цо нашли на їх полю.

Єден час було то чудо цалому валалу, ходзели людзе тамаль и нароком, гоч не мали роботи у тей часци хотара, видзиц тото чудо, а вец, як и кажде чудо и воно ше забуло.

Лем дакеди, дакеди як одгук бурї цо прешла, та лем загартушени дубонь чуц з далека, так ше вше ридше и ридше у приповедкох давних Керестурцох споминало и зявене Каменей кози у хотаре. У подсвидомосци Керестурцох остало же клятва *Бодай би ши ше скаменєл, або скаменєла*, єдна зоз найстрашнейших котру мож вирекнуц. Прето ше ю керовал, та ше ю барз ридко чуло, а на щесце, у найновшим чаше на ню ше и забуло!

Зоз забуваня

ХЛОПСКА КАТА И ВИЩІР ПАЙТАШ

Одрастане на валале вше було якошик укоренете глібше до правого живота, як то мож у варошу. Як кед би дзецко уж з першима днями свойого живота зрастало зоз природу и одрастаюци преберало одну по одну обовязку та ше так оспособує за самостойни живот. Тоти обовязки вше векши и вше зложенши, рошню з ростом його цела и розума, та нет ніч природнейше як же, кед одрошне, дочека шицко цо живот приноши без стресу и страху.

Так одрастала и Катка, дзивче котре вчас остало без мацери и коло оца, котри ше не находзел у женских роботах, та ей не могол заменіц мацер. Правду поведзене, не ишли му од руки ані роботи котри други хлопци у валале окончовали у дворе и обисцу, на гумне або полю.

Не мал Катков оец даяке вельке польо. Мал лем едно, невельке, и мал лем одного коня з котрим того польо обраблял кельо-тельо як треба. Кед закончел свойо польо, за нього и його коніка нашла би ше вше даяка работа: дакому би требало дацо превесц, дакому преорац даяки фалаток жеми, даякей гдовици требала хлопска помоц, лебо ше одорвала доска на прощу, спадли дзверка на кармику, потаргали банти у курніку... За тоту роботу ридко доставал пенсж, але би ше му плацело так же му тот кого задлужел приходзел до помоци кед требало. Здала ше му и даяка миричка жита, чи кукурици, як додаток же би прекармел живину, чи дасдну швиньку, а того нігда не було досц.

Значи, вон своєю Катки єдиніци бул и оец и мац, а ані едно з того як би требало, та дзивче вчас дозрело и поставало валушне за шицко. Як одрастала, так вше баржей

похопйовала, же є у вельо койчим вештейша и порихтанша поробиц як ей власни оец, аж ю и конь лепше слухал як його. Пошвидко ше добре находзела и у шатви, и у жатви.

Катка, котра помали поставала Ката, видзела же з тим пребераньом роботох свойого оца вона поганьбює, але захопела же кед не превежне до свойх рукох шицки роботи коло газдовства и найвекшу часц роботи коло жеми, будзе им барз чежко прежиц. А же то було лем преживйованє, з тим цо зродзи єдно невельке польо, вчас видзела, бо ше на нїм зродзело лем тельо житка же би було покус хлеба за нїх двоїх од жатви до жатви. За шицко друге, було чежко, було потрєбне знайсц ше помагаюци другим.

Значи, одросла Ката до дзивки, гоч ше тото анї не могло баш повесц. Анї не барз випатрала на дзивку, бо анї, як други дзивки не облекала красни шмати, голєм на швета и кед ишла до церкви, анї не одходзела нас места дзе ше схадзали млади, та анї на ню нїхто у валале не патрел як на дзивку котру дахто спита, та же ше ода и будзе мац свойо дзеци и обисце. Кед же дацо було на ней за патрене, була то ей висока и моцна подоба, схопносц кед вожела до горе накладзени коч през бразди на польо, и по вагашох валалских улїцох, легкосц зоз котру руцала и складала снопи, лебо виношела мехи на пойд. З исту схопносцу и миром знала кед конц єшенї звалїц на жем тоту єдину швиньку котру одкармела за себе и оца. Сама ю опалєла зоз сламу, розпарала, розфаластовала, почисцела ценки и груби черева, євку и бендов, фалати сланїни насолєла, шкварки випражєла, колбаси надзала, та их ведно зоз шуночками сушєла и курєла же би витримали до Паски и по вельки польово роботи на яр.

– Як кед би була хлоп, а не дзивка – гуторєли людзе о ней, и з часом ше на ню залїпєло назвиско Хлопска Ката.

Нєсхопно, бридко, можебуц увредзуюцо, але найточнєйше. Нїхто не могол зоз сигурносцу повесц же чи вона и кельо класи школи закончєла. Углавним, то теди за дзивки анї не було такє важнє. Заш лєм, мушєло ше

припознац же ше добре ношела и з роботами дзе требало указовац не лем хлопску моц, але и хлопски розум: вибрац добри штверци, купиц праву шекеру, чи ашов, дроти и гвозди, же би шицко тото цо купела после, тиж так схопно и хасновала.

Знала ше и єднац кед дацо куповала, чи предавала. Не плациц вельо, бо вельо пенєжи Ката нїгда анї не видзела, найвецей кед предала даяке праше, вайца... Можебуц пенєжу могло буц и дакус вецей як цо го було, кед би єй оец, понеже похопел же постал нехасновити, та ше чувствовал непотребни, кед уж шицки роботи превжала Ката, вше частейше и вше длужей не шедзел у даякей карчми. Вона по ньго приходзела з кочом, уходзела би до карчми з батогом у руки, на хвильку на дзверох карчми застала и з єдним попатрунком одкрила дружтво з котрим оец шедзи, приступела гу ньому, влапела го полегко за плєцо, оддзвигла з карсцеля, виведла и виложела на коч и одвезла дому.

Як Ката постала моцнейша, оец єй поставал слабши, дробнейши, та го вше легчейше одводзела з карчми дому, покля ше єдного дня анї не пребудзел у посцелї, до котрей го вона пияного, змесцела пред тим вечар.

Остала Ката цалком широта, сама на швецє. Нїхто ю нїгда не видзел же би плакала, нїгда ше нїкому нї на цо не попоносавала, гоч ше єй сушєди зарєкали же ю чули дакеди як шпива смутну, прєсмутну писню:

*Отвор божє, отвор, тот фалаток жєми
най ше вижалуєм, оцови и мацєри.
Оца, мацєр, не мам, за родзину не знам.
Оцєц мац глїбоко, мили Бог високо!*

Знала шедзиц под конком, з руками зложенима на колєнох, зоз зогнуту главу, а з єй гарла виходзел глас шпиванки и як чежки гадваб прекривал цали двор, прелївал ше прейг капури, дорушовал перши прєходзацих и з нїх виривал загартушени

йойк, котри вони затримовали у Адамовим яблучку, обчаровани и зармуцени источасно.

Тот ей глас ніхто нігда не чул на явним месце, гоч би го вивежбане ухо могло препознац кед ше видвойовало медзи тима цо на коврушу шпивали тоту велічезну шпиванку:

И же херувими, херувими тайно...

У рокох кед Ката одрастала у валале, одрастал и хлапец котрого якиш газда єдного дня приведол з вашара у сушешним валале, бо го посановал пре його вигладнети попатрунок и зношени шмати. Хлапец не знал добре бешедовац анї єдну бешеду котри параст розпознавал, але бешедовал мишано, та ше у його бешеди могли препознавац и малярски и швабски и сербски язык, виroyтно языки обисцох у котрих од малючка як служба жил. Пошвидко у валале забул на свою мишану бешеду и почал бешедовац як и шицки коло нього.

Вироснул хлапец раз-два и постал досц вельки легиньчок, вредни и осетени, але му на твари остали тоти його вельки очи у котрих була безконечна зачудованосц зоз шицким цо видзел коло себе. Таки, зачудовани, а уж одроснути, знал застац на стред улїци, патраци за лем цо пребегнутима каруцями. Преходзаци по улїцох, по даякей роботы по хторей го газда послал, знал ше запатриц на даяку цифру на даедней паньскей хижы, та так стал и стал, покля би го дахто не зорвал зоз тей занешеносци. Знал ше зогнуц и погласкац даяке шене кед видзел же є шупене и скинчи, бо го дзеци охабели.

– Цо ше ужераш – питали ше му дзеци, одрилююци ше з нїм аж и у цєркви, дзе знал не кліпкаюци патриц на швицаци полилей над свою главу, лебо на вивишивани плац на паноцовим плєцу. Дзеци то нервовало, а окреме його парнякох, та му ше немилосердно, як то лем дзеци знаю, видрижньовали.

Кед пришол до валалу нікого не познал. У ридких хвилькох кед ше могол мишац з валалскима хлапцями бул збунени, не знал им мена те кед ше сцел озвец гу даедному, найлегчейше му було лем повесц:

– Гей, пайташ!

Та так тото „пайташ” постала друга часц його назвиска. Перша часц настала так же дзеци обачели як ше вон на шицко ужера, видзели як на шицко виширя очи, та пошвидко зложели:

– Вишир пайташ!

Його праве мено, кед же го и мал, ніхто нігда не дознал, а ані нікому, вера, не було брига. Нешка уж ані його як особу не паметаю, давно забуте яки бул, як випатрал. Лем у присловки кед ше сце повесц же дахто неуглядни и недостойни уваги, гвари ше же є як Вишир Пайташ, остал шлід же жил!

Роки преходзели, легине ше попачели дзивком, дзивки легиньом, вони их питали, правели свадзби, и сновали фамелії. Кеди и як ше Хлопска Ката и Вишир Пайташ стретли, упознали, полюбели – не зна ше. Можебуц того неуглядного легиня праве на велькей служби даедней недзелі, або на швета прицагнул ангелски глас котри чул зоз коврушу кед цала церква шпивала *Иже херувими, херувими тайно...*

Та, тота шпиванка його душу, смядну любви и ніжносци якей у цалим своїм живоце не зазнал, як зоз чаривну нітку приведла гу души дзивки котра, скрита за слупком, скромна и неупадліва, свою молитву за щесце якого була жадна, висповедовйовала шпиваюци Богови.

Но, уж як то було и кеди було, лем же ше валал швидко дознал же ше тоти двойо без свадзби побрали. Такой потим було чуц же предали тоту хижу у валале и же ше одселели на салаш у хотаре. Поєднали ше же буду бирещиц у єдного газди цо мал не хто зна яки, але шорови маєток. Йому требала помоц бо уж бул стари, та ше не старчел з роботу, а и жена му була нездрава. Дзеци не мали, та ше не мали кому придац.

Даскельо роки познейше, кед власніки поумерали, перше человек, а вец неолдуга за нїм и його жена, указало ше же ше вони зоз своїм бирешом и його жену так зложели же им преписали шицок свой масток.

Аж ше явела тедиш якаш родзина умартих, така цо чекала же би могла нашлїдзиц масток, але им у катастру дзе ше розпитовали поведзене же власніки шицко покончили ище за живота, и же вони не маю нїяки права. Червени у твари, бесни и нагнївани приходзели по двойо-тройо на салаш, та грожели Кати и Пайташови же их вони виженю, з адвокатами, а кед не, та з кияками, тих толвайох и тоту биду, и же побаную же вжали тото цо им не припада.

О тим як тота пара далей жила, скоро же нїч нет анї у даяких валалских документох, анї у паметаню людзох. Цошка ше як да зна же мали двойо дзеци, котри Ката, три-маюци их твардо за руку порядне водзела, голем кед бул жимушнї час до салашскей школи на Билей. Чи то були два дзивчата, чи двома халапци, чи дзивче и хлапец, то ше не зна. Тото аж не мож видзиц анї з архивох школи на Билей, там у тей часци хотара з правого боку, кед ше идзе з валалу гу Кули. Не мож анї дознац, бо ше не зна анї под котрим меном, анї котрим презвиском могли буц записани. Зна ше, медзитим, же дзешка, уж пред саму войну, або кед уж война почала, позно вешенї, кед поля уж були влажни и чежки, Вишир Пайташ пошол поорац и порихтац польо за жиму, кед одкадзшик пришли якиш крадоше, випрагали з плуга два богари у котрих ше цешел, а його побили.

Длуго того вечарта Ката, з лампашом у руки, гледала свойого животного друга по полю, док го не нашла шицко-го поламанога и з помоцу дзецох доцагла на стари салаш.

Днями му загойовала рани, нїхто зоз салашох доокола не знал цо ше случуе, лем обачовали же коло салашу якош шицко мирне. Теди и до валалу сцигла война и до войни виведла вельо легиньох и младих людзох, та ше хтошка здогаднул и на Вишир Пайташа. Одвели и його, а Ката остала сама з дзецми на салашу.

Єдного дня до валалу привезени зоз фронту одразу 16 мертви млади цела. Поведзене же вони погинули не так далеко, на побережю Тиси. Валал ше уж збегнул: мацери заламали руки, млади невести заяйкали, шестри и браца заплакали, родзина зацерпла. Ката пришла криста крижом през гони з дзецми, але цело ей мужа не було медзи забитима. Познейше до валалу пришол еден з ранетих, окрипиц ше, та гварел же там, на Болману, видзел Вишир Пайташа, же пада смертельно ранени, а далей ніч не зна. Ката пошла аж и на боїско дзе ище було неоднєшених мертвих, але Пайташово цело не пренашла. Анї на єдним памятнику тих цо спадли тей єшенї не стої його мєно, анї єдна улїчка у Керестуре не наволана по нїм.

И покля мацери у чарним, шестри и гдовици оплаковали своїх наймилших и здиховали, Ката ше врацела на салаш и вецей ю ніхто нігда не видзел у валале, анї о ней ніхто нігда ніч не чул, анї о ей дзєцох.

Мєдзитим, ище вше, кєд ше позней єшенї, путнїк даяки прибілжує гу валалу, може през цмоту обачиц дацо цо здабе на дим хтори ше викруца з комина дакедишнього салаша, нєшка прєтворєного до грамади руїнох. Дакеди, вноци, видно як кєд би дахто положєл лампу до облака, отамадз мож замєрковац пасмо шветлосци, як даяки знак.

Прєз шори нєвирубаней кукуричанки витор суци смутну прєсмутну мелодию, котра як баршонь облапя цали хотар, виволує йойк у першох тих цо прєходза, та на хвильку заставаю и скоро же мож прєпознац слова давней шпиванки:

Отвор, боже, отвор...

То Хлопска Ката ище вше чєка свою пару, Вишир Пайташа, и своєю дзєци котри послала до швета прєнайсц оца, же би ше врацєли шєдлаюци богарох, и прєдлужєли живот котри прєтаргнути правє кєд подумали же конєчно почал.

БОРАЇ И МАЧЕ

Там дзе нашо людзе жили пред приселеньом, хижу будовац не было так чежко як ту. Кажде з ніх могол пойсц до гори, зрубац черфу, два, три, кельо му уж требало, та кед бул схопни, могол сам, або кед не, замодліц дакого, най му стебла пререже воздлуж по поли. Вецка з тих половкох, одмераних по длужини яки би требали буц високи мури хижи, складало ше едну коло другей як мур. И так штири мури – хижка за фамелию. Як фамелия росла, хижу мож було звекшовац. На верх пришло закрице: греди з истих таких черfox, а по верху конари наскладани, з лісцами и то була охрана од дижджу и жими. З одпадкамі од рубаня и резаня древа затикало ше дзири там дзе стебла не приставали едно гу другому, а кед тото з часом повипадало, мож было обнавляц и знова до жими позатикац, же би през дзирки витор не предувал.

Але, кед пришли до тих крайох ту не нашли леси, лем полно гліни и води. Та почали правиц хижи з гліни. На выбраней порти намерали штироугельнік, до каждого його угла забили колок, коло колкох окруцели шпаргу, а коло шпарги копали фундаменти. До тих фундаментах сипали гліну и набивали ю з киянку. Кед фундамент бул напoлнени, з бокох ше заложело дески цо их заглобйовали з колкамі, и так набивали мури. Набивали кельо деска висока, вец прекладали дески, набивали далей. Гліну навожели з долінох цо их копали, а патрели же би була така цо ше не сипе, але добре збива, жовта. Мури росли, дески ше дзвигало, там горе их ше утвeрдзoвало, вец знова набивало. Чежка то була работа, робел ю цали род, а познейше ше на тоту

роботу позберало дружтво схопнейших, цигурнейших, котрим ше мушело плациц.

Так росли хижи, улїци, валал... На местох одкаль ше брало гліну оставали долїни, у котрих ше влєце дзеци купали, вжиме корчоляли, там ше вешенї мочело конопу, а з яри на долїнох було гуски з гушатами и качки з качатами. Кельо долїни поставали часц керестурского живота гутори писня, гунцутска, хлопска, хтору ше шпивало кед уж гарла дакус зограти од винка, а шерца одшмелени преказовац ше пред дзивчатми, чи младима невестами:

*Качур на долїне, качка воду пие
качур на ню вола врац ше душо моя,
врац ше душо моя...*

Смрод ше знал шириц кед конопи у нїх гнїли. Задлуго конопа кармела, алє и ховала Керестурцох. Жало ше ю, сушело, мочело, пресцерало, знова сушело, зберало одвожело и тарло, а вєц чесало на влакно, пачески и клоче, же би жени предли, спуцовали, а вєц ткали и предавали, кармели дзеци, куповали цукер и витрийон, ширки и даяке плаценко, а гачки и сукенки дробним дзецом.

Гоч таки, набивани хижи були цепли през жиму, а хладково през лето, вони були неодпорни на тото цо Керестуру найбаржей грожело: на води котри знали зяри и вешенї наисц, так же ше по улїцох могло прейсц лем у коритох, а гліняни мури лезли до жеми и неставали покля би ше хижи цалком не звалели. Та и кед уж викопани вельки бегель, и кед ше вода поцагла зоз хотара, по керестурских улїцох, а ище баржей улїчкох, тамаль кадзи вше були вельки лапоши, знала стац вода. Таки ше улїчки керовало и пешо, бо ше человек знал по уха залюштац, а з кочом, най ше не залежне.

У єдней такєй улїчки, на концу валала, котра на єдним боку була висша, а на другим цалком нїзка, з єдного боку були направени два-три хижи на тим, кус висшим боку. Тоти ше хижи медзи остатнїма почали замєньовац за тоти

цегляни. Кед не було на цалу хижу з цеглох, добре було голем фундаменти подмурйовац з цеглами, та гоч ше складало кус цегли на сек, дас на пол метера, а вец догоре охабело набиване. Тоти хижи у тей улїчки були озда медзи остатніма у валале цо свойо надово закрица зачерали за черепово.

А воздлуж другого боку розцагла ше долїна з котрей тоти хижи направени, а и даєдни у улїцох доокола. Ю людзе, покля є не завежена сама од себе и претворена до топольового лешика, волали Борайова долїна. Бо, єдна з тих спомнутих хижох була дом якогошик Борая. Була кус уцагнута, набивана як и други, а за ню вецей у шорику не було ані єдней, по заграду хижи котра уж була у шоре цо пререзовал улїчку. У тей уцагнутей хижи, прикритей з надом жил Бораї, котри часто пре воду цо ше доцагла аж по його капурку, тримал и капурку отворену. Мал вон и жену, але жена му була хорйовита, та вон вше сам виходзел зоз обисца, лем тельо кед мал дацо окончиц. Ані єдно, ні до кого не ишло, ніхто до ніх не заходзел, ніхто не зна повесц ані як вони двоїо там жили и зоз чого жили. Дакеди, зато, одходзел чловек до дакого помогнуц дацо на полю, або у обисцу, плацени бул уж як бул, видно було по дворе даяку курку же походзкує, але ше о ніх ніхто нігда ані не розпитовал.

Обачели людзе же уж єден час Бораї ходзи з кошарку у рукох, а даєдни твердзели аж же чули як да сам зоз собу бешедує, закукує до тей кошарки, закрива там цошка зоз ручнічком, а вец му на твари трепеци благи ошмих. Хто зна хто ше перши дознал о Борайовей тайни, та пошвидко то вецей ані не була тайна: у кошарки Бораї ношел маче. Мале, биле, таркасте маче. Єдно ухо мало чарне, а єдно биле. На тим оку цо було на боку дзе було чарне ушко, як даяка лабдочка бул чарни круг, а на хрибце мало тиж чарни шплях, як даяке шедло. Шумне маче, предло и умилно патрело на каждого хто би ше лапел до бешеди з Борайом и кому го вон дзечне указовал. Цешел ше вон у тим мачецу, а

кед видзел же ше и други людзе заинтересовали за нього, просто поставал весели.

Було би то так хто зна як длуго кед би не пришла война, а у войны велі хлопи наруковали и остали лем тоти цо не могли пушку тримац, а медзи німа и Бораї. За нього тераз було по валале вше вецей роботи, але заробку було вше меней. Єдного дня згуркло же умарла Борайови жена. Мало хто ишол за труну, але видзели гологлавого Борая, знова, и на хованю, з кошарку и мачецом у ней. О даєден дзень по хованю, у обисцу вецей не було видно нікого. Аж анї вечар ше не швицело у облакох, а капурка о єден час заросла до коровча, як и дражка цо ше по ней уходзело до обисца. Допитовали ше геверни дзе знал нестац Бораї и його маче, док хтошка не гварел же го видзел у Филіпове. Же ше и там не одвойовал од свойого мачеца. Прешли роки, а до Керестура ше врацел уж стари человек. Дахто препознал Борая, а дахто знал же то вон по тим, же викерчел коровче з двора же би до нього могол войсц, та ше уселел до свойого обисца. Ище ридше як дакеди, виходзел з обисца, раз на мешац видзели го як пешо попод ягоди одходзи до Кули, а кед ше врацал, помали преходзел по уліци. Дзеци, котри найшвидше одкрию особу котра им подобна, бегали за нїм, оскубовали го за реклу, цагали за рукав и кричали:

*Ишол дідо з Филіпова
читал себе божски слова,
А дзеци му помагали
Зоз торби му хлеб цагали.*

Бораї би ше на тото нашмеял, зацагнул руку до кишенки, вицагнул ю, а у ней вше було цифровани гадвабни бомбони, яки ше дакеди куповало на вашарох. Каждому дзецку спущовал по єдну-два до рукох, завиши кельо дзеци було, и предлужовал далей, гунцутски ше ошмихуюци, дополнююци дзединске видрижньоване.

*Я бул мали, не краднул сом
Цо сом видзел, ухватнул сом!*

– Гайде, най видзим хто кельо ухватне! – та руцал дробни пенези до праху, а дзеци аж да ше позабивали за нїма, збераюци их. То човекови охабело досц часу оддалїц ше од нїх и на миру пойсц дому.

Якош накадзи ше Бораї врацел з Филїпова, на його адресу почали сциговац писма цо на себе мали штемблю Америки. Закуковал валалски поштар, сцел знац хто то пише старому Борайови. Нагваряли го даєдни осетенши жителе у валале, же най отворя писмо над пару, а вец же го знова залїпя, лем же би видзели цо за писане у тей коверти.

И як то вше, так и тота тайна не остала задлуго тайна. Отворели на концу єдно писмо валалски любопитни и одкрили же писма посила Борайов син! Крашне, на концу писма, у котрим ше исти допитовал як жие и цо роби, чи є, чи шорови є, чи му треба ище дацо окрем тих доларох цо му нїа у писму приложене посила, було написано: поздравя це твой єдини син!

Аж тераз ше чудовали людзе по валале. Дошептовали ше, нагадовали... Аж пошла приповедка по валале же то Бораї, кед його умарла, дагдзе там у Филїпове жил з даяку Швабицу, та же зоз ню мал дзецко. Но, та, же то ма буц тот його син цо му з Америки пише и посила долари.

Осетели людзе пенєж, та ше Борайови такой нашла помоц. Понукли ше жени: єдна же му обилї хижу и зоднука и зодвонка, друга же му окопе заградку опрез хижи и за хижу, насадзи до ней цибульки, кромплї, лем най пове цо сце, а нашол ше и хлоп цо пришол же гат, нарубал наду вецей як му треба, та чи би Бораї не сцел най му претреше закрице, бо очивисно же ше на даєдних местох злегло. Же, опоминал го исти, же там кед не пречурело, док запада сигурно будзе премакац, та му упрепасци цале обисце.

На дацо з того Бораї пристал, а на дацо и не. Тоти цо му були у дворе и дацо кончели, приповедали же их нїгда не

пушел нука, та ше згваряли же там ма буц, бо бул сам человек, вельки нешор, та ше ганьби.

Роки преходзели, писма сциговали, але раз пришло таке же ше поштар не могол докричац до Борая, та вошел до обисца. Дзвери були замкнуті зоднука, бо було видно же ключ у дзверох, але ше ніхто не оздзивал, гоч кельо кричал.

Веца поштар пошел до валалскей хижи, одкаль пришли ише двома хлопи, вивалели дзвери и вошли нука. Там не було нічого. Ані живи, ані мертви Бораї вецей не жил у своїм доме. Образи стали у чолє, посцелі з двох бокох висцелени, коло пеца посцелка, а у приклеце коліска. Аж тераз ше чудовали валалски баби цо пришли закуковац до празного обисца:

– Цо ту роби коліска, кед Бораї дзеци не мал?!

Не могли ше пречудовац.

Роки преходзели, валал ше менял, на Борая забули шицки лем остала присловка:

– Цеши ше як Бораї у мачецу – гуторело ше кед дахто сцел вишмеяц дакого хто ше з дащим пишел, а не мал богзна яку причину за тото.

Приповедка о Борайови би ше так и закончела, да раз, уж гет по Другей шветовой войны, през валал не преходзел автобус, а у нім ше єдней жени з Керестура питал єден же чи то тот руски валал зоз хторого бул Бораї.

Пришло жени на розум же кед була мала, та слухала хлапцох як за єдним старим викриковали писньочку:

Ишол дїдо з Филіпова....

Та ше здогадла и Борая и приповедки о його мачецу.

– Я родом з Филіпова, познал сом старого Борая кед там служел, а з його сином сом ше бавел як хлапец. Приходзим опатриц моїх, бо тераз жиєм у Америки и робим у фабрики младого Борая.

Жена у чуду не знала цо повесц, та ше лем опитала:

– Яки син? Вон не мал ніякого сина!

– Баяко, лем муши буц же сце го не видзели. Бо, да сце го

видзели, та бисце го и запаметали. Бул вше барз умилни, таки билки, билки, але було незвичайне же гоч мал власи били як пачески, на правим боку мал таке як пасмо чарни власи. Аж му на тим боку и тото око, значи праве, було чарне, а друге му було белаве. Необични хлапец – заключел Американец.

Жена би не була жена кед би ше далей не допитовала, але Американец ей не знал богзна цо виприповедац. Знал лем же син пошол на самим початку войны, кед достал поволанку наруковац, же приповедал як ше скривал по гайзибанох, як ше уцагнул на ляду хтора го превезла преїт океану, як ше мучне находзел перши роки кед сцигнул до Америки. И же – цо було жени найчуднейше, о даскельо роки послал по адвокатуви и право, и пенсжи, же би одпровадзел його оца на драгу гу ньому. Кельо тот исти, путник знал, оец добре сцигнул и донедавна, дас дзешец роки назад, як умар, жил зоз сином и його фамелию.

Шицко тото жени було таке чудне и необичне, же о тим не шмела приповедац ані свому власному мужови, бо ше бала же ей пове:

– Удян, лем най це дахто не чуе, бо поведза же шириш плетки, та це вишмею.

Корцело ю, корцело, та ше зверела своей мацери. А мац, як мац, верела ей, бо то була ей дзивка, а уж була стара, не барз дочувала, та цо чула, не чула, але пошла до сушеди та истей виприповедала цо и як покапчала. Но, та, и сушеда уж була тварда на уха, але ей язык ище добре робел, та шицко поприведала своей шестри. Як то було претолковане, помишане, потрацене и позберане хто зна, лем же ше у валале таке койцо почало приповедац же уж ніхто не могол размерниц цо може буц правда, а цо сплетанїна керестурских геверних бабох. Судьба Борайова, його мачеца и його сина, и по нешка остала нерозмервена приповедка, а у здогадованю людзох уж ше страцело шицко о нїм, лем остало запаметане же людзе вишмею того, цо ше без причини цеши у дачим.

А хто то зна, хто яки причини ма цешиц ше у дачим, и хто ма право пресудзовац цо то дакому красне, або важне!

ДЗВОНІЦА

И нешка по валалох, як цо було и давно, найвисши будинок церква. Поведли бизме же вона и найважнейши, бо накадзи валал настал, вибудовани перши хижи, такой ше дзешка на стредку населеня патрело вибудовац церкву. Аж вецка ше будовало коло ней валалску хижу и школу. То були три главни будинки котри тримали валал ведно.

У школи ше учело виронауку, та дзеци, на швета, з учительками зоз школи рушали до церкви, за окремни обряди ше рихтали у школи, а вец одходзели до церкви. Найсвяточнейша була Перша причасц, вецка ше ишло свят руцац, вецка ше рихтало за Кирбай, та учело крачунски писні... Так дзеци одмалючка були вязани за церкву, як стредок красних сходзеньох, стретаньох на котрих жителе подознавали, и цо нове, и цо и хто ма дацо предац, и цо ше у валале ма случиц. Святочносци коло церкви у каждим оставали як найкрасши памятки з дзецинства. Висока церковна турня була прикраска каждого валала, але вона мала и цалком практични задатки: зоз церковней турні, у тлачидби ше патрело чи дагдзе не вибиє огонь, бо до тедишніх трешкох ше мушело топиц, робели на пару цо ше доставала зоз води котра мушела врец. Од такого огня, коло жита и слами, а на горуцим юлийским слунку, знала вискочиц искра, та ше знала запаліц слама коло ней, а дахто нездобачки могол направиц и вельку чкodu у хотаре – могло згориц и жито пре хторе ше парасти тельо наробели. Зоз турні ше явяло не лем о огню, але и о каменцовой бурйовой хмари котра приходзела на валал, а нажаль, з церкви ше з дзвонами оглашовало и кед ше война зорвала, або кед даяке войско надиходзело до хотара, та ше опоминало валалчанох

най чуваю уж цо чувац треба пред вояками под оружйом, котри мешацами од дому, розпушени...

Тота турня зоз златним крижиком на верху перши поздрав тим цо приходза до валалу, а остатні тим цо одходза. Краваром на валалским пасовиску цо мали добри очи гуторела кеди поладне, кеди маю напоїц крави, а шицким валалчаном указовала и кед ище не було шорови драги и дильови по хотаре, як маю найшвидше сцигнуц дому.

Але дзecom, дзecom турня була чаривне место. Як одрастали, так ше зберали коло дзвонох у ней. Хлапци бежали зоз годзинох у школи сцигнуц перши, же би им дзвонар дал обешиц ше за найвекши, поладньови дзвон, та кед би ше загойсали на його грубим штрангу, и кед их вон дзвигнул дзешка високо, аж до дзвонїци, то було уживане яке нешка можу дожиц лем тоти цо скакаю зоз падобраном, летаю зоз шарканьом, або скакаю тото новотне скакане цо волаю банджи джамп. Най не приповедаме же коло того уживаня не було за одручане и тото же схопним хлапцом роснул угляд у дзивчатских очох, котри ше як препилки зберали у валалскей порти, припатрац ше як хлапци дзвоня, и чудавали ше яки су шмели и моцни. Мали и дзивчата свою причину пойсц роботни дзень до порти, бо ше коло полцоровей Мариї у куце на нагорених швичкох назберало капки воску котри розмегчани у устох доставал прикмети правого жувача. Же то здабе на жуваче, дзивчата не знали, теди жувача анї не було, але уживали кед би им хлапци котри ше не бали од гриха же рушаю святиню, назберали з того воску. Лем найшмелши прескочели железну ограду и вошли до того малого оградзеного простору, котри здабал на камену пещеру у якей ше, там дзешка далеко, по паноцових приповедкох, зявела Лурдеска Мария, Мац Божя.

Та кед даедному дзивчецу, даеден хлапец частейше додавал воску, то виволовало зависц пайташкох, а кажда зависц вше нацагуе ненависц на того кому ше завидзи.

У чаше кед настала подїя за тоту приповедку до трецей класи ведно ходзел якиш Габрик и една Фемка. Габрик бул

схопни за шицко: направиц паридю зоз древених рошошкох и гумки цо викухтарел у мацеровой мирички дзе тримала цверни, игли и ножнічки, направиц найлепши шаланги и оштрогель на батогу, видрапац ше по найкрасшу бишалму у сушедовой загради, але и найшвидше пречитац текст у букварки цо задала учителька. Правда, лем красне писанє му не барз ишло од рук, тинту знал виврациц, пирко на пошви розчакнуц, у теки и кніжки направиц уха. Але, Фемки то не завадзало. Любела аж и кед ю благо поскубал за єй длуги чарни варгочи, бо шедзел за ню у лавки, а кед ше єй дзивчата, там у порти, пре тот восок видрижньовали: „Фраєр и фраєрка...”, не мала ніч процив. Мушела ше правиц же є нагнівана, але уж ютрედзень перша бежала за хлапцами до церковней порти.

Закончена школа, шейсц класи. Дзивчата своєю варгочи поскруцовали коло глави, под широки сукні пододавали ище даскельо викрохмалени, чулки вибреновали и почали ходзиц до газдинї, а вец и на танец. Габрик и далєй патрел ставац гу Фемки, дрец ше зоз ню так же єй розвязовал машлю на фартуху, а Фемка ше и далєй правела же єй то завадза, червенела и потайне уживала у Габриковой уваги. На Вельку ноц Габрик обовязно приходзел зоз своїм дружтвом облївац ю, вона за нього виберала найкрасшу писанку котру виписала, давала му аж и перши квет котри виквитнул у загради най себе положи за калап. На Кирбаю Габрик за ню виберал найвекше шерцо з медовніка, таке цо на нїм була залїпена слика двоїх залюбених, а под ню жвератко. Кед єй го дал, замодлєл най ше ведно опатра у жвератку, та ше им видзело же вони двоїо красша пара од тих зоз слики.

Назберало ше так за три-штири роки дзивченя вельо койцо у Фемковой шкатулки направеней з древа, котру нашлїдзела од мацери, котру ше ношело за млоду у винчаню. Шерца ше не месцели, та стали под образами, а у шкатулки було и плехово чати до власох з гвиздочку на концу, и косцови гребеньчок, и гомбошка зоз стрибла, и

пацёрки кола шіі зоз билих и белавих перлох. Шицко то було Габрыково дарунки з котрима ю знал обрадовац кеди лем мал нагоду. За тоті дарунки знала лем ей найлепша пайташка Юлка, котра ей наисце була така вирна же не гуторела нікому ніч о тим, ані ю не выдавала кед ше дакеди вимкла з газдині вонка скорей як други, або гуторела же идзе по воду и же ше затримала бо зашла до Юлки по брe-найзло, або теку дзе списовала мустри за вишиванє, а у ствари ше була, у улічки дзе було цма и дзе людзе ридко преходзели, видзиц зоз Габрыком.

Юлка аж думала же ей неолдуга будзе дружка, кед по валалє гуркло же Габрыкова мац послала питачку до єдней іх пайташки, котру ані не барз познали, але знали же и вона себе уж выбрала лєгіня по дзеки. Кед тото дознала Фемка так ше розплакала так же ю мац длуго благала и наказовала ей най ше не укаже же ей неправо, бо ше нігда не ода. Хто ше зосце оженіц зоз дзівку котра тужи за другим лєгіньом. Плакала Фемка и кед пошла до Юлки, вони два шедзели длуго под ягоду на драже, бо ше Фемка наздавала же наидзе Габрик и поцєши ю же то шицко не правда. Але Габрик не наишол ані тот вечар, ані други. Аж треци дзєнь прибегла Юлка и гварела же стретла Габрыка, та вон одказал най пове Фемки же би ше нашли навечар, кед шицки полегаю, и кед валал зашпи, у церковней порти. Лєгла и Фемка, але ей шерцо било, и вона не мала мира док на церковней турні не вибило єденац годзин. Помали вишла з обисца, загуляна до цмєй хустки, гоч була цєпла лєтня ноц и не требало ше хто зна як облекац. Ані сама не зна як швидко сцигла до порти, а там, за слупом уходних дзверох стал Габрик. Кед го видзела сцисло ю у першох и лем сциха заплакала. Вон ю гласкал по власох и змирийовал:

– Шицко будзе у шоре, я муж другей не будзем, лем твой.

Кед видзел же ше дзівка змирела, Габрик винял зоз кишєнки якишик дрот и з нїм отворел уходни дзвери до цєркви. Уцагли ше вони двойо до цмоти, Габрик тримал Фемку за руку и поцагнул ю гу дзвоніци. Помали ше почали

драпац по узких гарадичох, омацуюци мури коло себе же би ше знашли и не попадали, перше Габрик, а Фемка за нїм. Без слова, сцигли цалком горе, там дзе Габрик, кед були мали часто одходзел виберац тащи гнізда цо их ношел Фемки, а познейше, кед ше Фемка одшмелела, часто и вона знала одходзиц з нїм там, медзи дзвони дзе шедзели, патрели през облачки далеко до польох и приповедали о тим як задумую далеки швет котри ше пресцерал споза горизонт. Кед би ше случело же годзина вдерела док були там, рознімали уста и затикали уха, шмеяли ше и надкривовали зоз звуками котри им потресали похребцину. Преходзело през Фемкову главу, як их раз застало поладне док були горе, кед ше кивали дзвони медзи котрима ше теди нашли, ліво право, а у нїх вельки кулі правели звуки од котрих би ше була барз злекла лем кед би не було Габрика при ней. Уж не паметала яки то дзень бул, лем зна же предзваняло зоз шицкима и же теди подумала яке то торжество у турні кед ше шицко треше, як на Судні дзень, и крашне и страшне источасно.

Тераз дзвонїца була циха, попатрунок през ей облачки цалком иншаки. Долу видно було лем цмоту, та валал випатрал як даяка велька дзира, у котрей лем дагдзе-дагдзе жижачи даяки каганец, а вони дзешка над тоту дзиру, анї на небе, анї на жеми. А над нїма, над цалим валалом, розпирсли ше милиярди гвизди, далеки и жимни, даєдни лем джмуркаци, обецуюци. На дну того неба, як кед слунко шеда влєце, бул полни мешац. Його шветло вецей не мало моци ошвицовац валал, але ясно ошвицовал далеки валалски пажици, котри випатрали як посипани зоз стриблом под його шветлосцу, бо ше роса спушцела на цеплу жем.

– Гибай, не бой ше – гварел Габрик и лапел ю коло паса.

През ню прешло поцерпане, але пре його мирни глас и нїжну руку, швидко нестало. Приступела гу облачку и здихла.

– Гей, шицко тото мушиме охабиц кед не сцеме же би нас розлучели – гварел Габрик и здихнул и сам. – Але, не бой ше, будземе ведно навики.

Єден час постали, а вец дзвигли руки гу гвиздом и гу мешацу, загойсали ше як даяки прекрасни дзвони и пушцели. Лецели вони, лецели през тоту летню ноц, благо и ніжно, гу заєдніцкей вичносци.

Кед ютре рано додня дзвонар пришол видзвоніц пацери зачудовал ше як то дзвери виставени, а зоз церкви ніч не хиби. Оддзвонел пацери, та вишол вонка и запатрел ше на турню. Над турню летали два били голубки, та кед ше звуки дзвона у турні змирили, направели ише даєден круг и одлетли високо, високо, док їх його стари очи не страцели.

Кед о єден час єден майстор пришол оправиц годзину на турні, бо ей єден час мунтатови почали исц назадок, як кед би ше час врацал, вон замерковал же причина такей годзиновой роботи то же до годзини вошли голуби и направели нове гніздо.

– Так сом сановал тоти двойо голубчата у гніздзе же сом цале гніздо лем преложел под греду дзе го не годни зняц шванцаре кед же ше даяк уцагну до дзвоніци – гварел майстор.

Од теди дзвонар у догварки з паноцом дал направиц клатку на дзвери до дзвоніци, а ключ од ней мал вше при себе.

Габриково родичи ше барз нагнівали кед Габрика рано не нашли у посцелі, а ані ше им не явел, а кед чули же у исти час як и їх син нестала и Фемка, дзивка котру вони ніяк не сцели до обисца за невесту, виглашели у тей истей церкви же ше одрекаю од своего сина єдинца и же му ніч после своей шмерци не охабяю.

Як цо ше то вше случує и о Габрикови и Фемки сциговали задлуго непреверени вистки. Та же их дахто видзел у варошу, же ше Габрик запошлел у якейшик фабрики, други, заш, видзели Фемку як служніцу кед була з газдиню на пияцу, та ношела кошарку напаковану зоз шицким цо накупела так же ше ей твар не могло видзиц, але ю людзе препознали по хусточки як вяжу Рускині и по пасових сукньох.

Углавним, ніхто то уж вещей не годзен повесц цо прав-
да. Вона дзешка заплесена медзи сном и дню. Кажде може
видзиц кед ше запатри на турню и причека же би дзвонар
вдерел з дзвоном, як зоз верха дзвоніці вилетує чупор
билих голубох, та лета, лета около, обидзе цали валал як на
поздрав шицким його жительом и враца ше назад до свойо-
го дому. Або, кед ма щесца наисц на дакого хто зна нашу
стару смутну шпиванку, у хторей одгукує мотив
Габриковой и Фемковой любви:

*Керестурски штири дзвони,
так нам краинє дзвонєли,
полюбел я шварне дзивче,
дац го за мнє не сцели!*

ШАШКА

Було то пред тим як найстарши жителе валала були мали, скорей як їх баби були мали, а їх прабаби о тим слухали кед були дзеци. У Керестуре жили худобни людзе цо, и кед мали дакус жеми, мали ю у тей часци хотара у хторей знала або стац вода, або побило, або була неплодна, сейковита жем, а то були Сейки и Медеш. Нешка на тей часци Водица, а тамаль гу Селищу, котре тиж не було благодарне гу роботним людзом покля ше зоз тих гонох вода не спущела кед викопани бегелї цо ше там дзешка на концу хотара стретаю, пресцерали ше валалски пажици коло котрих драга водзела до Лалитю.

На тей пажици валалски кравар Янко виганял од вчасней яри по позну ешень крави, а на гацох старого бегелю дзивчата чували гуски и билели з руку ткане конопово платно, та ше так рихтали за одаванку: з гускох оскубане пире було до пирнагох заглавок и перину, хтори млоди ношели до млодийового обисца. Вибилени круги конопового платна ше резало на поньви, сламячи, ручніки, партки, хлебовки – цо ше вишивало и складало до лади котру легине на розберанки одвожели до млодия.

Янко ше одкадзшик приблукал до Керестура, гваря же бул зоз сушедного валала Лалитю, та ше барз швидко звикнул на людзох и людзе на ньго. А медзи тима дзивчатми цо на гаци чували гуски найверткейша була якаш Ганча, єдинїца у мацери гдовици, з конца валала. Була така весела же ше людзом видзело же и єй гуски були якош окремни, весели. Не сигурне же правда, але гваря же на ню думал поета котри вишпивал писньочку о Ганчи и гусочкох:

*Рано гуски кед Ганічка на пажицу гнала
Та на гуски, та на били „Гучага!“ кричала.
А з вечара кед змеркало, кед молга падала
„Бири-бири, бирки мили” – так гуски волала
А гусочки кед учули Ганчов глас на дворе
Так бежали аж трацели чижемки по шоре!*

Мала Ганча длугоки варгочи, котри ей викуковали спод хусточки, бо теди дзивку без варгоцох и без хусточки не мож було задумац, але ей спод хусточки тоти варгочи так подскаковали же кед Янко тамаль гонел валалски крави мушел боком патриц и задумовац яки ше ей канджурки правя под хусточку. А кед правел ошторгель и махал з батогом з котрим наганял крави, видзело ше му же так и тоти ей варгочкики пребегию пред його очми. Янково белави очи з пажици патрели на турню кеди треба напавац крави на валалскей студні котру, зоз соху, було видно зоз пажици на котрей Ганча чувала гуски, а Ганча заш тамаль кадзи Янко, випатрала кед слунко заходзело. Кеди год видзела же ше соха згина, ей ше видзело же ей то Янко маха на поздрав. Пайташком ше вигваряла же тамаль випатра на слунко кеди будзе заходзиц, кеди ей час гуски гнац дому, платно позберац...

Пошвидко пайташком постало ясне же медзи тима двоїма цощка настава и почали огваряня. Же би зопарла огварки, а думаюци же дзивчецу обезпечи щесце, ей мац прияла питачку котру послали едни пристойни и маєтни людзе у валале. Але, Ганча гоч спитана, и гоч ей пайташки завидзели же ше, ни-а, добре и пошвидко ода, була нательо смутна же то було видно, та ше по газдиньох почало шпивац тоту шпиванку, за хтору дахто твердзел же є з Лалитю принесена:

Наша Ганічка, лєм за Яничка би ше одавала...

Младим вше чежко розумиц причини старших, та и Ганча не розумела мацер, але ю нагварела же би ше не

одавала тей ешені, але на яр, або аж идуце лето, кед ище дакус гуски нахова и пиря себе до пирнагох назбера. А могла би себе з рису нажац конопи, намочиц и дац витрец, та наткац ище ручнічки и партки, най ма, кед ше до такого доброго обисца одава, най не идзе там, як даяка широта.

Але, того року, так гу ешені, зоз дижджом, з хмари котра ше надвила над Медеш на поля, нападали и желени коніки – тоти цо их дзеци док су мали лапаю и запрагую до шкатулки од ширки задумуюци же то кочки. Було то вельке чудо, бо ше приповедка о конікох котри попадали на ораніну и такой ше зацаговали до жеми швидко розширела по валале. Знало ше же по пажицох и по гацох коніки скакаю, але же би з неба падали, то було першираз.

– Добре же такой поздихали – пригваряли людзе после велькей Служби у церковней порти.

Але, нашол ше еден стари майстор котри досц путовал по швецце бо френдвал, так ше гуторело о усовершованю майстра котри по тим як закончел шегертоване мушел пременіц даскеліх майстрох и вецей места же би достал калфовске писмо, цо гварел:

– Недобре то будзе, то шашка!

Жимске оранс одкривало били ваїчка котри нанесли поздихани коніки, та чарна ораніна випатрала як з вапном попирскана.

– Мраз их вимражи – наздавали ше людзе.

Але, кед пукла яр, и перши лісточка жита, кукурочки, травки, ярцу, чи бетеліни, ше розширели на слунечку, дзешка медзи Вельку ноцу и Кирбайом, зоз жеми почали виходици и на ніжни рошліни ше драпац желени коніки. Тисячи и тисячи гладни инсекти галаво огризали ніжни стебелка.

Виведли дзивчата гуски з гушатками на пажицу. Але пошвидко ше з Медешу неочековане войско конікох розширело, а кед поогризало цо могло и було, змоцнети инсекти розширели кридла и надлетали вше далей и далей. Желеного вше меней, а коніки було вше вецей! Преходза з

поля на польо и як поля поставаю вше биднейши, так вони поставаю вше розкошнейши.

Власц ше застарала, бо видно було же з роду того року не будзе ніч, а кед людзе не маю, ані не могу дац. Та видати розказ:

– Шашку ше муши вилапац!

Бо, знали тоти у власци же ше шашка будзе шириц и на други часци хотара, и же вона не остане лем на Керестуре, же чкода будзе превелька не лем за парастох, але и за цалу державу.

Людзе зохабели шицку роботу, а роботи хто зна кельо ані не було, кед оголени поля вецей не требало ані копац, ані огартац, ані ше на пажицох не могло напасац статок – бо не було нічого на ніх! Лапали людзе шашку до мехох, зберали ю зоз польох, а ей було вше вецей и вецей. Цо ю баржей лапали, вона ше швидше ознова указовала, як кед би просто булькала зоз жеми. Пришло до такого же не було дзе стануц, а же би ше под ногами не чуло як храпуца згажени цела и кридла инсектох.

Вец власц пооштрела розказ:

– Власнік каждого ферталя жеми муши назберац пейц мехи шашки!

О тим ше аж водзело записки: людзе на кочох привожели пейц мехи шашки и вони були означени и одношело ше их далей закоповац до глібини...

Але, ратунку и конца тей покори ше не видзело.

Видзела власц же ше рихта препасц, та видати ише строгши и яснейши розказ, з котрим залапени шицки жителе, без огляду чи мали жеми чи не, и кельо мали.

– Кажде муши налапац пейц мехи шашки!

О тим до керестурских хронікох записане:

– Кочи преходзели коло валалскей хижи. Людзе одвязовали мехи, указовали яки су наповнети, писаре писали хто преходзел, ешкути контроловали, а сержане мерковали чи дахто не кламе валаску власц. Сержане аж и по валале ходзели проверйовац чи шицки назберану

шашку спалюю и закопую, як розказане, чи розказ не потупюю!

Але, шашка ше не придавала. Як кед би зоз човековой муки и зною лем росла, росла, множела ше и ширела. З Медешу шашкова габа рушела на Сейки и на Селище.

– Цали валал у хотаре. Лапаю людзе коніки зоз роштами. У хотаре и дідове и дзеци – шицки руки маю роботи! – писал хронічар.

Лапали и стари и млади прекляти хробаки, мехи полнели з німа, спальовли их, даедни их глібоко закопвали, а шашки було вше вецей. Жедла кукуруицу, жедла ярец, жедла овес – оедла житни поля.

– З поля на польо, шашка идзе як вода. Людзе ю дочекую на своїх польох на Косцеліку, на Брестовцу, на Билей. Як доходзи так ю лапаю, боря ше, але робота даремна! Шашка почина прелетовац, спущує ше стред житних польох и високе уж жито за хвильку нестала – могли людзе лем приповедовац тото цо видзели и слухали од тих цо обиходзели свойо поля по хотаре.

До людзох вошол страх, уж видза гладни очи своїх дзецох тей жими, уж видза од гладу поздихани статок, приставаю робиц дзень-а ноц, таманіц шашку.

– Мехи полни, а шашки тельо, же на жем не можліве стануц дзе ше зяви. А вона идзе шором, ніч не охабя незожарте. Пред прешрашенима людзми нестала їх труд, їх ютрейши живот, надія... Шицко жедзене на Медешу, на Сейкох, на Селищу... Людзе себе помочи не могу.

Обрацаю ше на Бога. Сходза ше коло церкви, модря ше, дзвони дзвоня, волаю небо до помощи, кед ей уж на жеми нет. Дзвигаю глас своєї молитви до неба, процесії з крижами и кандилом, з молитвами на гамбох и у шерцох одходза до хотара, а шашки ніч.

Хотар пусти, людзе забриговани, попатрунки празни, бо ше застановюю на празних дворох, кармиках, закукую до празних коморках, чувствую празни жалудки. Глад очивисна, нестримовно приходзи до валалу, а шашка не одходзи.

Ганча своєю гуски, одну за другу порезає мушела, не дочекала же би пиреросло за скубане. Гушатка од гладу ше лем преврацала и їх однесла закопає до гною. Охабела лем одну, себе наймилшу гусочку, за ню винаходзела и остатню травку коло ярку, з ню як з найлепшу пайташку приповедала, свой смуток ей споведала... З ню ше одного рана рушела з вонка валала, там дзе ше дакеди на Янков чупор валалских кравох припатрала. А и Янко остал без стада, бо людзе статку есц не мали цо дає. Дає порезали, дає поздыхало, маєтнейши ше осетели та го на други валали попредали.

Очивисно, не було прецо вецей еднає кривара, не мали прецо пушає крави на пажицу на котрей трави не було. На тоту голу пажицу вишол того рана и Янко. Озда себе ради не могал дає, бо Ганчу длуго не видзел, або му шерцо гуторело же ше там стретне зоз любену дзивку. Вишол вон на пажицу, одпитає ше од Керестура и своєю сна о нїм.

Припатрал ше еден час на турню церкви у котрей, чул же неодлуга будзе з другим повинчана Ганча. Думал як прешлей ешенї з дзеку замаховал зоз батоєм, бо верел же Ганча слуха як вон пука зоз батоєм и дума на нього. Розцагнул ише раз, остатнїраз, свой криварски батох, порозпатрал чмигов и ошторгель на нїм виплєцени. Паметал з яку радосцу го украшовал, же би бул источасно гласне, а нїжне ранше будзене и вечарши поздрав любеней. Такого го задуманого застала Ганча при студнї на валалскей пажици. З гусочку у рукох вона вишла з валалу, страєна и зармуєна, а обрадована кед го збачела.

– Ганчо, за мене ту вецей роботи нет, а и живота без тебе. Идзме отадз! Придзеш зо мну?

Ганча заплакала, бо ше од своєї маєри и од своєю обисца, пайташкох, не одпитала. Погласкала свою гусочку и зогла главу.

– Не бой ше, я млади и здрави, найдземе себе нови дом, заробиме хлебика – нагварял ю Янко. – Опать, схопни сом,

кравара треба у кождим валале! Озда шашка не прекрила цали швет!

И як кед би ей сцел указац свою одлуку одпушиц ше до швета, розмахнул з батогом, направел широки круг и нагло таргнул гу себе. Ошторгель пукнул, його оштри звук розпарал небо над валалом, як кед би штрелело моцне дзело, з турні ше сплашели голуби, а гусочка у Ганчових руках, моцно стрепала з кридлами.

Людзе чули як пукане стресло цали хотар, дахто после приповедал же у истей хвльки кед ше зачул батог загагала и гуска, але же то ведно баржей здабало як кед у найвекшей бурі загирми и трешне гром. У тей ше хвльки з польох дзвигла чарна хмара понад хотар и за кратки час одлетла дзешка на сивер. То ше милиони и милиони желени коніки подзвигли одразу и напушели керестурски хотар...

И ніхто вецей у Керестуре не видзел ані шашку, ані Янка, а ані Ганчу. Лем и тераз кед дахто путуе тамаль на сивер, през малярски пустари, кед добре патри кадзи переходзи, може видзиц чупор гускох и стада кравох. А кождей яри, за гушатками по лем цо вироснутей травички бегаю дзивчатка з кандрастима варгочиками, а за кравами з бойтарами белавооки хлапчикове.

303 СТАРЕЙ ШПИВАНКИ

Єст мена хтори людзе ноша так як кед би ше так вещей ніхто не водал, та кед дахто їх мено пове такой ше зна же хто то – то такволани оригинали. Мал Керестур, як озда и кажде место на швецe, у своєй истoриї вельо таки оригинали, а ма их и нешка. О тих цo були давно не мож бешедовац, бо паметанє чoвеково крeгкe и краткe, а o тих тeраз тиж не барз мож, бо хиби тoтa oддаленoсц хтoрa живoт прeтвoрює дo лeгeндe. Лeм o тих, зaтрaцeних и пoкyс юрoдивих шлeбoднo шe бeшeдyє, шa и дoк жили нїхтo шe не унїмал пoвeсц дацo, прeз шмих, a бeз злoби.

Пoвeдзмe, Керeстурци и нешка, кeд чyю зa мeнo Емилкo, и тo прaвe так, як кeд би шe oздзивaлo гy дзeцкy, тaкoй сeбe пригaдaю пoдoбy дрoбнoгo лeгиньчкa, цo зaскaкoвaл кoлo тиж тaкeй дрoбнeй мaцeри, кoтрa швидкo, скoрo прeбeгoвaлa спoзa бeгeльo Вeльким шoрoм, тaк жe шe у тeй швидкoсци лeдвo oбaчoвaлo жe хрaмe. Вoнa aнї нe хрaмaлa, бo єй нoги пo длужини бyли єднaки, aлє мaлa нeщeсцe жe єй ищe у млaдoсци кoсaчкa лaпeлa нoгy и oдрeзaлa пoл тaлпe, тa тaк нe бyлa єй нoгa aлє тaлпa крaтшa, тa нe хрaмaлa, aлє нaдибoвaлa. Нa тoтy тaлпy oбyвaлa зби-вaнy пoдтaлпoвaнy чapaпy: зoз зчyгaвeнeй вoлни чaрнy, як цo єй бyли чaрни и шмaти у кoтрих бyлa ищe дрoбнeйшa.

Лoбeлa вoнa свoйoгo синa єдинцa, як кaждa мaц цo лoби свoйo дзeцкo, кeди лeм мoглa oбрaдoвaлa гo з дaсчим, дaякy бoмбoнкy, яблyчкoм. A бaрз ридкo мoглa, гoч би oбидвoйo ригуaлнo уживaли у лyксyзy, як нaпpиклaд у пaxу мидeлкa, кoтpe рoзкpуцaлa и дaвaлa гo пaxaц синoви, yж тaм, тaкoй пpeд дyтянoвим aвзлoгoм, нaпpeдoк шe рaдyюци якe тo yживaнe бyдзe кyпaц шe з нїм пpeд Вeлькy нoцy, чи Кирбайoм...

Не мож цошка розознац хторе з ніх двоїх перше умарло, лем сигурне же то було єдно за другим, пошвидко.

Други керестурски оригінал Данилко ище жиє, дакеди збити швидки хлапчик котрого вихасновйовал кажде хто сцел за дробни пенєж або зношену гандру, мац вислугу питомого шванцара хтори вироснул до мощного хлопа з дзединским розумом и шерцом. Уж теди го охабели тоти цо ше мали старац о нїм най ше стара сам о себе, чи хто сце. Закончел, гоч не таки стари, у старецким доме, порядне одходзаци з того свойого єдиного правого дому, до церкви, углавним, до малей служби, дзе позгодзени до дарованих шматох милосердно ше модлі Богowi на свой оригінални способ, поцешени зоз животом же у старосци ма закрице над главу, танєр цеплого едзєня и же є не сам.

Вони двоє задлуго були єдини цо мали таки мена хтори пре їх судьбу други керовали давац своїм дзецом, та зтим ище баржей оставали – оригінали, о котри ше уж скоро анї не бешедує.

Алє, єст особи котри не з меном, алє зоз свою окремносцу оставаю як шведкове часу, вони уж давно не жию, а о нїх ше ище шпива. Нет ошпиванши Керестурец як якиш Макаї и його давна любовна балмута. О нїм ше мало зна, аж анї того, чи правда того цо шпиванка бешедує, кепкарски, фиглярски, поспердно, алє очивисно и завидно:

*Макаї, Макаї, краише подстригни,
и го барз любела, бо бул вше прибрани...*

Народни поета звязал, алє лем часово, любов Макая и якейшик Ирини за збуване на старей ризкаши, державним маєтку на хторим велї керестурски дзивки з надніцох зарабляли на сукні, блузни, хусточки, ботоши, чи ципели, аж и дацо до лади без котрей ше не мож було одац. А там ше ище на биялох робело.

*На старей ризкаши бялу забили,
теди кед Макаї ходзел ўу Ирини...*

Ей, тота Ирина, чи ей то валалски дзивки завидзели, або то Макайови Ирина не була богзна як при шерцу, або му е лем подруцена!? Бо, ше о тей истей залюбеной у його мено поет досц некрашне виражуе:

*Не ходзел я за ню, але вона за мну,
як млада яловка, за желену траву.*

Но, та, прето и подозривосц о тим чистим и прибраним легиньови...

А правда, вироятно дзешка индзей, у живоце котри теди роздвоел веліх, та и спомнутаго Макая од дзивки котру любел, а котра не була тота Ирина. Наостатку, яки би то легинь бул кед би любел таку цо за нїм бега як млада яловка за желену траву?

Доказую людзе же Макаї наисце бул не лем першокласни легинь, по прибораню и по справоваю, але и по походзеню. Бул єдинец, з богатаго обисца, на Вельким шоре, у хижі на ключ, дзе у предніх хижох, кед були отворени облашніці пирхали гренадирово фиронги, зоз преплетанима гадвабними ружами вишитима на нїх и ройтамі посподку, котри були предлужене финеј мрежи виплеченој з руку. Кед витрик задул, або дахто уходзел до хижі, та направел цуг и одхилел фиронгу, видно було як з повали виша ширики полцорово лустери зоз криштальовима цицалкамі доокола.

Жени, цо були поеднани помагац пораїц и рихтац обисце пред велькіма шветами гуторели же у хижох патоси, та их вони зоз цирковима щетками чухали док дески не побилели, а вец масцели зоз окремним воском, та на нїх врацали тепихи, таки чежки же их хлопи мушели виношиц и уношиц. Цали валал приповедал о тим цо маляре, привезени дзешка з далека, малюю под айнфурт

капуру тижнями. А кед майстрове зложели своєю драбинки и позберали каблї з фарбами и щетки, велї себе видумовали вигварку пойсц пре дацо до Макая, лем най видза тотї малюнки цо там прекрили мури уходу на боку и до горе на округло.

– Як у церкви – гуторели тотї цо ше того чуда напатрели. – Лем же нет святїх, але якиш ловаре, бреги, пажици, загради, якиш красни жени и вшелїячини, о чим не мож лем з єдного патрєня поприповедац.

Хтора же би то дзивка вецка не сцела буц вибрана войсц до такого обисца, а за такого легиня, цо лем менял кошулі, лайбики и калапи... Та кед Макаї ухадзел до карчми кажда богата красавица, бо ше знало же лем вони приходза до огляду, зогинала ганьблїво главу у сладким поцерпаню, же праве ю вежне на танец и будзе ше з ню викруцац так же ей мац, цо стала под карчму з другима мацерами, будзе возбуждена як и вона сама.

И не лем на танцу, але и у церкви, або кед у чейзох до котрих запрагнул два червени конї преходзел през валал, млади Макаї прицаговал увагу и младих и старих. Же мерковал як є облечени у каждей нагоди и то була правда. Хлапци ше спатрали на ньго, гоч ридко хто го могол провадзиц, а и да мал, тото як ше вон тримал не мож було так поскладац – требало буц таки народзени.

Теди ше медзи дзивчатми цо ходзели до истей карчми видвойовала єдна Амалка, та кед ю Макаї першираз вжал на танец було шицким ясне же су народзени буц пара. Не тельо их подобї, але баржей тота їх окремносц, тото тримане, же на ней исти шмати, як цо мали и други маєтнейши дзивчата: ризово, кадифово, баршоньово, стали як на бабки. Маєтносц ей родичох ше не могла мєрац з капиталом Макайових, а и Амалка мала ище двох братох, так же ше знало же мужови не однєше хтозна кельо. Богатство у ей шматох не було шицко ей купене, дацо було мацерино, бо ше воно преношело од баби на унуку. Єдни шмати вредзели дакеди як ферталь, та и два жеми, а кед ше Амалкова мац

одала мала штири гатласки хустки, та кед правели хижу два предала и за достати пенєж купели древо и черепи на закрице. Таки дзивоцки шмати ше барз чувало и ценело як окремене богатство – цо и були. Худобни дзивки могли цале лето ходзиц по надніцох, та и так хто зна чи себе их могли купиц. А требало под нїх голем 4-5 били, шлингерайово, цо ше крохмалєло, пейглало и ношело лем до церкви и до карчми на танец, а роботни дзень и на роботу до поля ношело ше фарбарски, а посподку два три з платна як на перини верхи, гибаль же ше и на нїх вишило чипки и нашило кривяндри.

Не шмел ані Макаї вельо раз танцовац з Амалку, а и вона не шмела патриц на нього так же би було видно, але, то и теди любов, кашель и худобство не мож було скриц. На даскельо заводи на нїх дахто наишол док себе шептали у циню дачийого конка, чи капурки, та би ше Амалка задихцена и щервенета врацала до сали, з хусточку цо ю сцискала у рукох уцерала чоло и шию, прицискала з песцами перши и змирювала шерцо най так не дурка. Вец, едней недзелї у танцу Макаї гварел Амалки:

– Пошлем питачку, – а Амалка ше аж помилела у танцу од возбуженя.

Пошла ище того тижня питачка з Макайового обисца, але не до Амалкових родичох, але до едней їх родзини. Та такой после Русадльох була свадзба. Амалка ше похорела и мац, не знаючи цо поробиц, поволала познату врачарку зоз Капущаного шора най ей рубє грош, бо иншак не будзе добре, видзела вона. Пришла иста, кед слунко шедло, питала еден грош, дало ше ей, вона го положила на праг уходних дзверох, прежегнала ше и цошка себе прежубронела под браду, вдерела зоз шекерку по нїм так же една половка одскачела до приклетя, а една аж на двор. Слова котри при тим вигварела нїкто не розумел, а вона кед видзела як ше два часци гроша розлетали на противни боки, задовольно гварела:

– Шицко будзе у шоре – и пошла.

Гуркло по валале, и о Макайовой женідби зоз не таку далеку родзину, але и о тим рубаню гроша, та еден час Амалка мушела буц дома, же ше похорела. Кед ше одшмелела пойсц до дружтва, Макаї уж бул оженети, та не було страху же ше стретню.

О рок ше и Амалки трафел млоди зоз Коцура. Мирно, як цошка цо ше муши, прияла гатласку хусточку на главу, цо ей будуца швекра послала. Зложела ше и з тим же такой з мужем пойдзе на салаш. Там ше лапела до шицких роботох цо на ню, як на газдиню, чекали, як знала и могла. Мужови нігда не превредзела ані слово, але му ше нігда, як млада жена, ані не порадовала. Була уж озда и два роки одата, а до валалу не сциговала ніяка вистка о тим цо швекра чекала – же ше поновя.

Але, зато, кед пришла до мацери, дакедишня верна ей гварела же ей дакедишні Макаї уж ма два дзивчата. У тим ше зорвала война и ей муж, як и други млади хлопи з валала, наруковал. Лем Макая оец, як единца виседнал, та го не одвели.

Не прешол рок, а Амалка остала гдовица и скоро источасно єдина нашлїдніца, бо ей обидвومه браца погинули, а ище непоженети. Понеже була без дзєцох и ніч ю не вязало вецей за фемелию ей мужа, врацела ше гу родичом, у ствари гу оцови, бо ей мац од болю за синами швидко пошла до вичного обисца. Як оец дослуговал, вона була тота цо провадзела зоз мастком. Не барз напредовали, але им двоїм було досц. Амалка и як гдовица остала лакомна, вивязана у хусточки, випасна високо, як ше младей жени швечи, у папучкох одходзела з кошарку у рукох до дутяну, або на пияц. Ище вше ше за ню оглядали и хлопи и жени, перши поровнуюци ю зоз своїма не старшима од ней, але о себе незадзбанима женми, а други, пробуючи одкриц цо то вона ма таке же ю видвоює од других. Бо, кед патрели на ню и шмата, и обуй, и хусточка на глави були як и їх, але вона вше випатрала иншак.

Задлуго Амалка керувала преходзиц през Макайову улїчку и попод їх облаки. О даскельо роки и други жителе почали кероват тамадз ходзиц, бо ше знали нараз отвориц облаки, а на нїх би ше знала зявиц даедна з Макайових дзивчатох и нїгда ше не знало цо кого могло од нїх знайсе: дакеди даедна лярмала, а друга була цихо, дакеди ше обидва реготали, знали и плювац на каждого хто преходзел, а боме знали и руцац койдзєяки предмети з тих облакох, вельких и високих. Окреме ше од нїх бали дзеци цо ишли зоз школи лебо зоз церкви, та кед мушели по тим боку преїсе найволєли буц у групах, а то Макойово дзивчата ище баржей знемирийовало.

– То зато же им оцц и мац блїзка родзина – чули дзеци цо ше поносовали на Макайово дзивчата, як старши медзи собу бешедує у довирию.

Амалка перше почувствовала цошка як задовољство вимсценя, а вец ше загнїбела од себе самей и пробовала цо мирнейше преходзиц коло обисца и дзецох свойого любеного з младосци. Вец ше цошка у Макайових случело, жена його закончела у шпитаю, а дзивчата, уж вельки дзивки, одвели до „шаленей хижи”, так гуторели людзе. Цо було, цо не, то нїхто не знал, або тот цо знал не сцел повесц, бо ше бал же приповедаюци о цудзей бриги нацагне бригу на себе, та мудро бул цихо.

Макайову жену вецей нїхто не видзел анї на улїци, анї у церкви. З обисца виходзела и до нього уходзела лєм дакеди єдна худобна гдовица, без дзецох цо ше подняла старац о обисцу и о тей жени.

Як ше давно залюбени стретли, цо бешедовали цо не, то нїхто не зна. Амалка як и други жени у єй рокох, а була уж роками сама, бо и оца поховала, почала з яри виходзиц опрез своей хижи и у плєченим карсцелю чекац найспадне ноц. Чудовали ше сушеди же не приходзела гу нїм бо ше вони вше схадзали опрез трецей хижи, а вона оставала сама. Вец ше чуло же Макаї превжал робиц єй жем, та мал вше даяку вигварку заходзиц гу ней. Почали огварки:

– Водзи ше з Макайом – жубротали жени и так ше намесцали же би видзели чи гу ней доходзи кажди дзень, кельо ше затримуе, чи уходза ведно нука, чи замикаю за собу капурку, кельо ше длуго швици кед вечар... А Амалка, виязана як млада невеста, лем тераз у цмих фарбарских шматох, вше зоз вивиксанима папучами, чисту хусточку у руках, у блузни з фодрочку коло шиї, мирно шедзела каждого змерку як кед би цалого живота чекала на того, та конечно дочекала цо мала дочекац.

Як час преходзел давна пара постала вше меней зас-тарана чи их дахто увидзи и цо пове. За капурку стал стольчок о три ноги, та кед наишол Макаї, лем отворел капурку, долапел столчок и шедал гу своєї несудзеной. И тераз вше бул у новим калапе, блишових панталанох яки озда ніхто у валале не ношел, з реклу преруцену на плещох, змирено курел своєю купчи цигаретли. По тих панталанох и калапе жени и препознали Макая. И кед ше приповедка потвердзела, кед ше уж цали валал доисцел же ше тоти двойо схадзаю не скриваюци ше, опущено шедза у цеплим воздуху и вше маю полно цихей бешеди, вецей анї не були за огварку. Кеди-некеди знала спод громади рокох вискочиц давна приповедка о їх дакедишней любви, присмачена зоз твердзеньом дасдних же их мож влапиц як ше тримаю за руки. Кед би их и видзели же ведно уходза до ей обисца, то вецей не соблажньовало нікого. Як кед би ше им удало поставиц лем за себе правила справованя яки по теди за нікого у валале не важели.

Були и пред тим и после керестурски любви котри ше закончовали и щешліво и нещешліво, але лем о тей едней ше и нешка шпива, покус упрекосно, покус завидліво, найчастейше кед од винка, чи паленочки, контрола дакус попуци, та дахто започне:

*На старей ризкаши бяялу забили,
теди кед Макаї ходзел жу Ирини.*

Кед ноц мешачна, у старей магнури пред дакедишню
Амалкову хижу загойсаю ше ей викрохмалени сушци
шмати. Кед округли зарнасти плоди спадню на жем ягда
заклапкаю ей папучи, воздух през Вельки шор занеше
цихе здиховане, як глібоки жаль за младосцу цо прешла,
дармо.

НЄБОРАК

Кед ше народзел було то вельке поцешене и за його оца и за мацер, а окреме за діда и бабу, котри так после даскельо рокох поцерпаня и наздаваня конечно могли оддыхнуц: народзел ше нашлїднік, не такого велького, але значного маєтку цо вони згазовали, а покус и нашлїдзели. Дзеочко було ище и шумненке и напредне у перших мешацох, а вецка наишли моровки до валалу, велї мали, и кус векши дзеци помарли, а вон, Ферко, як му дали мено по дідови, истим цо го мал нашлїдзиц, прежил тоту оберацу хороту и не так же престал роснуц, роснул якош як тота рошлїнка цо ше ю уноши до конку та є длуга, а ценка, а нїяк не квитне, не розконари ше и не приноши плод. Же цошка з нїм не у шоре доисцело ше кед почал ходзиц до школи, бо му окрем азбуки и подписа власного мена и чишлїц до дзешец не могло вецей войсц до глави. Кед уж як вельки ломпов волел шедлац прущик як цо шедлац правого коня, цо го дідо викармел так же ше му швицел хрибет и аж дзвигал хвост кед бежал по улїци, порадзели ше шицки у обисцу же буду патриц Ферка не пуцац звонка обисца и мерковац же би вше бул дахто коло нього и кельо мож обкоровац можлїви чкоди чи нещесца у його справованю. Бо, кед Ферко ходзел гу дзецом на драгу бавиц ше, дзеци швидко вибачели же вон легкого розума, та ше почали спердац зоз нїм:

– Ферко, неборак, здзал би гачи, не зна як! – кричали за нїм и шмеяли ше з нього.

Дзеци ше шмеяли, а тоти напаснейши ишли за нїм пробуюци му сцагнуц гачи, бо ше теди дзецом шили клото-во чарни, або цми белави гачи до хторих ше удзивало гумку

у пасу, та ше их легко и облекало и зоблекало, а то за таку челядз цо ше знала по остатню хвильку забавиц було барз важне же би ше не обстало и не поганьбело ше. Голи Ферков задок и його подскаковане, бо пре гачи на колене не могол як треба ходзиц або бежац, виволовало реготане и менших и векших дзецох.

А Феркови як кед би не було важне же ше му видрижнюю, вони ше шмеяли, та ше и вон шмеял, аж ше радовал же вон тот, цо так забавел шицких. Лем же родичом, цо тото видзели, розумліво, було не право, та прето и одлучели же го не буду посилац на драгу, гу дзецом. Окреме кед ше частейше почало случовац же ше врацал дому зоз вельку гирую на глави, як же до нього дахто руцел цеглу, або зоз розкирвавенима коленами и одранима дланя-ми, як кед би го дахто нароком, а не нездобачки дрилел.

Феркови не завадзало же оставал у дворе сам. Нашол вон вше себе даяке бависко: драпал ше по звишкох, одкадз го гнетка знімали, бо не знал як зисц, бил з паліцу по квецу у заградки, та ше баба з нїм вадзела, скакал зоз сека долу и знова ше драпал, або лем так, звисковал по заднім дворе, махаюци з паліцу, та плашел дробизг.

Роки преходзели, а Ферко не дорастал до легиня ані по випатрунку, ані по розуме. Пришол час порадзиц ше цо ше будзе далей робиц зоз хлапцом, та баби пришло на разум же би му можебуц помогло кед би ше оженел. Знали же не можу раховац на даяку лакомну дзивку, але верели же ше заш лем найдзе даяка широта цо ше да спредвуц, односно же ше ей родичи злаша на їх масток. И, акурат, нашла ше една худобенка дзивочка, якаш Макренка, уж мала и досц роки, а не мала ані єдного питача, та ю спитали. И як очековали, питачка однесла хусточку и свадзба була порадзена на фашенги. Але, дзивка ше оддумала и очаяла скочиц зоз Високого моста. Но, понеже ей цело нїгда не найдзене, остала приповедка же ше не задавела, але же пошла вандровац зоз якимашик вандровкашами.

У сушедстве росла и Феркова парнячка, дзивче цо ше волато Юлка, хтора, гоч була еденасте, наймладше дзецко у фамелиї, була здрава и напредна, та кед ей було штернац роки дали ю, як ше то часто случовало медзи огутаншу худобу у валале, до Вепровачу до Швабох служиц. Отамаль вона приходзела ридко и на кратко, на швета, або кед була у родзе свадзба и недайбоже, ховане. И кажди раз кед пришла видно було же ше фест задзвивчела, и постала не нательо красна, кельо якош окремна, зоз тим же на ногох мала иншаки ципели як валалски дзивки, и не мала заруцовачку на плещох, але паньску хустку, и не ношела фарбарски сукні яки ше ношело на кажди дзень, але шити з грубшого платна, на котрим не було друковани, але ткани ружички, смужки, лебо джобочки. Кед було жимнейше, поверх тих шматох була облечена у рекли котра облапяла ей уж цалком розкошне цело зоз желеним штофом обрубеним з чарними гадвабними шуйташами:

– Тота уж прешла на швабски! – ошторповали ше жени за кошарками кед ю видзели на Пасхи у церковней порти .

Не мож повесц же ей доганяли на дачим, лем же їм завадзал угляд котри очивисно мала медзи своїма пайташками, прето же од кеди лем пришла до валалу вше мала дацо нове указац чи виприповедац, та ше збеговали до ней попатрац яки ма чати, пантліки, сподні шмати и цо уж дзивчата скриваю як тайни свойого прибораня.

– Покоштуйце, сушедо, яки видумни покераї напекла наша Юлка – хвалела ше ей мац, а вец ше знала розприповедац як там од Швабицох научела и вшелїяки мустри вишивац, не лем по крижикох и полнене, але и ланцушки, и окреме дошка цо ше вигваряло през позберани гамби: на толедо дзирковане.

– Уж ю газдиня учи шиц на машини! – гварела мац сушеди дас о рок-два як Юлка служела у Вепровачу.

Юлково пайташки вше частейше нагадовали же ше вона вироятно не враци до валалу, же хто зна чи ше там не ода и то за Шваба! Та ше вец далей нагадовало же цо будзе

зоз винчаньом, бо, зна ше же Шваби християне, але не таки як ми, та наш паноец не зосце млодята повинцац, а там ю вироятно не зосце їх паноец винцац, кед ше не прекресци. Таки койдзєяки шпекулації було полно, але ніхто ніч точне не знал. Аж анї теди кед ше, дзешка наяр, Юлка врацела дому и вецей, чуло ше, анї не пойдзе до Вєпровачу. Кед ше ей дахто дацо питал о тим ей служеню, вона лєм скривала очи, а сушедом, цо частейше доходзели до ніх, було ясне же тоти очи виплакани, бо скоро вше були червени.

Єдна з тих сушедох цо наишла на Юлку як плаче опарта на стебло розкошней младеї яблоньки, бо им загради були єдна коло другей, була Феркова мац.

– Цоже, Юлко, цоже плачеш? – озвала ше гу дзивчецу.

– Ніч, ніч – пробовала загвариц сушеду Юлка, насилу ше ошмихла и з фартухом, як кед би ей мушка улетла до ока, посцєрала слизи.

– Я ци лєм сцєм помочи – не одуствала од бешеди Феркова мац, але Юлка на то лєм чежко здихла:

– Кед ми Бог не помогне, ніхто ми не може помочи!

Пошацовала сушеда Юлку, облапела ю, притулєла гу себе и охабєла най ше на ей першох добре виплаче.

Такой ютре рано, стрєгла Феркова мац за Юлкову мацєру, та кед ше иста рушєла до утринї, и вона вишла з капурки:

– Сушедо, пойдзєме ведно – понукла ше ей.

Два жени ше ведно и врацєли зоз цєркви и того вечара у хижки на боку у Ферковим обисцу длуго шєдзєли два мацєри и виплакана млада дзивка. Кед ше у позних годзинох розходзєли, на капурки ше Феркова мац, ищє раз озвала:

– Кед ше будзєш почитовац, будзєме и ми тебе. Не будзєш бановац, вер.

Такой тєй першєй нєдзєлї першираз оглашована млада пара: Ферко и Юлка.

И чудовали ше людзє, и нє, та добре ошацовали и млодия и молоду, а под свадзбу припатрачох було як нїгда.

Свадзба не була хто зна яка весела, млада була барз смутна, а коло ней два свашки не дали нікому до ней дойсц. Сами зоз ню шицко кончели, сами ю и зачепели, и випровадзели до хижки на боку дзе за младих були порихтни два посцелі, орман, креденц и стол з карсцелями. О тих двох посцельох ше приповедало єден час, бо то не бул обичай же би млодя-та спали на окремки. Домашні о тим були цихо, та и приповедки прешли.

Так почал Юлков малженски живот. Вона на себе превжала старосц о Феркови, а о шицким другим ше старали домашні, допущуюци ей шлебоду робиц кельо ше ей цело, не наганяюци ю ні на цо вещей. Юлка заш лєм патрела приобриц дацо до обисца, та клягац сир як цо научела у Шваба, та муциц масло и з нього правиц красни фурмасти фалатки, то була ей робота. У обисцу ше пошвидко видзело же сцигла невеста, бо ше квеце зявело и у облакох од уліци, и вишело зоз стрехи под конком, и правело цифровани шорики у заградки у преднім дворе. Ферко вше бул на помоц своєї невести. Вона пилновала запошліц го и похваліц кед би ше му дацо удало, а кед ей стапшал зомбульки, або посцинал з палічку ружи, пробовала му мирно потолковац же ше так не роби.

– Не мож так! – понавял ей розкази и шмеял ше, шмеял радосни Ферко. Неодлуга було видно же ше млада пара понови, та ше велім легињом баюс круцел подшмиховацо, а дзивчата ше дошептовали:

– На кого будзе здабац Ферков син?

И наисце, народзел ше син. Коло положніци ходзела лєм мац и швекра бо, гат, дзецко ше народзело вчас, та не допуца же би други доходзели, не нательо же би му з оч не спадло, але же таке малючке, народзене на седем мешаци, не за патрене. Аж и кумово не пришли ношиц есц покля дзецко не наполнело два мешаци, а кед го видзели, не могли не припознац же яке то красне и напредне дзецо було. Не лєм же бистро патрело на швет зоз тима своїма белавима очками, але уж и навелько гуркотало. Та, кед го влесе

виношели у кошаре под черешню, а воно нацаговало ручки гу червеним плодом, шицки дзеци зоз сушества ше збеговали бавиц ше зоз нїм. Дзецку ніч не хибело, мал три баби: Юлкову мацер, Феркову мацер, але и його бабу, а тиж тельо и дїдох. Юлково браца и шестри уж мали векши дзеци, та мали Ферков син мал полно братнякох и шестринїци, котрим ше могол радовац по цалим дню и нігда му не було допито, и нігда не бул сам.

Юлки Швабица, дакедишня газдиня привезла як придани нову шивацу машину, бештеловану зоз Бейчу, зоз Адлеровой фабрики и Юлка ше коло доброго дзєцка и помоци бабох, лапела шиц до валалу. Ферко ше не барз затримовал анї коло своєї жени, а анї коло сина, котри го, таки мали, збуньовал, окреме кед го Юлка дойчела, або превивала. Кратки час му шицко коло дзєцка було интересантне, а вєцка ше знова волєл бавиц зоз псом, бегац за платняну лабду, драпац ше на голубарнік, плашиц кури по гною. Пошвидко умар дїдо, вєц и баба, Юлки було мило же дожили праунука и були поцешени же маю нашлїдніка, але єй вше чежше було мерковац и на сина котри роснул и бегал по дворе и на Ферка котрому ше нігда не знало цо звитяжи. Як старєл, розум му не дозревал, але му цело слабло, та го не служело як вон звикнул. Та кед раз пришла трєшка до обисца, а Феркови ше то барз пачело, ровно ше круцел коло ней. Хлопи зоз нїм почали правиц франти и нагваряц най прави даяки фиглі, а на концу го нагварєли и най ше видрапе на брадло. Кед Юлка видзела дзе ше Ферко видрапал, розбєгла ше же го застанови най не скочи нагнївано кричаци на хлопох:

– Вон дурни, але ви шалєни и зли! – але док добєгла, Ферко уж скочєл. Днями го допатрала поламаного у посцєлі, а якош у тот час и швєкор ше похорєл. Ферко вєцєй нігда не станул як швет на ноги, та го Юлка од рана кладла на плєцени карсцєль под конк, у хторим годзинами шєдзєл, а кед трєбало помагала му дойц гу столу, лебо до заднього двора, кед му було нужда. Од швєкри, уж

устареней, не барз було помощи, та Юлка не знала цо перше.

– Дзивко моя – не раз ей гварела швекра – най ци Бог заплаци на тим цо ши нам дала. Нажаль, не можеме ци помогнуц ношиц твой криж, лем ци можеме пожадац най витримаш до конца з тим небораком и з тим чадом цо нас обрадовало за живота.

Кед швекор умар и живот у швекровим целу ше помали гашел. Єдного дня поволала унука:

– Най це баба, чадо мойо, поблагослови и най це замодлі же би ши почитовал мацер и оца свойого.

Ютредзень умарла.

Юлка остала сама, зоз єдним небораком и єдним ище недороснутим сином. Ферко вше баржей завишел од ней, а млади син вше баржей бул жадни швета и жадни розмахнуц невидліви кридла котри му росли. Юлка нагадовала же ю вон годзен пошвидко охабиц. У школи, на годзинох, хлапец бул таки бистри же учительови бул подбочнік. Кед требало утвердзиц тото цо ше учело, його преволовал, кед требало порихтац дацо нове, тиж ше на нього могол злегнуц. Але, праве тото почало завадзац другим школяром, а окреме тим котри ше не могли похваліц анї зоз знаньом, анї зоз красним справованьом. Не раз му розбили таблічку, а познейше нароком виврацели фляшочку зоз тинту та почурела по теки, або кніжки.

Шицко тото би му анї не так чежко припадало як тото же му ше, кед ше врацал дому зоз школи, бранджа дзецох видрижньовала:

– Ферков сину, тримаш сукню мацерину!

Кед видзели же го то уквильоє, аж вец постали ище безочнейши:

– Яки оец таки син, яки млїнар таки млїн!

Або ище горше:

– Оец дурак и ти дурак, обидвоме дураци...

А кед хтошка виприповедал як Ферко раз нашол пенєж цо го Юлка шпорovala и видзел на нїм нарисовани воли та

их повиштриговал и бавел з німа так же их „водзел” по смугох на партку як по драги, видрижньоване постало конкретне:

– А чийо то волки на столе, Ферко з ножнічками их коле!

Даскельо раз учителька застала хлапца уплаканого над упрепасченима кніжками и стварами за школу. Наостатку надумала и пошла до Юлки порадиц ше цо би найлепше було зробиц:

– Кед маце можлівосци послац го далей на школоване, було би найлепше – радзела вона Юлку. – Ту го дзеци заджубу!

Позберала ше Юлка и пошла до пароха на пораду. Парох бул упознати зоз ей обставинами и обецал же напише писмо владикуви и опита ше цо би ше у тей нагоди дало поробиц. И одвит сцигнул: вежню го до церковного интернату, та кед ше укаже добри, вецка ше може вишколовац за паноца, або даякого професора у церковних школах.

Сцисла Юлка мацеринске шерцо, станула пред жвератко, пред собу видзела озбільну жену на котру ше боляцо ошмихла здогадуюци ше на хвильку на свою младосц, та сама себе понаказовала:

– Не народзела ши го пре себе, але пре нього. Кед го даш Богови, можебуц ци вон легчейше пребачи. – З тима думками врацала назад до души слизи котри ше ей цискали у гарле.

Як Юлков син пошел з валалу, вона остала лем зоз свою машину и зоз Ферком котри з роками поставал вше цихши и змиренши. Скоро же ей було мило же є не сама у тим своїм самотним живоце. Док вона шила, вон лем тупо патрел або на дзвери, або на облак, вона му приповедала о своїх поцерпаньох пре сина и пре заедніцку будучносц. Як кед би ше конечно змирела и помирела же шицко так мушело буц, а Ферко Неборак ше єдного рана не пребудзел. На його ховане ище и досц людзох пришло, не тельо родзини, кельо любопитліви котри сцели дознац як ше Юлка

будзе справовац. Велі ше чудовали же як барз плакала за мужом, але було и таких цо похопйовали же то вона не плаче за нїм, але за своїм животом. Найблізши ю цешели як знали:

– Хто зна прецо то так мушелo буц. Маш сина, най ци вон будзе потїха.

И наисце, син ей бул велька потїха. Анї рок после Ферковей шмерци Юлка шицко розпредала, лем шивацу машину подаровала єдней дзивки котру легинь охабел кед дознал же є самодруга, и пошла. Дахто гварел же роби як служніца у нашим владичестве, бо там вше єст роботи за вредни женски руки, окреме кед су схопни и знаю шиц, вишивац и украшовац, не лем реверенди, але и велі ручніки, парточки и фиронгочки по церковних просторийох ширцом владичества.

Знаюци же ше Юлков син барз добре учел и же му мац його була з нїм як подпора, чудовали ше людзе же о даскельо роки, кед уж було шор же би закончел, же не лем же анї єдно з нїх анї раз не видзели у валале, але о нїх анї нїч не чули. Но, раз ше каждая тайна одкриє, або ше людзе постараю розришиц ю так як ше им видзи найлогичнейше, та ше и тайна о судьби Юлковей и ей сина дознала: обидвойо жию дзешка у Немецкей, а Юлков син вецей не ма Ферково презвиско, але якеш немецке. Дахто доказує же ше так волали тоти Шваби цо у нїх служела Юлка у Вепровачу.

А и кед не так, очивисно же чом людзе так приповедаю, бо их живот прешвечел же шицко раз придзе на наплату, та и нашо грихи и нашо добри дїла.

Зоз паметаня

О ФАРКАШОВЕЙ ДОЛІНИ

Керестур ровни, ані гори нет, ані леси коло нього не запаметани, та на тей ровніни найопаснейша животиня ирга, герчок, миша, або таке дацо цо прави чкоди и так загрожує живот вредних парастох. Над тима ровнінами надлеси дакеди даяки орел, частейше ястреб, а и врани знаю направиц гнізда коло салашох, та аж и на окраїскох валала, ридше и у самим валале и зяри робиц вельки чкоди бо ше лапаю до курчатох, качатох и гушатох цо пашу младу ярню травичку. Таку неосроснуту живину напада и хорт, та то би було шицко процив чого ше людзе мали бориц же би зачували свой маєток.

Але, случело ше цошка цо охабело шлїд на валалску историю: хто зна одкадз и кеди до хотара приблукал ше якиш вовк. Теди ше держава старала людзох обовязац най бешедую по мадярски, та вовк бул фаркаш. Гадали людзе же то муши буц же ше прицагнул за стадами овцох котри, як и по други роки, приганяли югаше най ше напасаю на сцернянки за покошеним ярцом и житом. Людзе то допушovali, бо теди ише не мали звик гноїц свойо поля як цо то робели Шваби, котри ше якош исти час як и Руснаци доселели тадзи дзешка з горнього цеку Дунаю, а обачели же там дзе були пасли овци, а ише баржей там дзе одпочивали и ноцовали, дзе була их торина, урожаї идуцого року були вельо лепши.

Споял ше тот фаркаш и на статок цо го людзе мали по салашох. Там му було легчейше дойсец до плена. За горуцих дных людзе охабляли статок повязани около салашу, под багрєнками, а пси салашки були даяки бойтаре, або аж и тапшийове, тельо же брєхали як опомнуце газдови най видзе

вонка кед ше дахто непознати прибілює гу салашу. Людзе перше не видзели цо им за жвирина тамані статок, але кед жвир постала така безочна же за єдну ноц напаратовала чкоди на вецей салашох, почали озбільни приповедки. Єден видзел чарного фаркаша хтори як зоз франти скочи на овцу и звалі ю, прекуши ей гагор, други заш твердзел же фаркаш шивкасти, треци же є жовкави. Шицки ше зложели же є вельки, а же є опасни, то уж було видно по креви котра за нїм оставала.

Знаходзели ше газдове як знали: даєден аж стрегол под брадлом, та кед обачел же ше фаркаш прицагує, палел огонь, лярмал же би ше збегли шицки з обисца и одогнали напасніка з видлами и лярму. До валалу фаркаш ані раз не зашол, а салащанє почали звечара заверац статок до хлівох и обиходзиц их з лампашом даскельо раз през ноц.

Югаше, цо койодкадз припровадзели своєю стада до керестурского хотара, видзели же нет франти, та же ше муша догвариц и подняц дацо и занавше ошлебодзиц хотар од напасци. Як перше, направели аклі за овци, збивали их до ведна, а на каждим угле акля стражарел по єден югас зоз окреме бештелованима овчарскимя псами, котри ше не боя стануц до битки ані зоз вовком. Медзитим, указало ше пошвидко же жвирина була валушна за ноц тром вельким псом розтаргац гагри и розодрец брухи.

– Кед пси не могли одплашиц фаркаша, поже вец можу пастире?! – Биткали ше людзе.

О пушкох ше теди медзи обичними людзми ані не бешедовало! Стражарели з кияками у рукох, тримали пса при себе, але кед обачели же ше овци починаю знемирено кормацац по аклю, же ше им пес почина заплетац медзи ноги, познейше аж и скинчац од страху, цискац ше попод чуги, вец и им не було шицко єдно, та ратунок гледали у своєй колїбки, за розложеним огньом, бо знали же ше жвир лем од пламеня бої. Могли ше лем наздавац же их на тот завод обкерує, и же чкода будзе цо менша.

Тирвало то так досц длуго, чкоди на статку ше шорovali, а не нашол ше шмели человек стануц вочи

фаркашови и одогнац го зоз кияком, видлами чи дачим таким зоз чим би му могол конєц зробиц. Медзи тима югасами котри випасали стада овцох бул єден млади котри ше прибукувал зоз своїма овцами на пасовиска яки дакеди, док не викопани керестурски стари бегель було тамаль гу Жобрачей гори. Волал ше Данко Грицов, людзе гуторели же є одкадзшик споза Дунаю и же вон єдини по цалу ноц стреже коло свойого стада. Коло себе мал два вельки овчарски пси котри го так слухали же ведно творели таку охрану же то озда и фаркаш видзел, та його стадо не нападад. Данко не чекал на фаркаша у своей колїбки, але ше круцел коло торини, оградзеню до хторого кед вечар наганял овци же би ше през ноц не розходзели, а тоти цо ше доєли же би легчейше видвоєл и подоєл.

Каждого рана приходзел газда по млеко и пречитовал овци. Данко бул млади, та так повесц на ногох спал коло торини, а фаркашови озда було цигурнейше пойсц клац овци тамаль дзе не було чуц чловечи пах, та задлуго керовал Грицово овци. Данко знал же ше фаркаш прицагує так гу овцом же би му витор бил до нозгрох, а не же би його смрод ношел гу овцом. Бо кед овци напахали же фаркаш приходзи, такой були знемирени, а кед бул магарец медзи нїма вон ревал и бил з копитами до огради, та ше и югаше могли знемириц. Кед их було вецей на громади, удавало ше им же зоз запаленима конарами одплашели жвирину.

Правду поведзене, зяри и влєце фаркаш анї не так нападад на овци, озда себе могол легчейше лапиц даякого заяца, препилку, або и сарню, дзиву швиню чи ей праше! Друге було кед зєшенї, кед уж югаше роздумовали чи розбер-ац торини и селїц ше кажди до свойого валалу, лем ище сцели вихасновац остатню траву же би газдови зашпоровали потраву, бо то требало мац вельо порихтаного шена покля не нарошнє на яр нове пасовиско. Як ше югаше рихтали висц зоз хотара, так у хотаре неставало другей дзивини з котру ше фаркаш могол кармиц, та почал вше баржей нападац.

Югаче були з розличних валалох, а даєден з ніх нігда ище не видзел фаркаша, та валалчане пушели гласи же ше то вони догварели спреведац своїх газдох. Же у ствари, сами клали и пекли баранчата, або аж и вельку овцу. Або же ше догваряли зоз даякими купцями котри сцели туньо дойсе до мяса, аж ше верело же ше ту роби о догвареной крадзи! Очивисно було же барз вельо звалене на єдного фаркаша, та шицко указовало же ту маю умишани пальци и тоти цо би дойсе до легкого заробку. Питали ше людзе, як то тераз така напасц, а у тих крайох ше не зна же би з фаркашами було турботи. Було чуц, але як далека приповедку о тим дагдзе, лем же не и за Керестур, же по залядзеним Дунаю кед тварда жима зишли вовки зоз горох, та ше доцагли до окраїска даєдного валала, але так, влєце, а лем єден фаркаш же би направел тельо чкоди?!

Коло розложеного огня, дзе ше вечарами кед уж цмота вше скорей падала на поля, схадзали югаше приповедка ше вше якош закончела, як ше отресе од фаркаша. Даєдни з ніх гуторели же у валале єст людзох котри розположени присе им до помощи. Од теди коло огня з югасами вше було и даскельо хлопи з валалу, наоружани з видлами, шекерами и лопатами.

Веце, раз єдней ноци, и млади Данко ше зочел зоз фаркашом. Стал як и звичайно, на уходзе до торини, опарти на слуп, кед одразу, ніодкадз, анї ніч не зашушоцело, жвирина просто на нього, вищирела зуби, вивалєла очи котри ше на мешацовей шветлосци ище баржей червенели и змурчала на нього. Данко замахнул з палїцу, а вовк скочел, зоз пискама хвацел палїцу и з єдним замахнуцом глави витаргнул ю легиньови з пискох. Пес котри дотля стражарел при Данковой правей ноги скочел фаркашови до оч, зграбел го за клапачку з пискама и змахнул. Але, вовк бул порихтани и з єдну лабу зарвал псови под гагром, крев шикла и кед вовк одмахнул з главу, пес скинчаци одлєцел далеко. Други пес уж бул на вовковим хрибце, закушел му до карку, але вовк, векши од нього, руцел ше на хрибет, и док Данко кліпнул, уж вовк бул тот цо таргал жили на псовим карку. Пес

квичал, а Данко дотля зграбел колок зоз огради торини и вдерел вовка по хрибце. Жвирина ше зопла на два ноги, раз оглядла, одсочела бесно махаюци зоз своїм длугом червенкастим хвостом и одбегла до гушави. Други югаше прибегли и кед видзел два розтаргани пси, уфарадлованого Данка, опитали ше му:

– Кадзи пошол, кадзи?

– Идзце тамаль гу вербинком, до наду и шашу! До тей доліни ше уцагнул...

Людзе були порихтани, мали паліци на котрих на верху було накруcene клоче намачане до лою котри запалели и з такими факлями ше рушели за фаркашом. Махали вони зоз тима паліцами, збивали ше до чупара и лярмали. Як кед би себе з огньом и лярму улівали шмелосц и одганяли страх котри очивисно до ніх нагнал фаркаш.

Осторожно, але ришено, приближовали ше гу доліни котра була оградзена з вербинками, шашом и дикиньом. Поцерпали же их праве у тей гушави жвирина може дочекац:

– Цо кед вискочи на нас? – опитал ше єден, очивисно у страху.

– Запальме тоту гушаву, ша уж є досц суха, лапи ше! – здогаднул ше хтошка.

У истей хвильки кажди з тей дзешатки злскнутих, але ришених людзох, спушел запалену факлю, та бовкли сухи метолки наду, од котрих ше огонь далей ширел.

Лярма, а вецка и огонь побудзели людзох з найблїзших салашох и перших валалских хижох. Прибегли хто з чим: дакто зграбел видли, дакто косу, дакто ашов, шекеру чи мотику, дакто лем даяки кияк, але кажде мал дацо цо го може охраніц од фаркаша, а з чим може истому начкодзиц кед придзе до зоченя.

Гласи погони одгуковали над заспанім валалом, черяки и рошліни коло доліни догорйовали и у тим огню и диму як през завису дакому ше привидзовало же видзи дацо, та мало-мало дакто скричал:

- Там є!
- Кадзи?
- Тадзи, тадзи! – указовал други, жадаюци же би ше гу ньому збегли цо вецей и так му чували страх.
- Меркуйце – скричал одразу хтошка – вдери на нас!
- Пушце пси!

Пси забрехали кед напахали жвирину. И их було вельо, бо даєдни з валалу приведли зоз собу и свойо, та достали шмелосци. Брехали, подскаковали и розбеговали ше, а даєден з нїх ше врацал скинчаца гу свойому газдови.

- Лапай го, лапай!
- Готови є!

То наисце була неровноправна борба. Єден фаркаш, а даскельо дзешатки хлопох. Його зуби и вишлііскани конци видлох, його пазури и наоштрени коси и ашови... Його страх и бес телїх людзох. Фаркаш як кед би страцел напрям и не бул одлучни кадзи сцекнуц. Перше бежал просто, вец скруцел раз на лїво, вец раз на право. Спред факльох, як кед би бул даяки вельки заяц, сцекал и подскаковал, а вец ше руцел до води. Заплївал, а у ноци ше чуло звуки як кед би даяка велька животиня трепала на верху води. За нїм ше до води пущели и пшиска, одшмелени з його сцеканьом. Даєден го сциговал, хватал за лабу, або аж и уха, а фаркаш би лем кеди-некеди огляднул главу на бок кед почувствовав же му за хрибтом даєден зоз псох, пробовал ше зачириц и так погледац ратунок. То кратко тирвало, та одразу обрацел напрям, озда надумал спрєведнуц псох, рушел ше боком гу гаци. Пси ше на хвильку збунєли, дробкали по води у месце, а вец рущели за нїм. Людзе з гаци нагадали цо сце, же є надумани вдериц медзи нїх и сцекнуц, та ше роздарли на цале гарло. Кричали, лярмали, а хто цо мал у рукох, замахнул и з нїм плюскал по води. Даєдни го аж зарвали з концом длугокого кияка. Вец жвирина попущела. Вше му частейше глава була под воду, як над воду. Вше кед одплївал назад од гаци дзе му з факлями и видлами, лярму и кияками грожели людзе, дочекали го псовски зуби, а кед ше врацал гу гаци оштри конци видлох, або печаци кияк. Вреск

людзох, реванє магарцох, бечанє овцох, бреханє псох – шицко ше змишало зоз плющаньом води. А вец ше вода, там дзе му остатніраз оганяче видзели главу з виширенима зубами и пену на пискох, змирела. Кед ше пси врацели з води, факлії уж догоріювали, а з води ше ніч не чуло, людзе ше порозходзели.

Тоту доліну од теди Керестурци волали Фаркашова доліна. Коло ней з рока на рок приходзели нови стада овцох и нови югаше, а приповедка о велькому фаркашови котри упрекосцел цалому валалу, не лєм тим цо чували овци, ше преношела з колена на колено. Як роки преходзели так фаркаш у приповедкох роснул док не достал два метери длужини, док му зуби не постали длугоки як шаблі, а хвост таки же могол позаметац пияц з нїм. Но, але и о Данкови, його шмелосци и знаходлівосци приповедка ше ширела, а на праткох кажди учаснік у тей одлучней битки зоз приблукану жвирину, приповедал своєю видзене тей ноци. Шицко тото з часом доставало сказковити прикмети: же то анї не бул прави фаркаш але сам нечисти, же ше не виборели з нїм людзе, але му кончину зробела даяка врачанїна, а же Данко анї не бул звичайни югас, але дахто хто бул послати тоту врачанїну зніщиц. Но, зато, людзе ше доисцовали же Данка газда вжал за свойого, бо свойо дзеци не мал, та же го оженел з братову дзивку, бо обидвоме браца жадали же би им таки герой остал у родзе.

О фаркашови ше вецей ніч не чуло. З початку ше шицки цо були присутни на долїни дзе фаркаш конал, зарекали же є мертви, але кед ніхто нігда и нігде не нашол анї його цело, анї скорку, аж анї хвост, вец почали подозриви приповедки. Неодлуга ше и долїна зменшала бо викопани стари бегель, а тоти цо запаметали тоту подїю знали заходзиц на висушени лапоши, шпиртац по мутлянки и по висушеной жеми, гледаючи шліди як доказ о велькому фаркашови котри там жил. Гоч попренаходzene вшелїячини на месце бувшого мочара и пасовискох коло нього на котри и далей з далека приходзели стада овцох, нігда не пренайдзени анї лопов, анї други часци косцанїка котри би могол потвердзиц же фаркаш тей ноци

на тим месце забити. Стари баби, кед ше споминала погона за керестурским фаркашом, ше жегнали и примаховали з главу, же гат, не треба то лем так опущиц, бо очивисне же то не була обична жвирина и же вона не лем так наишла до Керестура, же то мушело буц цошка инше, бо иншак не мож потолковац як то же анї од теди анї до теди Керестурци не мали бриги як з тим єдним фаркашом.

Керестуру остала Фаркашова долїна, а длуго ище, кед було чуц же дагдзе так на векше нестала статок, або кед ше случело же дахто наишол на розтарганого пса, знали ше наврациц и сумнї до того же фаркаш заш лем прежил и тоту гайку о котрей ше уж тераз лем дагдзе у даєдней хронїки спомина.

ДЬОРДЬОВА ТОРИНА

О тим чаше у хторим ше случовала наша приповедка хронічаре пишу як о чаше кед не бул викопани ані Вельки бачки бегель, ані Стари бегель, а о велькей мрежи Дунай-Тиса-Дунай не було ані бешеди. Нет зазначене ані же би ше дакому пришніло же таке дацо можливе. Керестур бул од кеди пришли Руснаци до його хотара мочарне подруче, а там на тим концу валала цо ше и нешка вола Медеш, хтори ше пресцера од Водици та по Филіпов, а теди бул далеко од валала, бул мочар. Таїнствени, опасни, виволоваци и полни спокуюх, але и грожаца бо ше не справовал по людских законох, ані ше не дал човекови подярмиц, але бул таки якого го Бог и природа створели. Прето и виволовал якеш страхопочитованє при людзох: вони ше не лапали меняц го, до нього уходзели кельо им допушовал, похоплюючи же би шицко друге було нероздумане. Як ше меняли рочни часци, вода у тим мочару ше дзвигала або спущовала, та, кед було меней води, грунчки цо за високих водох були лєм мали островка, поставали длугши пасма котри людзе наволоали греди, бо випатрали як кед би були з людску руку насипани, а здабали на длугоки и моцни древа котри тримали закрице над хижу до ведна. Коло тих гредох росло надосц дикиню и шашу, наду и каку, було там и стари верби и млади вербово пруща, шицко попреплетане у нерозлучним братстве з воду. Шицко росло, цо воду любело и чийо корені не гніли у ней. Та, заш лєм, смроду було цо ше, кед були горуци дні, ширел доокола, як горко-драпаци запах шмерци и гніца, неставаня и ознова роснуца. Було и таки рошліни котри ше конарели и розквитали лєм влеще, кед сухи плати було вецей, а було и таки цо ше лєм пред жиму ступяли, зрели и привидно

неставали, же би ше з яру знова зявели и з ище векшу упартосцу прекривали тот фалат хотара котри гуторел о прешлосци цалого валалского подруча. Вельки верби, розконарени и розкоренени, нагинали ше над воду и мачали свойо згинаци конари по ей поверхносци. Векша вода у мочару правела свой цек, та було як кед би през ню цекларика. На древах и у гущави, мочар бул дом велім животиньом хторих ше индзей стретнуц не могло. Горе були птицово гнізда, у стеблах окреме тих котрим вик бул при концу, або уж закончени, звили свойо гнізда глодаре, а долу гади, жаби, риби, коритнявки и хто зна яки створи. Коло нїх свойо простори розкошно хасновали рої летащих, ходзаци, котуляючих и шлізкаючих инсектох и водожемцох.

Едного лета, кед на Сейкох уж жем пукала од суши, бо диждж не падал длуго, длуго, людзе ше дармо модлели и виводзели процесию до поля – дижджу не було. У мочаре лавки, або греди, хто уж як гуторел, поставали нательо вельки же ше претворели до пасовискох. Валалски жителе и теди ридко кеди там одходзели, бо ше коло того простору плетли велі приповедки. Ридки нащивителе тоти приповедки потвердзовали з фактом же наишли на фалатки гліняних гарчкох, же ше под ногами розошали пацерки незвичайней белавей фарби, же им ше могло найсц ардзави фалатки цо здабали як кед би були часц ножа, копії, або аж и шаблі. Людска фантазия, або стварносц, не зна ше кед ше коло дачого почню тоти два ствари преплетац, наводзела на думки же там поховане даяке войско, бо ше чуло же дахто видзел як зоз жеми стирчи цошка таке железне, цо мушело буц надзиване на главу, бо мало ей фурму, але то могло буц лем прето же би приповедка була цо страшнейша. Як и тота о косцох чловечих найдзених так, же випатрало як да чловек умар на шедзацо.

На тих лавкох, того року, як преїг ноци нашли ше пейц чупори овцох. Одкаль вони пришли, кеди пришли, цо думали з тим приходом – нїхто не знал. За овцами пришли югаше, мали псох и чуги, але анї пси, анї тоти чуги не були

таки яки запаметали нашо стари з приповедкох як були перши доселенци пооблекани кед приходзели зоз старих крайох. О еден час голем дацо з того розтолковане, гоч людзе не бешедовали по руски, але человек человека порозуми лем кед сце. Дознало ше же тоти людзе ишли з далека зоз своїма стадами гледаюци дзе ест потрави за їх статох, та ше застановели на тих гредох дзе пре воду цо з мочара не цалком висхла, мож було найсц паши. Ту, толковали тоти людзе, буду зоз своїм статком покля їх газдове не найду купца за ніх. А купцох у Керестуре не було, бо людзе були худобни, а у суши не барз було мудро вжац статок котрому не годни обезпечиц потрави през жиму.

Овци на лавкох були безпечни, на каждой такей греди еден чупор мал єдного югаса, а вон заш не мушел поцерпац же му посцекаю, бо и сам ледво пренашол дражку же би их на греди прегнал. То югасох ошлебодзовало, та ше чувствовали же можу водзиц таки живот яки на другим месце вируютно не могли. Овци на громади, газда далеско, а вони прави панове над стадом у котрим ше легко затраци не лем мале баранче, але и велька овца. Швидко ше вони пейцме згварели и зорганізовали. Каждого вечара позбивали овци на тоту найвекшу греду, охабели єдного-двох най их чуваю, а вони могли одходзиц до карчми, бо гоч як ше чежко жило, пияніци знали як дойсц до погарика, а вше було таких цо тот смяд знали вихасновац. А югаше розкошовали: до пенєжка доходзели бо дакеди дакому предали даяке баранче, та за винко було, а єдно баранче закляц им од телїх не було проблем. Та було мяса и вина, а коло таких ше назберало и гудацох и койдзеяки незвичайни особи.

Глад дуркала на велї валалски капурки, та каждодньове госцене и напаване не могло остац необачене. Коло югасох ше перше почали мотац валалски легине, а за легинями з любопитлівосци, а и по нагварки пайташох, котрим заш таки труд з погарами винка плацели югаше, пришли и дзивчата. Квичаци и обаваюци ше, перше ганьблїво, а вец скоро порядне, три-штири з бавеня забегли гу гудацом, а вони им

понукали печеного мяса, сладкого вина, од чого їх твари поставали червенши, шмих частейши, а писні гласнейши.

Медзи тима дзивчатми найкрасша була якаш Фебронка. Мац, гдовица, чувала ю кельо могла, але вона, красна яка була, завидзела богатим дзивчатом на ризових и гатласких сукньох, красних пацеркох и цифрованих чатох у вибренованих чулкох. Кед ше опатрала до того замолгавеного жвератка цо стало у чолє, округле, приправене на єдну малу ладичку котру ей мац, як гварела, мала на винчаню, за ню ю дружки ношели, видзела два швицаци чарни ока, густы власи, оберва як шнурки, ліца котри не требало пощипац же би ше червенєли и гамби зложени як найкрасша червена ружичка, було ей ясне чом ю на танцу викруцаю и найбогатши легинє. Але ей тиж так було ясне же анї єден з нїх ю не будзе питац за жену – бо талу вона нїякого не мала. У дружтве тих даскелїх пайташкох и непознатих младих югасох почувствовала ше найважнейша. Шицки ше обеговали наляц ей до погара, аж оддрильовали єден другого, лем же би гу ней цо блїжей шедли.

Штирме ше югаше зменьовали хто пойдзе до валалу, а хто остане мерковац на овци, а лем єден, якиш Дьорде, вше оставал з овцами. И през дзень ше на ньго припатрали як схопно зоз своїм пулином заганя овци, як го овци слухаю и до конца дня ше шицки позбераю на найвисшим грунчку, а през ноц ше чудовали як вон анї єдну овцу, анї баранче не страцел. Волали вони його вецей раз, але вон нїяк не приставал охабиц свойо овци. Медзитим, раз пришол газда зоз купцом, та понеже його стадо було найлепше швидко потарговели: остали непередати лем єден баран и даскельо овци, тельо же би их могло стрєпац до коча и одвесц до аклю же би прежимели, а наяр з младима баранчатами започали шириц нове стадо. Задовольни газда чухал руки и поволал Дьордя:

– Ноле, Дьорде, кед зме так добре потарговели, заслужели зме ше дакус повешелїц.

Не барз ше ишло Дьордьови, але, тримал, най видзи вон тих людзох и тот валал о котрим його пайташе приповедаю

незвичайни приповідки: же у нім шицки хижи на било обилени а з чарним обцагнути, же валалски шори прости, же людзе мирни, лем ше им виступною з драги кед вони преходза, же гоч их не розумя стараю ше им цо лепше потолковац кед ше маю дацо питац. А понеже бул млади, було му интересантне и тото о шумних дзивчатох котри крашне шпиваю.

Пошол Дьорде з газдом до валалу, вошли вони до карчми зоз закланим и одартим баранцецом, та такой карчмарки розказали най им го упече на цало. Газда, вец, питал вина за цале дружво и кед ше дружтво розвешелело, наишли и валалски легинс, штирме-пейцме, а неодлуга и три-штири дзивчата.

Кед Дьордьово чарни очи стретли Фебронково, було му ясне же тот валал вецей нігда не годзен забуц. Цошка ше му под ребрами закормацало, у жалудку затрепечело, а дланї ше му почали зноїц. Кед го ише його пайташе намесцели шедзиц на лавочку гу ней, нараз так засмяднел же погар вина цо стал пред нім нараз випил до дна. Шицки ше зашмеяли, бо вон бул тот цо твердзел же не люби пиц, а газда му такой налял нови погар. Шмих и приповедане постали вше гласнейши. Одкадзшик ше ту нашли и гудаци, та якиш Циган гушляр пришол гу їх столу и так умилно заграл же ше Дьордьови гомбовец зопар у гарле и пожадал нігда отадз не пойсц.

– Качмар, дай нам вина! – чул на даскельо заводи газду як кричи, видзел же тераз уж газда шедзи при Фебронки, же и ей наліва еден за другим полни погар, видзел як вона перше ганьблїво мача уста з вином, а вецка уж шоровше випива. Чул и ей сладки глас котри ше вививал понад звуки смиковей орхестри, почувствовав смуток, а вец ше му у глави закруцело.

Пришол гу себе аж кед ше вонка за углом виповрацал. Дакус тото неприемне искусство, дакус жимни ноцни воздух розбаторели го и вон шеднул на лавочку одпочинуц ше.

Кельо там одпочивал, кельо не, лем го нараз таргла цихосц: зоз карчми вецей не було ніч чуц. Станул и пошол

закукнуц цо ше стало и видзел як качмарка замета, а качмар дзвига карселі и лавочки на стол же би ей направел места.

– Дзе югаше – опитал ше Дьорде.

– Пошли – гварела качмарка и скоро му пред носом заварла дзвери.

Врацел ше Дьорде до своєї коліби на мочаровой лавки, легнул на розпрестарти овчи скори, але му сон ніяк не ишол на очи. Кед конечно задримал, привидзело ше му же чус одкадзшик далеко женски глас як у розпуки кричи:

– Не! Не!

Чул якешик хлопске реготанє, а вец ніч.

Заспал, аж кед слунко вишло, zobудзел ше. Глава го болела и вон такой станул. Не мал вецей вельо овци, та швидко обишол того цо остало од стада, загнал их баржей гу вербом, бо около трава уж була спашена. Як ше овци примирели, погледал хладок под вербами, бо го глава ише баржей болела кед на ню, гоч през калап, упарло слунко. И док себе гледал добри хладок обачел же ше през спущени вербово конари цошка целовее. Приступел бліжей и мал цо видзиц: на жилох верби котри стирчали горе, бо остали на сухим кед ше вода поцагла, лежала Фебронка. Коло шиї ей була шилька направена зоз фартуху, а ей ише вечар чиста и цала шмата була залюштана и розтаргана.

Дьорде дзвигнул Фебронково цело, одкруцел ей звязки фартуха зоз шиї и однес ю до своєї коліби, та ю спуцел на баранчецово скори котри му служели место посцелі. Зоз чутуру пошол гу бистрому цеку мочара набрац води и врацел ше, та з ню поумивал забрудзену дзивкову твар. Кед дотхнул там дзе ей вискочели гирі вона застукала и то Дьордьови було знак же є жива, лем замлета. Даскельо дні Фебронка була медзи животом и шмерцу, а вецка, куспокус, приходзела на часи гу себе, почала ше оглядац и допитовац дзе є. Сама не знала одвитовац Дьордьови на питанє цо ше зоз ню стало, не знала повесц ані як ей мено, ані одкаль пришла. Дьорде ише кед ю умивал знял зоз ней залюштани шмати и спалел их, а облекол ю до єдней своєї

кошулі котра ей випатрала як даяка кошуля на спане. Кед ей горучка престала, почала есц, та Дьорде похопел же ей идзе на лепше и же виздрави. Напавал ю зоз швижим млеком и з надробеним хлебом, давал ей яблучка, грушки и бишалми котри нашол у хотаре и котри дозревали у єдним корцу у куце його колїби, закривал ю кед почали дуц витри, затакал колїбку з конарами, надом и шашом, же би цо безпечнейше порихтал свой дом за приход жими.

У валале ше чуло же Фебронка тей ноци нестала. Койцо людзе приповедали, дасдни нагадовали же пошла зоз газдом цо тей ноци мулатовал, то подкрипели аж и вияви югасох цо вечар були у карчми и тоти валалски легинє цо видзели як ю газда намесца до каруци. Але смутна мац не верела же би ше ей єдинїца не одпитала од ней кед рушала до нового живота. Ходзела вона длуго ламаюци руки, допитовала ше, модлела людзох цо дагдзе путовали най ше розпитаю дзе ей дзивочка, та на остатку аж од розума зишла.

Дьордьови ше ніхто ніч не питал, бо шицки знали же вон перши пошол, та не може знац цо було зоз Фебронку. Вон ше заш, теди кед ридко одходзел до валалу, углавним, лем купиц муки и солї, добре чувал да ше не вирекне, же би валалским плетком не дал нагоду огваряц дзивку, а любопитлївих не звирлел присц вигледовац до мочари. Знал же правда не здогонї виноватого, а же ше газда и други югаше цо тей ноци мулатовали у карчми чувствовали виновати видзел и по тим же газда нігда не пришол по тоти даскельо овци цо остали на торини. И кед жима пришла, и кед завяло, вон там бул зоз Фебронку у своей колїби, закручени до цеплих чугох. Фебронка швидко научела його язык, а забула свой, як цо забула шицко цо ше пред тоту страшну ноцу случовало. Людзе не приходзели гу Дьордьови, лем з далєска видзели дакеди як ше тамаль на торини вис дим, та ше згваряли же муши буц же тот Дьорде остал и же, вироятно ше не ма дзе вращиц кед остал жимовац на торини...

О Фебронки ніхто вецей ніч не приповедал. О Дьордьови ше ище длуго приповедало, бо такой на яр валалски газдове

цо мали овци припровадзели их гу ньому. Поєднали ше же би их чувал, доєл, правєл сир и штригал их, а вони лєм приходзели раз до тижня по шицко тото. Теди ше у Керестуре овци запатєли на вєкше, бо людзе обачєли же кєд Дьордє з нїма югаши, з нїх можє буц хасну. Чудовали ше як то вон єден шицко постарчи: и чувац их, и доїц, и правиц кислє млєко и сир... Алє, понєжє ше до такєй роботи нє розумєли як цо ше розумєли їх давни прєдки, охабяли гo на мирє. Нє булo им чуднє анї тото жє Дьордє од тєди на мочару оставал каждєй жими, а кєд уж здобули довириє до його схопносци и чєсноти, анї им то нє завадзало. Тото мєсто наволали Дьордьова торина. Стари Керестурци би вам и нєшка могли указац кадзи була тота торина, а даєдни аж гуторя жє и тєраз, кєд ше прєз тоту час хотара прєходзи вноци, на лавкох котри оставали од часу кєд там бул мочар, мож видзиц кєд мєшац полни, два шиво-бєлавкасти цинї як трєпєца у цєплих ноцoх, дзвигая ше на мєтєр над жєму, прєходза ше як даяки витяз зоз свою даму, цихo и достoїнствєно. Дьордьовo мєно записанє и до хронїки Керестура, а Фєбронковo, вєдно з його мєном до тєй приповєдки.

ЖОБРАЧА ГОРА

Прецо ше тота невелька часц хотара под поваляним Високим мостом, кед ше идзе бегельом до Вепровачу та ше з гаці спуци на лїво долу, вола Жобрача Гора чежко розтолковац. Тото „жобрача” ище якош мож вицагнуц зоз приповедкох и давних паметаньох, але тото Гора – нїяк. Бо, то анї не гора, аж би ше ледво могло повесц же є даяки брешок, же є лем еден невельки фалат жеми на тромеджи Керестура, Вепровача и Филіпова, котри нїхто не орал и не копал, та на нїм росли якиш черяки и рижни трави, не рушани и не сци-нани. Єден час ше на ню схадзала младеж цо сцела свойо преслави Першого мая, школского розпуста або даякей такей нагоди, отримац далеко од очох любо-питлївих валалчанох. Там вони знали аж и шатори розопинац, та и котлїки вариц. А знали ше и даяки пари умкнуц же би ше незавадзано препущели медзисобним нїжносцом, та кед би их одкрили рибаре цо ишли цо далей од галайку купачох лапац риби, вец би поганьбена дзивка плачуци сцекала, а за ню до паса голи легинь. Здогонел би ю аж блїзко при шлайсу, бо ше вона там уж змирела и поганьбела же по ей випатрунку годни видзиц купаче о чим ше то роби, та би ше з ошмихом преприповедовїовало як там тоту и тоту з тим и тим влапели на Жобрачей гори.

Можебуц то лем Керестурци, жадни горох и лесох, котри им остали у паметаню, пожадали мац голем у фантазїї даяку гору – та ю себе видумали знаюци же не придзе на розум каждому преверїовац цо то. А прецо жобрача, о тим би уж могло буц бешеди, мож едно-

ставно повесц же то место дзе ше схадзаю жобраци. То им таке як место схадзання после обиходзенья трох валалох, двох теди переважно швабских и єдног руско-го, дзе могли на мире попрепатрац цо им наспушували милосердни людзе од котрих жобрали, або котрим шпивали. Або и тото цо себе сами наспушували кед им було под руками, та закончело у меху чи торби, а газда го после даремно днями гледал по обисцу и биткал ше дзе му, а дзе му. Та вецка вони тоти свойо заробки медзисобно препатрали и черали, упутйовали єдни других як би з того вицагли цо лепши хасен. Вироятно же то було и место їх поради пред розиходзеньом до тих валалох, а и место планованя кадзи далей, зависно од календра вашарох, пияцох, або вельких шветох.

Тото место медзи двома войнами, а гваря же то почало ище у Першей шветовой войны, постало сходзиско рижних сцекачох од закона. Од того котри би их штрафовал пре рижни потупеня, найскорей крадзи, битки, та и забойства... Заш лем, наймасовнейши сцекаче були тоти од воєних власцох котри лапали тих цо ше зруцовали з униформох, зато же не сцели исц забивац, або у страху же буду забити. Таких людзе волали ловгоше. Як ше война, гевта Перша шветова, блїжела концу, так тих ловгошох було вше вецей, та гваря же ше єден час тельо назберали же знали уходзиц до валалу як даяка чета, же на єден завод аж и якуш заставу ношели. У валале було представительох власци, але ше вони, бо були моцнейши, а даєдни затримали оружие котре мали як вояки, од жандарох не бали. Жандарох було у валале лем даскельо, та им не приходзело на розум зражовац ше з тима цо уж сами себе поставели над закон.

Валалу остало лем буц цихо, ступяц им ше з драги, патриц цо меней ше стретац з німа, а кед би ше случело же тоти исти од дакого вжали дацо поєсц чи попиц, не вредзело ше бунїц, або удавац их, спроцивйовац ше им, могли ше людзе лем медзисобно скаржиц.

У Керестуре ше вельки крадзи теди не случовали часто. То скорей було так же кед з обисца винешени пирнаги, або даяки статок, знало ше же то толває цо пришли з околних местох. Валал мал моцну самоконтролу, та яй тому за котрого би ше одкрило же люби люцке. Людзе були вельо худобнейши як тераз, але зато ридко дакому падало на розум своєю худобство надолновоац зоз люцким заробком. Бо, кед би страцел тото єдине благо цо мал, свою чесц, вец би му нїяки газда не дал заробок, анї з рису робиц, анї слуговац, анї бирешовац, а худоба иншак не могла претримац ше, лем буц вредни и чесни. Чесни и вредни могол раховац же роками будзе робиц у истого газди, а таки мушел буц и тот цо мал лем єдного коня, та му требало спраговац ше з даским цо тиж ма лем єдного коня. Дружтва котри ше правело за роботу при машини за тлаченє, за набиванє хижох, за векши роботи котри вимагали зверйованє чловека на чловека, тиж мушели зазберовац таких цо себе єден другому могли вериц.

Не памета ше же би таки крадош, толвай, як ше то теди по мадярски гуторело, мал дакого у валалє котри му препатрала и указовала дзе цо може украднуц. Звичайно вони сами мали своїх вештейших членох цо визитирала по валалох, так же знали присц на пияц, або на вашар, дзе було можлїве видзиц цо хто ма на предаї, яки статок, на яких коньох пришол, та ше вец такого газду цо мал дацо лакомне провадзело и вец би порихтани крадоше пришли, звичайно вноци, а боме було случаї же пришли и по билим дню, та кед би ше одуперал и не дал по цо крадоше пришли, було аж и забойства.

Памета ше якишик штирох братох зоз Парабутю же пришли по конї, та газду нашли на полю на Вепровацкей, як оре, його поджобали же го вец мешацами лїчели, а конї одвели. Жандаре з валала не могли нїч. Людзе ше не могли одняц од нїх, та на салашох биреше з крижними древами закладали дзвери до хлївох, а вони заш лем уходзели, и

виводзели коні. Єден чловек кед чул же ше цошка случує у хліве вишол, а як виходзел та хвацел ключку з котру з брадла цагал слами та такі одшмелени приступел гу толвайом а єден му хвацел тоту ключку и задзал до нього. Так го, з ключку у бруху нашла жена и два дзивки та поволали сушедох зоз найбліжшого салашу и вец ше направела велька погона за німа. Теди ше на ніх позберали и жандаре з других валалох, а и шмелши людзе. Кед су конєчно влапени, бо ше спояли та крадли и индзей, скоро вше лем коні, одводзели их стотки километери далей и предавали их, та з того пенєжу жили, аж мулатовали, вецка суд бул строги и осудзени су, векшина, на доживотну робию. Найстарши, главни, зато же ше доказало же не лем побил, але и забил дакого, обешени. Хто зна, можебуц и тоти браца дакеди перебували на Жобрачей гори, там плановали, отамаль одходзели краднуц.

Но, уж як там було, главне же тота Жобрача гора була позната, випатра, велім з вонка валала, аж и баржей як тим у валале. Валал ше за ню баржей заинтересовал аж кед ше случело цошка цо му обрацело увагу на тото место.

У валале ше рихтала свадзба. Одавала ше якаш Макренка, шумне и осетене дзивче, за якогош Ферка цо го мац водзела до церкви, од дзецка, не ходзел з другима дзецми, бо го оддрильовали. Кед вироснул, та и да сцел не могла го пуцац до газдині, бо би го младеж видриляла. Вон ше и найбаржей волел сам бавиц, влєце задлуго, уж такі ломпов, шедлал прут як даякого коніка, подскаковал, регочал и бил з батоном, а так же би ше за нїм курело по дильове. Вжиме вше дацо стругал з бичаком цо му оцц купел на вашаре. Кед го раз мац охабела дома самого, нашол под греду якиш папери, так ше му пачели волки цо видзел на нїх же их повиштриговал и порозладал по столе. Та жена, мац його, кед пришла, лапела ше за главу:

– Ферку, сину мой, та цо ши поробел. Ша два ферталі жеми зме могли купиц за тот пенєж. То пенєжи, не видиши?

Но, та, за такого млодия ю сцели родичи дац.

– Мамо, яки то муж будзе – плакала Макренка.

– Голем не будзеш гладна и гола и боса, вон єдинец, шицко йому остане, а ти будзеш газдиня у обисцу и зоз шицким ти будзеш байлаговац. – Так цешела мац Макренку и указовала ей яки ей кабат будуца швекра послала.

Облєкла ше єдного вечара, Макренка, кед родичи поспали, до того кабата, и наисце, таки красни шмати нїгда не мала на себе. Вишла така прибрана, у баршоню вичесана до летней ноци. Мешац ошвицовал ей родни валал, улїчку у котрей ше од дзецинства бавела з пайташками, драгу гу бегелю на котру вишла.

Вец ше по гацї рушела гу шлайсу. Вода опрез ней сушала, падала и приповедала о тим як шицко преходзи, як нїч не мож врациц. Подумала висц вочи тому цеку, рушела далей, дражка на гацї була вше меней вигажена, роса почала влажиц траву котра ей ласкотала скленчки над ципелами, а вона лєм ишла и ишла, док на мешацovej шветлосци не видзела високи мост. Застала на хвильку, а вец одлучно, пошвидшано, видрапала ше на ньго, пришла на стредок, нагла ше, а вец лєм прекрочела єдну ногу, друга ше сама преруцела преїт огради и вона спадла до цмей води.

Кед пришла гу себе видзела даскельо особи у цмоти як ше нагинаю над ню и так правя цинь же ю мешац не ошвицовал. Чула гласи, алє слова не барз розпознавала, була мокра и було ей жимно. Єден ше нагнул над ню, гуторел дошка и кед видзел же го не розуми, сам почал розвязавац сукнї на ней.

Макренка пробовала озвец ше, дзвигала слаби руки же затрима на себе шмати котри ей зруцовал, алє вон предлужовал и вона неодлуга остала гола. Свидома же є ошвицена з мешацом, и же ше шицки присутни хлопи, а було их голем дзешецме, припатраю на ню, сцела сцекнуц, нестац.

Тот цо ю зоблескол принес якиш покровец и округел ю до нього, легнул коло ней и вона ше неодлуга престала тресц, змирела и заспала.

Зобудзела ше не од слунка котре вишло, але од кормацаня особох кед ставали, нацаговали ше, викашльовали. Видзела свойо шмати попресцерани на черякох около, попатрела на покровец у котрим була округена, а вец на челедніка коло себе. Вон ше зобудзел, ошмихнул на ню, вецка станул, пошол гу едней зайди и з ней винял якиш вояцки панталони, кошулю и ремень, дал ей и з гестом, знова ше оздзиваюци так же вона не розумела, указал ей най ше облече.

Побрала Макренка тоти шмати, зашла за еден черяк и кед вишла споза нього була облечена як хлоп, лем ей на глави були варгочи.

„А баршонь?” – подумала – „страцени у води бегеля”.

Исти челеднік ей дал якуш хусточку котру вона завязала на главу и попатрела там дзе коло огня даскельо хлопи пекли сланїну. Запахло ей, а ей уж познати пришол, дал ей палїчку на котру здзал фалат сланїни, и одведол ю гу огню. Як нацагла палїчку зоз сланїну, вона почала шквирчац и о кратки час з ней почало одкапкавац. Челеднік ей додал фалат хлеба и вона масц зоз сланїни почала зберац на хлеб.

Так почал нови Макренков живот. Кабат, блузну и фартух позберала зоз черякох и руцела до води. Кед ше фартух заквачел за ограду шлайса шлайсар го винял и дал явиц до валалу, бо ше пречуло же Макренково родичи по валале гледали свою дзивку. Яки то плач и смуток настал кед прияли доказ же ше їх дзивка руцела до бегелю?! Були сигурни же ше задавела, днями походзковали по побережю бегеля у надїи же найду ей цело и поховаю ю як ше швечи. Але анї цела не було, анї живеї Макренки.

Неодлуга ше у валале почало приповедац як доокола по шицких местох гара якаш банда, и же зоз нїм и його

дружством цо на коньох швидко убігую, хватаю цо надумаю и сцекню, и една дзивка, облечена до хлопских шматах. Же є немилосердна, и схопна и у шедланю, и у сцеканю. На тото дружтво організована и погона, але од ніх нігда ніхто не влапени. У єдней з тих погонох заштрелени єден котри заостал за другима, же би им штреляюци чувал одступніцу, покля го смертельно не потрафела една жандарска кулька. Кед добегли гу ньому ише дихал, але ше видихал на кочу на котри го положили же би го вожели, такого мертвого, по валал до валалу чи го дахто не препозна.

Не препознал го ніхто, а крадзи на цалим тим подручу ше змирели. До валалу сциговали гласи же у Славонії, дзе жили и велї виселени Керестурци єст якаш велька толвайска банда котру водзи славни Чаруга. Шпиванки ше о нїм шпивали, власци організовали погони, але им вон вше вимкнул. Же му праве жени були главне склонїско, аж су анї єдна на другу не нагнївани, же вон каждую охабя дома лєм єдну вшадзи водзи зоз собу.

Уж пред саму Другу шветову войну якаш пара ишла до Загребу, бо им там син закончел за адвоката, та ишли на преславу приманя дипломи. Дзешка под Винковцями гайзибан застановели у полю, обколели го якиш хлопи на коньох, до вагонох поускаковали хлопи зоз хусточками завязанима преїг устох, попод носи. Кажди мал у єдней руки револьвер у другей нож з котрим резовав кишенки, торбички зоз шиї, а и загрозовал тому хто не приставал дац пенєж, персцень, ланцушок, уж цо драгоцине мал при себе.

До вагона дзе була тота керестурска пара вошел єден, та кед знял калап, спод нього випадли два груби варгочи. Злєкнута пара у страху лєм зложела руки и почала ше сциха молїц:

– Господи Боже, помож нам!

А вец жена предлужела гласно

*Богородице, Дїво, радуйся, благодатная Марийо,
Господ з Тобою...*

У тим ше пред німа зявела крадошка з калапом и озвала ше гу нім по руски:

– Ви Руснаци?

– Гей – гварел тресацо чловек, а жена додала. – З Керестура, идземе гу синови, не забийце нас, модлім вас!

– Поздравце ми Керестур – гварела млада жена, виврацела калап зоз хторого ше висипало шицко потеди назберане, положила го на главу, и пошла. Кед муж и жена прибегли гу облаку, видзели як схопно скака на ошедланого коня котрого тримал млади легинь, як неоглядаючи ше витла по коньских задніх ногах и криста крижом у бегу оддалела ше од гайзибана, док не постала лем една рушаюца точка на горизонту.

– То муши буц Чаругова Макра – шептали людзе возбуждено, хватаючи зоз громадки тото цо було висипане зоз калапа, а цо препознавали як свойо.

Малженска пара о тим дожицу приповедала длужей и вецей як о тей святочности на котрей були у Загребе. Людзе на праткох вше ознова претресали тото їх приповеданє, а шицким найчуднейше було же ше жена-толвайка озвала по руски и же поздравила Керестур. Спочатку нагадовали койцо, а вецка якош шицки дошли на тото же то ма буц лем Макренка. Бо, раховали вони: гоч ше верело же ше задавела, ей цело нігда не пренайдзене, анї у води, анї коло води, а очивисно же ишла тамаль, шмати не случайно доплївали до шлайсу. Вецка повязали Жобрачу гору зоз Високим мостом, з хторого, знали, же уж даскельо особи скорей скакали кед ше сцели забиц, а кед претресли тото хто ше шицко схадза на Жобрачей гори вец, думали, не чудне же и Макренка закончала медзи крадошами и збойніками.

Висти о безочним одніманю и других злодійствох Чаруговой банди сциговали, док го не влапели и осудзели на шмерц. Легенда о нім го наджила, але то було уж пред сам початок Другей шветовой войны, кед шицко поцисли шведоченя людзох же ше не лем на

Жобрачей гори, але и по других метох у хотаре, по кукурицох найвецей, зявели якишик нови ловгоше, лем же ше вони тераз волаю желени кадер. Кед война сцигла и до валалу, почали ше каждодньово збивац койдзеяки збунююци неочековани и страшни ствари же людзе и забули и на Макренку, и на славного Чаругу.

ПАРОХ МАКАЇ

Мижо бул наймладше, дзевяте дзецко вредних Макайових парастох, народзени на салашу под Пиньвиц, вецей як дзешец километри оддаленим од Керестура. До валалу ше одходзело преславиц швета, до недзельовой Служби Божей, пре свадзби у родзини, по даякей работи и кед ше мушело дацо кончиц... Фамелия одходзела порядне, праве прето же би дзеци присуствовали на богослуженю за дзеци, недзельовой малей Служби Божей. За дробни дзедински ножки тото було путоване було длуге, тирвало воно добри два годзини. Були дильови по хторих ше могло исц, але през гони блїжей. Було рижни препреченя, високи кукурици и глїбоки вагаши, ярки... А мац дзеци поприберала, бо ше у нїх цешела: облекала им били гачки и кошульки. Як вони випатрали док сцигли по валал, по праху на дильове и роси на трави, мож лем задумац.

Но, найвекше препречене през котре ше преходзело кед ше сцело скрациц драгу бул еден ярк у котрим скоро вше було води, а кед не води, вецка голем мутлянки и жабурины на дну. През ярк не бул мосчик, надалеко, та ше през нього преходзело так же ше го прескаковло зоз палїцу, цо ю хтошка там зохабел же би послужела тим цо сцели прейсц, таку, длугоку дас три метери. Палїцу требало дзвигнуц, упрец до жеми, залетнуц ше и прескочиц. Та, кому ше удало прескочиц – прескочел, а кому не, тот рапнул до мутлянки. То ше найчастейше случовало Мижови. Забегнул би ше и вон, и залецел, але чи слабки ручки, чи кратки ножки, лем задлуго, гоч цо да робел далей од стредку не сцигол. Кельо лем да трепал з ногами кед видзел же ше застановел дзешка на стредку ярка, же би ше даяк задрилел и преруцел прейга,

його скок ше закончовал так же – спаднул. Та ше вец врацал плачуци на салаш, по поцешене гу мацери. А тото поцешене було таке:

– Вирошнеш, Мижу, та прескочиш!

Або, кед ше случело же ше побил зоз сушедовим хлапцом, Словаком, та го звалел на жем, а його пес же би го ошлебодзел, укушел Мижа и то так фест, и вон ше знова, плачуци, розбегнул гу мацери. Вона го лем погласкала, опатрела укушене место, поумивала, заплатала гачки и гварела:

– О дзешец дні не будзе ані видно, а о дзешец роки забудзеш же це укушел.

О своєї мацери, як о святей у своїм здогадованю, дакедишні Мижо, кед уж бул керестурски парох Макаї, бешедовал:

– Од ней сом учел од коліски, мац перша кніжка з котрей дзецко учи азбуку живота, тот наук склада до шерца и ноши цали живот. Попри дзевецерих дзецох роботи мала вше полно, вона и ноцами робела, а ми дотля сладко спали под цеплу перинку.

Перши спознання Мижо достал од власней мацери и мацери шицкого – природи. З радосцу упивал зоз шицкого коло себе, учел ше краси патраци на загойсани житни поля, слушаюци писні шкорванка на славу Божу. Напасаюци крави на сцернянки, припатрал ше як ше природа меня, чувствовал ше же є ей часц, а вец, як и други його браца и шестри, кед сцигнул з роками за школу, пошол до валалу. А там, у школи, по една кніжка и по една таблічка за каждого. Мижо любел школу, не тельо пре тото цо ше у ней учело, але, так после припознавал, прето же ше там и шпивало:

– Теди сом не роздумовал дзе пойдзем, то лем одлични ишли далей. Я не бул баш з тих одличних, але сом на инше ані не подумовал, лем о паноцовстве.

Започала длуга драга по виполнене судьби. Розпочала зоз класичну гимназию у Вараждину и стретнуце дзе було найважнейше научиц класични язики: гречески и латински, з хторима му ше отворели дзвери велїх мудросцох

написаних за шицких и за шицки вики од хторих перша цо стала на уходзе до будинку гимназиї:

Жиц не лем за себе, але и за другого

– И наисце, цали живот ми потвердзовал же може буц щешліви лем тот, хто видзи же и тоти коло нього щешліви – твердзел вон и ошмиховал ше, щешліви, окружени зоз своїма парохиянами котрим уж першого дня, кед пришол як паноец до Керестура гварел:

– Мили браца и шестри, моя капурка вше отворена за вас, дзень и ноц, 24 годзини. – Вец кус застал, ганьблїво ше нашмеял и додал: – Гибаль же храпим, та вас не учуем. Але ви лем гибайце и дуркайце.

Кед починаш дацо роздумай о його краю

Осем роки през гимназию думал на тоту присловку и учел же живот драгоцини и же го треба чувац и чествовац. *Хто шпива, двараз ше молї* – остал паноец вирни гу своєї першей любви. Научел грац на гитари, та ше з ню у рукох кеди лем могол одпочивал под оргону у загради.

Зоз шпиванку виражовал себе, радосц живота, интересовала го полифония, церковне шпиване. Кед пошол на Карпати, до гимназиї у Ужгороду, вец у Калочи, на студийох богословїї, вше коло себе зберал добрих шпивачох, та з нїма дацо рихтали за Миколая, Крачун. З музику шицко було легчайше подношиц.

Аж и войну до котрей, уж на самим концу, але досц длуго же би дожил шицки страхоти през котри ведно зоз своїма парняками, валалскимя легинями, преходзел до партизанох. Його душа и з того пекла през котру преходзела його 36 дивизия у Трецей армїї, зачувала красни памятки. Своїх соборцох, неоспособених за тото цо их чекало, научел у павзох фронта и биткох, штирогласно шпивац. Так себе ведно ублажовали поцерпане у тих дньох, у котрих

рано не знали чи дожию вечар, а вечар чи за ніх ошвитне рано. Цела веліх з котрима бул у войны приншени до Керестура и спочиваю на керестурским теметове, а велім ше анї гроб не зна. Теди уж богослов, аж и одликоване достал за заслуги за народ, гоч можебуц зоз пушки анї раз не штрелел. Демобилизовани нігда по нього не пошол...

Таке искуство го лем утврдзело у прешвеченю же вибрал добру драгу. Школоване предлужел у Дякове, та Загребе, же би на концу у Риме закончел постдипломски студії, и дзешец роки бул у Загребе як духовнік младим цо ше рихтали за священїкох. Були му то найкрасши роки: од рана ше рихтал цо им на вечар пове, най их охрабри, а вец ше цешел же келї з ніх постали священїки у нашей епархії. Там ше з власним искуством дошведочел же Латинє котри записали же *Найвекша уметност виховац доброго человека*, мали право...

– Закон любви найвисши – толковал занєшено тим цо мали часу го слушац на веліх дружтованьох на котри бул волани, а на котри вон любел буц волани. – Як цо стої у Новим завиту, же Исус гварел: „*Човек векши од соботи*” – сам потупїовал старозавитни закони, бо чуда робел и научовал, углавним соботу, гоч собота за Єврейох святи дзень, ише од Мойсея, дзень кед ше треба пошвениц Богови.

Так парох Макаї поштредно давал за право людзом котри ше не притримовали строго швещеня недзелї, и других шветох, та у косидби, ламачки и других польских роботох не бежали до церкви, але на свойо поля. Знал вон же парастови його робота його молитва: тото цо ше муши поробиц, муши ше поробиц на час, же би труд и укладане не препадло, же би и вон и його фамелия и други цо од його труду завиша були обезпечени. З тим им благау у души чувство кривди же потупною традиційни вирски закони.

– Я ше вше старал помогнуц и поцещиц человека – правдал ше парох Макаї и наисце, озда нет у валале особи котра голем раз у живоце не зашла гу ньому як гу оцови, порадзиц ше, посовитовац, достац потїху.

Не остал парох лем на словох, потвердзовал тото цо гуторел и з ділом. Керестурци паметаю велі таки приклади, преприповедаю их як анегдоти з котрих видно як ше старал же би их анї зоз словом, анї з ділом не повредзел, але и тото же вони то чувствовли и були му подзековни.

Идзе вон так, гвари една анегдота, а пред дутяном полно хлопи, врацаю ше з роботи та себе покупели по пивко, бо туньше як у карчми. Опарти на бицигли, лебо на мур, на друк за операне бицигли, або на саму бициглу, на стояцо чи на кучацо, пию, куря и бистра свою политику. Дакус им неприємно, же гат, идзе паноец, та му смерно здравкаю:

– Слава Иесу Христу!

А вон ше лем ошмихує, як кед би ше и сам ганьбел же их поганьбел не нароком, одвитує, а як з питаньом у хторим лем хвосцик поспердованя:

– Одпочиваце?!

Розумели го, а розумел их и вон, бо и сам бул таки цо любел и поєсц, але и попиц. Вожел сам свой авто, а кед уж назберал роки, а назберал и паленочки, та знал замодліц свойого церковніка:

– Ти ме лем одведз гу авту, укаж ми кормань, та я пойдем сам.

И наисце пошол, помалючки, нїгда не направел нїяке нещесце.

– Мам упечаток же ме дзеци найволя, дакеди не шмем анї прейсц коло школи кед одпочивок, бо гоч там учитель, дармо, вони прибегаю гу мне. То окредне приятельство, нет дзеца цо го не познам, кеди можем давам им дацо, гоч дзеци нешка, слава богу, не нужни.

Сцел парох Макаї увесц и новосци до своєї роботи: сцел писац мелодії, та вец тоги шпиванки грац и шпивац после Служби Божей, же би ше дзеци дзечнейше зберали на виронауку и до церкви, же би тото зазбероване було сучасне. Але яки бул, обавал ше же баби поведза.

„Яки то гудаци граю у церкви”.

Благи преблаги, болели го нещесца його парохиянох. Приповеда ше же еден човек з дробнима дзецми розпочал хижу, ешень уж пришла, а йому работа з котру думал заробиц тельо кельо му хибело же би ю закрил и до жими ше уселел не пошла як плановал, та не знал цо почац, дзе ше обрациц за помоц. И вец, едного дня, у коверти звязаней зоз шпаргу преруценой преиґ мурика до його двора нашол пейцсто марки – тельо кельо му хибело. Знал вон паноца Макая, а знал и пред ким ше скаржел, та вжал пенєж и пошол до нього, порадиц ше, цо зробиц з тим пенєжом:

– Бог знал же ши нужни, та нашол з ким ци пошлє. Не старай ше, то його задумка!

Так змирел человека, а утвердзел прешвечене у валале же вон тот цо вельо раз неменовано помага тим у нужди, же шицку свою плацу несебично роздава з радосцу, а же ше нїґда не призна.

А знал, и попри того велького порозуменя за човеково слабосци и неволї, кед требало, не одступиц од своєй душпастирской улоги.

Раз го так поволал еден парохиян, котри ше у гарешту дзе пошол пре транспортне потупене, упознал зоз едну цо там була, бо ше чежко вимсцела мужови кед го влапела з другу, же най го повинча. Же би ше могли повинчац, млода мушела перше буц покресцена, бо була муслиманка. Но, та, на вечери, на котру бул поволани и паноец, хтошка евфорично наздравел млодытом и одшмелени розпочал бешеду:

– Правда же була муслиманка, але з ней будзе добра християнка, гей, паноец?

– Яка була и муслиманка – одвитовал вон сциха, але одлучно.

Под конец живота бул найстарши активни паноец у владичестве. Видзел вон же його парняки уж стари, згорбени, лиси, знал же и вон таки, гоч ше чувствовал же би и валцер могол затанцовац и фодбал одбавиц. Службено ше штири раз питал церковним власцом, же най го пре солидарносц гу младшим зменя, ша мал и свою хижочку, най ше други укажу.

Єден главни секретар у владичестве го поцешел.

„Не богзна яки ши, але лепшого од тебе нет”.

Шмеял ше на то керестурски парох, а мило му було. Любел тоту любов коло себе, тото чувство же є дома, же є як и други, з цалим валалом родзина. Бул порихтани за пензию, але не и охабиц Керестур. Сцел, покля могол остац при хорому, при споведзи, помагац на веронауки...

И удало ше му остац у Керестуре до конца живота, а и после. Бо, тот цо ше несебично дава каждому, остава у каждим цо дацо приял од нього. Та є teraz там: на керестурских житних польох, у шпиванки шкорванчка над нїм, у ярнїм витрику цо несташно сипе вишньово лїсточка по Вельким шоре, у праху цо го у фурми блага вешенї зоз польох на своїх колесох до валалу уноша трактори, у дзецинским шмиху у школским дворе и у тихей молитви вирнїкох на богослуженьох. Як кед би ше його широка подоба у реверенди цо уж гу концу здабала на дзецински шатор, лем на хвильку скрила за даєден угел и teraz ше задовольно шмес же ище раз пофрантовал зоз своїма парохиянами.

ОСЛА У ВОДИ

Павлінка любела шицки швета, але ей Велька ноц була якош найсвяточнейша! Перше, прето же за Вельку ноц вше доставала нову шмату, а боме и ципелки, били ботоши и машлі котри би ей залетовали коло глави на концу варгочох до котрих ей мац ледво посцискала ей били кандрасти власи, док бегала коло кошаркох пошорованих коло церкви у порти. А кед Велька ноц була кус познейше, та кед би тих дньох так добре ограла яр, така розквитнута, красна и цепла, теди би у ней шицки три вельконоцни дні оддзвиньовала радосц котра ше розлівала по валале.

На перши дзень, знало ше, не идзе ше ні до кого, є ше тото цо було у порти при церкви поблагословене, з даедну капку швеценей водички цо ю з метолку пирскал еден, або аж троме паноцове, котри под небом, винешеним з церкви же би ше указало же на небо пошол и Исус Христус кед на пасхову недзелю воскреснул, обиходзели коло церкви. Небо ношели хлапци цо преїг шматох мали надзати шлингерайово кошулі, а зоз кошаркох викуковали паски, окреме украшени били циповки, фалати увареней шунки, з масла направене баранче або ружичка, скруцена суха, а обарена колбаса, грудка сирца, теї лакотки з вайца и млека цо ше ю вари лем за Вельку ноц и – вшеліак писанки котри офарбени и виписани на Желени штварток.

А други дзень, ей, другого дня, ше вона и ей пайташки скривали од своїх парнякох, котри на коньох, украшених зоз паперовима пантліками и вишиванима ручніками, приходзели шпиваюци – облївац их.

На шицки тоти возбудліви збуваня, як цо и по шпиваню на Вилію и на кирбайово вешеля, приходзели и

ей найлепши пайташки, Штайнерово двойнята: Мира и Ицука, за котрима вше ходзела и їх младша шестра Розика. На остатку, ша шицки Керестурски Жидзи ше пайташели зоз шицкима. Медзи собу бешедовали на своєї бешеди, але з другима у валале по руски. Научели.

Прето и Павлинки не було цілво кажди дзень забегнуц до сушеда Янка Жида, як го шицки волали, видзиц цо ей робя пайташки, або кед би ю з дому послали по дацо до їх дутяну. На Вельку ноц би їх дідови, истому Янкови, з дзверох здравкала:

– Христос воскрес!

– Не барз верим же воскрес! – гунцутски одвитовал дідо Янко.

– Гей, воскрес, воскрес – бранела Павлінка тото цо научела на виронауки.

– Но ша гат, кед воскрес, яй нам Жидом – скаражел ше дідо – а кед не воскрес, яй, вам, християном.

Не раз ше Павлінкова и дідова бешеда знала звесц на вирску дискусию у котрей вон дармо пробовал збуїц осетене дзивче. Кед му раз так, у стред бешеди випадла з рук шкатула полна зоз гvozдами, та ше розсипали по наолейованим патосу, Павлінка подумала же го то Бог покарал, та ше нашмеяла. Дідо ше пробовал зогнуц, але му стари косци не дали, та клекнул и так почал зберац гвозд по гвозд. Дзивче хвацело зоз тезги два штаницли з грубого папера, нацагло их на руки як рукавици, кукло гу дідови и раз два з двома гарсцами позгартала гвозди назад до шкатули.

– Чорчик ти вельки, мала! – похвалел ю дідо Янко.

Мала Павлінка ище вельо пайташки окрем Штайнерових. Окреме ше любела пайташиц зоз Єленку, штвартим дзецком ей учителя, котри ше мучел зоз своєю плацу виховац дробни дзеци, та своєю муку гартушел на дну фляшки у карчми.

А карчма, у котрей вон гледал ратунок, була обок при дутяну у стред валала. И ю и дутян тримали тиж Жидзи, Вайсово. Єленка о Вайсових нігда не думала як о иншаких

людзох як цо була ей родзина. Вони ей аж були блізиши, бо ше приємно чувствовала кед одходзела до тей нізкей, узкей и длугокей хижи, дзе ю волали прекрасна Паника и пегава Едита. Мали тоти два шестри и Тибия, досц младшого од ніх, але барз допитого, брата.

Кед требало купиц дацо у дутяну, Єленка уходзела на дзвери цо зукоѕ одрезовали угел. Кед отворела дзвери порушала дзвончок, цо давал знак же муштерию треба вислужиц. Єленка думала же то найфинши дутян на швецє. Шицкого там було: од витрийону по найкрасши гадваб, од цукру и бавискох по судзину и квас. Непреповедзєне богатство и краса!

Окреме було пахняцо у дутяну кед ше бліжели вельки швета, а пред Крачуном там були громади помаранчата и цукри у златку, швицаци гомбулі, бабки и коніки.

Вислуговала мац ей пайташки, та ше Єленка и у дутяну чувствовала цепло и комотно. Шмєла без ганьби питац ше же кельо дацо кошта бо вельо раз не мала досц пенєжи, або повєсц же най упише до теки. А у їх обисцу, було ей не як у родзини, бо родзина и уквилі, и пове цо ей на розуме и поогваря, а пані Сара була вше добра. Вєлі фалатки билого хлеба з маслом Єленка поєдла у обисцу Вайсових, а нераз ей пані Сара на одходзе штурєла до фартушцка фалаток платна на фартушок чи сукєнку. Так, потайомнє, да ю не поганьби, не як родзина, котра кед давала, надпоминала же чєка подзєковносц!

Дружели ше Павлинка и Єленка и медзисобно, алє свойо пайташки не вихабяли, а и други валалски дзєци, котри мали у сушєдствє. Вєлі жидовски дзєци ше волєли пайташиц з другима, а не зоз своїма. Иста, Едита Вайсова найволєла кед була дежурна з Владком цо ше ганьблїво, цо до школи приходзєл у шєстрових ципєлох бо други не мал, скривал у остатнєй лавки. Уживала же му може на лавки охабиц ременчок бомбони, або даяку другу лакотку з дутяну, о котрєй ше йому лєм шніло. Уживал и вон у лакотки, алє не и кед му ше видрижньовали пайташе же яку ма фраєрку.

У валале було даскельо жидовски фамелії чийо присельоване паметала Павлинкова баба ише як дзивчатко. Шицки вони мали презвиска цо здабали на немецки: окрем Штайнерових и Вайсових, ту були Колбово, Кравсово... Валал и нешка улїчку у хторей мал дутянчик Резак вола Резакова. Наталка, ише єдна добра Павлинкова пайташка, цо у тей улїчки народжена и одросла, найволела шкинтац пред карчмочку на хторей на олупеней шивобелавей табли писало:

Колб Иґнят предава вино, пиво и паленку!

Натка и ей пайташком тоти слова непрерывно повторювали шкинтаюци по гарадичох: три горе и три долу. Випатрало им же то молитва же би ше не забунели. Преставали лем кед би дахто уходзел и виходзел з дутяну, глібоко удихуюци воздух засицени з найрозличнейшими возбудлівима запахами цо вибивал з нього.

Шицки тоти пайташки и пайташе творели зашушкане дзединство, аж и захрипнути глас дробного Ицака пиряра, котри кед преходзел през валал кричал:

– Пире, пире, купуем пире, старе и нове!

Та и озбільна подоба дохтора Шварца, хтори улївал довириє каждому хорому – пополньовала малюнок мирного валала.

Вец, єдного дня, Тиби Вайсов, озбільни и якошик святочни, стирчацци медзи хлапцами цо го окружели у школским дворе, надвисшуюци их за главу, з гевтима своїма целовима превидними ухами, цо му були поставени дзешка збоку, та здабал на даякого велького пергача, толковал же чом на лївим рукаве ма пришиту жовту пантліку, на котрей нарайзована шейсцуглова гвизда.

Хлапцом коло нього випатрало же тото цо вон приповеда пришло дзешка з далека, цошка таїнствене, не розумели ніч, скоро же му завидзели на важносци яку одразу достал.

Щупели ше дзивчата под гарадичами на уходзе до школи, даремно пробовали одгаднуц о чим ше роби, гоч

шицки три були одликашки: Єленка писала найкрасши состави, Наталка знала найлепше раховац, а Павлінка найлепше историю и географию.

Обецала Павлінка же ше дозна, прецо їх пайташки и пайташе, а и їх родичи по драже ходза означени зоз жовти-ма пантліками, а на їх тварох велька застараносц. Вислухала як оец и дідо приповедали же Жидох одведу.

Єдного з тих дньох Павлінка убегла до дутяну Янка Жида та му з дзверох у довирию, гварели же ше приповеда же ше дохтор Шварц прекресцел, та є вецей не Жид, але християн. Вецей не муши ношиц жовте на рукаве, и вецей ше му ніч зле не може случиц, цо ше приповеда же чека Жидох.

Скоро щешліва же сообщує єдну таку ратууюцу вистку, обчековала же ю дідо Янко такой вихаснує и виратує себе и свою фамелию.

Зоз обешенима обервами над нахмуренима очми, дідо без слова станул, обрацел ше и з єдней ладички за собу вицагнул нову ослу:

– Вежні тоту ослу, однеш ю дому и намоч. Ютре ми повеш же як ше пременела!

Павлінка поробела як ей сушед повед и кед му ютре врацала ослу вона була иста, лєм ище кус мокра.

– Най ци останс. Зохаб ю себе, як наук и памятку на мнє – гварел ей дідо задумано.

Якош теди ше зоз шпиталю, дзе оперовала жовч, врацела його дзивка Ева, Ицукова и Мирова мац. Ище така слаба, закруцена до лиловой хустки, кед як и вше, опарта на облак, випатрала своєю два красни дзивчата, озвала ше гу Павлінки:

– Ми, неодлуга, будземе мушиц пойсц, гибай нешка чи ютре, най ци подавам дацо, та кед бизме ше були врацели, можебуц нам твоя мац годна дац голем кантичку млека.

Павлінка не пошла ані теди, ані ютре дзень, ані єден з тих дньох док сушеди ище були у валале. После дознала, даєдни сушеди пошли. Неодлуга, єдней ноци, з валала вивежени шицки дзешец фамелії, штераецц души: хлопи, жени, дзеци...

Валал бул цихо, лем ше шептаюци преношело гласи же су шицки вивежени до цеглярні, а же их после розвезли по лагрох у Немецкей, не на єдно место. Три пайташки дошеповали єдна другей цо думая, дзе их одведзени пайташки. З банованьом пробовали одгаднуц цо би було да их прияли до своїх обисцох як родзину, як шестри. Єленка обиходзела Вайсову хижу, Павлінка кажде рано вишла на драгу з надїю же обачи отворени облак, а на нїм опарту панї Еву. Натка у Резаковой улїчки пошвидко достала нову пайташку, чийо родичи отворели дакедишні Резаков дутян. Нова ше сушеда не барз сцела з ню пайташиц бо ше рихтала, так гуторела, учиц за учительку и не мала ше кеди бавиц з парасткима дзецими.

Тото розчарованє Натка поведла пайташком, а подзелела з нїма и персценьчки цо єй мацери у шкатулки дала сушеда кед одходзела. Длуго ище на сукенки и блузенки, на оцово кошулі, мац пришивала гомбички цо достала кед сушеди мали пойсц.

Павлінка ше здогадла же Штайнерово сцели послац дзивчата до школи за газдинї, дзешка далеко, а вони ше спроцивели же не охабя пайташки у валале. Вец Єленка надпомла як вони, гоч Жидовки, порядне ходзели з нїма на виронауку, лем же би ше не видвойовали. Так им ище баржей було жаль за пайташками хтори ше, нагадовали, вецей нїгда не враца.

Алє, як час преходзел, швицаци каменьчки з персценьцох повипадовали, гомбички ше поотарговали, а пришол и кєнец войни. Дознало ше же од шицких одведзених Жидох прежили лем шєсцєро. До валалу ше врацел лем маляр Вили, неписмени и затрацєни, без роду и породу. Роками мальовал преднї хижы и конки керестурским газдиньом, цагал смужки и прикладал ружи у вецей фарбох, таки кракати и полузогнути. У шматох цо на себе мали шлїди шицких фарбох з якими мальовал, неставал за углом краткей улїчки у котрей бивал. Соботами, кед бул пияц, под його пазухами тютєли гуски, або даяки когут. Дзеци за нїм бєгали, а вон таки червени у твари, зоз свою цихосцу споминал Голготу з якей

ше врацел. Вец згуркло же ше дзешка з Пешти явела до валалу комушик и Мира, една з двойнятох, але ей поведзене же у валале Руси, а вона до їх одношеня гу свойому народу не верела. Познейше, дахто гвари же и видзел у руках матичарки, якуш карточку послату з Пули, у котрей иста тота унука Янка Жида гутори же одходзи до Палестини, а шицко Штайнерово: и хижу и дутян и конопарню, дарує валалу. Ище еден Штайнер вишол живи з лагру, Рудолф, лем же вон остал у Новим Садзе, робиц як новинар. Та кед стретал дакого з Руснацох не препушел нагоду озвец ше гу нїм по руски.

Едного дня, на Вилийову адресу сцигло писмо з Палестини. Вон го обрацал у руках и вец однесц поштарки Наталки най му го пречита. Поштарка после лем тельо гварела же го родзина, дахто з тих цо там пошли погледац нови дом, вола, най ше вони стараю о нїм.

Теди Вили позберал пенсж цо го през тидзень заробел спинаюци ше попод валалски повали зоз щетку и каблом у руках, купел на пияцу два пульки та их таки, завязани за ноги як даяки индиянски поглавица, обешел себе коло шиї. Таки пошол до сликера Бругоша висликовац ше. Фотографії, кед були готови, спаковал до чистей и празней коверти и знова пошол на пошту най поштарка випише адресу и пошле так и його одвит застараней родзини.

Остал Вили у Керестуре жиц до своєї шмерци, а то було длуго, досц же би го тедишнї керестурски дзеци, а нешка старши людзе споминали. Павлінка и нешка ма ослу од Янка Жида. Чловек цо ей придзе кошиц, на викендици дзешка коло Нового Саду, ше зоз ню служи.

Кед же над Керестуром плїваю у вичносци души його дакедишнїх жительох, най би ше души тих цо на силу виселени и трагично скончели, голем ошмихли же им зоз тоту приповедку направени мали спомин.

НЄЧИСТЕ

Кед дахто наймладше дзецко у єдней вецейчисленей фамелиї, вец вон ужива у тим же го шицки розмазую и найвещей му попущую, але вон и церпи же є найслабши та вельо койцо не може, або му не допущене. Владко бул после Єфрема, Миколи, Левони штварте дзецко, и остал Владко озда по женїдбу, а то значи же ношел ципели хтори уж други виношели, же му каждая кошулька була велька док ю не прероснул, а гоч уживал шлебоду у бависку и шпотаню по дворе и улїци, вельо раз му вона и огранїчована, бо то була воля старшого. А старши, окреме шестра, знали барз схопно вихасновїовац свойого наймладшого брата.

Наприклад, кед коло салашу дозрели орехи и почали опадовац, Левона нагварела Владка же най иду ведно зберац, та же их вецка буду ведно и есц. А зберане орехох коло салашу, дзе росли вельо багрєнки и їх младнїки, не була легка робота. Владко бул боси, але бул манди, та ше так, у кошульки, схопно уцаговал попод джобаци конари, до кошульки зберал орехи и одношел Левони до якогошик дзиравого кабла. Бул и подрапани, а бул до вечара и розтаргани, але було назберане и надосц орехи. Днями ше потим, вони, кед пред вечаром уж każde поробел роботу цо ю мал поробиц, госцели так же ше зацагли за брадло, та там на цєгли, з фалатом з другей цєгли, розбивали орехи. Владкови, кеди-некеди, орех одскочел та, або го не нашол, або би Левона скорей гу дому добегла. Або би му схопно подруцела дзирави, або кощак.

Док вон розбил еден, вона розбила и 5-6, та кед ше шерпенка випражнела, похопел вон же остал з краткими рукавами, та ше знал и розплакац.

Левона уж була така, дзивуша, та не ходзела по шпиваню, але знала позакуковац до Владкового мещка зоз зашпиванима яблуками, орехами, сухима шлівками, а динарчки цо себе зберал були виеднани за два герлічки, од єдного пайташа, за хтори и клітку направел и лем чекал най заокруглі два динари, кельо гевтот питал, та будзе мац тих прекрасних, гуркотацих пирйових приятельох. Нашол вон и якуш малу плехову шкатулку, озда од даякого виксу, цо у теди була права драгоциносц, та до ніх складал половчата и кед раз, лапел єдного штиглинца, а так же под якуш стару шерпеню з котрей оец кармел прашата, положел чутку кукурици и вец мерковал кед вон, таки змарзнути, прибегне джубнуц заренко-два, поцагнул шпаргу и вона спадла и зарабрвала го. Та, вец, за ньго достал полдинарче од сушедового Якима и щешлвіи прибегнул гу шкатулки прешвечени же є уж власнік пари герлічкох а воно – шкатулка празна! Тото розчарованє паметал покля жил, кед уж шестри давно пребачел, бо знал же лем вона так викухтарела за нїм, и же вона, така барз лакомна за шицким цо мож за пенєж купиц у старим жидовским дутяну, же не посанує свойого брацика цо ше тельо одрекал од шицкогo.

Але, видзел вон же Левона мушела вельо койцо поробиц у обисцу, бо Єфрем уж бул вельки и неодлуга була його свадзба. На свадзби ше Владко перше натохмал пупорки и ножки, цо му нина, цо бивала на концу валала и котру велї волали за кухарку на свадзбу, давала кельо лем раз закукнул до кухні у котрей ше вона и ище єдна сушеда, єй помочніца круцели, оштро пратаюци вонка шицких цо би ше надманули зайсц там. Лем йому каждираз виношела лебо пупорок, лебо курову ножку з котрей ше ище курело, бо була лем цо винята зоз юшки цо варла на шпоргету и пахла надалеко, аж ше мишала зоз запахом зною младих, а и старших на свадзби под шаторню на штред двора. После ножкох сциговала

каша, сладка, а з циметом посипана, вец тота славна юшка з гагорками, а вец варене месо и мачанка, а червена, а сладко-кваскава, парадичова! Теди ше ише торти не пекло, лем покераї, але таки да ци душа од смаку и паху. Та длуго ише Владко Єфремову свадзбу паметал по тим же ше му озда и два, три дні ригало як да поєдол запорсток – так ше оєдол.

Єфремова женїдба принесла вельо нового до обисца. Було лето и младим ше посцелело на пойд, недалеко од драбини, та млади знали там нестац и водне, а Владко пошвидко винюхал же млада андя зна з пияцу, дзе одношела масло и сир предац, принесц не лем динари, але и тоти швицаци гадвабни бомбони, котри ше дакеди ушло и Владкови, а так же му указала з пальцом да будзе цихо. Вец пришла жима и млади зишли на посцель у приклеце, а на пойд Владко одходзел кухтариц, тераз не за бомбонами але чи ше там не угнїдзел даяки ташок. И вец, раз, нашол якуш ботошу, за греду нашол якуш ботошу, а у ботоши кед отворел – пенежи. Шицок радосни прибегнул гу мацери:

– Мамо, патьце цо сом нашол!

Мац му тоту ботошу з пенежми вжала з рукох, його випратала вонка, а о кратки час ше з приклета чуло якиш галайк. Вец ше дзвери нагло отворели, на нїх вибегла млада невеста, та просто на капурку.

Владко ю даскельо дні не видзел, а вец дознал од Левони же млади пошли бирешиц до Махнера под Кулу.

Так ше закончала епизода зоз младу невесту котра и кед приходзела до нїх, було то як под венцом: а у обисцу ше вецей о тим не приповедало.

Безгранїчна була Владкова шлебода бавиц ше у загради, у гумне, а вшадзи зоз своїм вирним Тапшийом. Длугоки, округли як даяка груба ботоша напoлнeта зоз сламу, скоро да цагал брух по жеми, з клаптавилами ухами, хвосциком як даяку колбасу скруцєну на горе и краткими ногами з котри-ма дробкал, якош пишно и пошвидшано, без скаканя як то други пси робели, але виєдначєно бєгаюци, а сциговал вше и вшадзи дзе и Владко.

НЄВИДЛІВА МАРИЯ

Зоз тей споведзи легко би було написац фантастичну приповедку, полну з несподзиванима дожицами и одкрицами. Медзитим, искуство героїни тей несудзеной приповедки не заслужує буц банализоване, та лепше най останє тото цо є: шведоченє о тим же зме нїгда не сами и же и кед думаєме же зме сами у своїм нещесцу, над нами єст якаш сила хтора нас виведзе зоз шлепей улїчки до котрей зме заблукали.

О своїм искуству шведочи Рускиня зоз Сриму, хтора з Керестуром ма таку вязу яку ю маю и шицки Руснаци, та и тоти зоз сримских валалох котри настали теди кед ше Керестур так звекшал же постал цесни своїм жительом, та ше з нього шмелши, чи нужнейши, почали поєдинечно, або організовано и масовнейше висельовац. Вона виросла у фамелиї валалского ципелара, котра жила так як цо жили и други у валале, котри були парасти. Нї по чим ше не видвойовала од других, гибаль по тим же у ней були три дзивчата котрим богобойна мац дала красни и за тот час видумни мена: Вира, Любов и Надїя – шицко тото зоз чим була водзена кед свойо дзеци воспитовала и унапрямїовала до живота.

Дзивчатка ше народзели такой после Другей шветовой войни, кед шицкого хибело, лем не хибело тото цо човекови основне же би одроснул до доброго и чесного човека, а то праве вири, любви и надїї. Вири достали у фамелиї, любви им родичи не шпорovali, а надїї, после страхотох войни котра тамаль прешла, було, бо би ше иншак не могло вижиц у худоби и памятокх котрих ше людзе сцели цо скорей позбуц и обрацац на будучносц. Та, родичи, думаючи же дзивчатом найскорей так обезпеч

цигурну будучносц, позберали тото кус маестку цо мали и преселели ше до найблізшого варошу, пилнуюци кажды послац до школи.

Перша ше до школи уписала Вира. Учитель уж у першей класи замерковал пилне биловласе дзивчатко, же як ше хапе до науки, але замерковал и тото же ше воно, кед чита, барз згина над кніжку и ужера на таблю. Преложел ю до першей лавки, але и надалей, кеди лем бул дати задаток хтори бул виписани на табли та го требало преписац, у Вировей теки було гришки, та учитель направел мали тест: дал ей пречитац кратки запис зоз єдней кніжки написаней зоз дробнима буквама и, дзивче не могло. Не довидзовало.

Родичом не було право, та ше чувствовали виновати, бо як родичи думали же то дакус и їх хиба, не лем же дзецко очивисно од дакого нашлідзело слаби очи, але и же ше дотераз сами не осетели зробиц дацо з тима ей очми. А єдини лік у тот час за крадковидосц були окуляри.

Прешвечели вони свою Вирку же то лем паночки ноша окуляри, та ше вона з початку аж и цешела у нїх. Але, дзеци зоз класи, а познейше и други, таки яки уж дзеци знаю буц, перше завидни на Вировим порядним дзвиганю руки, и на вше точних одвитох котри давала учительови, а вец аж и на тих „панских” окулярох котри достала и пре котри ше видвойовала од нїх, почали здумовац некрасни бависка з ню. Ніби, нездобачки до ней штухли, и то праве на местох дзе ше вона чувствовала небезпечно, як цо то гарадичи, окреме кед сходзела, та не барз могла преценіц глібину гарадичи, або кед ше звонка уходзело до цмейшей просторії. Обачели же Вира непрерывно у страху же неодмера точну длужину крочая та ше пошпоци, лебо диргне з ню, та спадне и розбие окуляри. Раз ей аж и пукла ручка на окулярох, бо ю сцисли дзивчата цо ше цискали у теди популярним бависку: „Цо вецей”, у ствари, дрільяню до єдного кута, на громаду. Єдна би перше станула до кута, бо ей було жимно, а повойново облечиво на шицких дзедоцх було ліхе, та почала кричац: „Цо вецей, цо вецей!”, док би не прилапели и други и зби-

вали ше як даяки овечки до громади, та так сцискаюци ше и огуруюци и зограли.

Други раз ей еден хлапец, озда прето же му учителька указала ей теку яки домашні задаток ма буц, чисти и шорови, а не замурицкани и зоз магарчима ухами як його, подложил ногу кед виходзела на дзвери, так лем, кус, же би други не обачели його намиру, але досц же би ше заплянтала и на цегелкох у конку розбила скло на окулярох. Хлапец ше сам злекол од того цо поробел, бо Вирки почала чуриц крев з оберва. Дзивче ше злекло и розплакало, у страху цо пове родичом котрим и скорейша оправка була неплановани трошок, та задлуго ношела зоз дроциком скапчану ручку на лівим уху.

– Могли бизме ю послац най ходзи до другей школи – радзели ше родичи – а хто зна чи то вредзи, дзеци вшадзи исти.

З часом ше Вира поцагла од дружтва, найволела попонагляц дому и после закончених домашніх задаткох шеднуц з кніжку, цо ю принесла зоз школкей читальні, на даяке осамене место, та заплівац до швета котри иншаки як тот цо ю окружовал. Нажаль, у тот час ше на шицким шпоровало та аж и на струї и грушочки за лампу, до котрей ше клadlo найтуньшу и при котрей ше Вирово очи напинали и слабли. Заш лем, то ей не завадзало остац одлична школярка, бо ше старала на годзинох цо вецей запаметац, аж ше явяла и повториц же би утвердзела лекциї и не мушела их дома учиц.

Так закончала и осму класу и одлучела пойсц од обисца до ище векшого варошу, сама жиц и школовац ше. У вельким варошу Вира не доживйовала таки неприемности на яки звикла, але доживйовала други: уходи и виходи до и зоз трамвая, дзе ю у гужви знали так сциснуц же ше лапала за окуляри и знімала их у страху же ей их розпуча, а вец у дрילяню бала ше их класц док не видзе чи войдзе, та ей було страшне вискаковац зоз превозки на тротоар, на котрим не видзела чи ест дзира, чи грунчок. Кед прето

першираз спадла и витхла руку на котру ше дочекала тот страх ше ище звекшал. Прето частейше ходзела пешо, як цо ше пендрала до городских превозкох.

– Голем ушпоруем на картох – цешела ше з горчину.

У новей класи достала и нове мено:

– Окулярка – наволали ю и тото мено ей остало покля не виходзела и стредню школу. Щесце було же ей наука и далей добре ишла, але нещесце було же ей очи з рока на рок слабли, та скла на ей окулярох поставали вше грубши и грубши. И док други ей парнячки почали виходзиц на танец и на преходзки, вона ше ище баржей чиряла до швета кніжкох. Одрекла ше уживац у краси вчасней младосци, але ей тото одрекане принесло успех у школованю, та успішно закончала за медицинску шестру и з одличними оценами конкурвала на роботне место у познатей медицинскей установи. Там ю колегиня з котру ше здружала, а хтора пре криву похребцину пережила вельо операції и третмани же би голем на очи одстранела свою инвалидносц, и барз добре розумела Вирово трауми, упутела на новоотворени кабинет за контактни ленчи.

– Будзеш видзиц же вредзи и пенєж и труд цо уложиш до себе. Живот ци ше прменї за 180 ступні – прешвечовала ю колегиня.

Конечно, овладуюци зоз схопносцу кладзеня и винїманя ленчох, Вира препатрела на способ як то видза людзе зоз здравима очми. Наисце, живот ей нараз постал иншаки, а и вона на себе, и на сам живот, почала иншак патриц.

Видзела Вира же по станю и по справованю не заостава за другима дзивками, та себе зоз плаци котру доставала систематично куповала тото цо ше ей видзело же ей швечи. Покус ше шмишкала у себе кед у облаку городского автобуса лапела даяки хлопски попатрунок цо ше застановйовал на ей подоби, а покус и сама почала шацовац легиных коло себе.

– Гей, красавицо – знала влапиц доруцоване на улїчки цо ей врацало давно страчене самодовирие.

На роботним месце вше частейше ше стретала з єдним стажистом, ані сама не свидома же на тоти стретаня почала раховац каждого рана кед ше зберала на роботу и кед виберала як ше того дня облече и нашминка. Вше баржей их и сама плановала, а после дознала же так плановал и вон. Шминкане постало ей каждодньове звикнуце:

– Як и шицки дзивки – заключовала задовольна з тим цо видзела у жвератку, а о чим скорей ані думац не могла.

Млади стажиста и млада медицинска шестра ше швидко збліжели, полубели и побрали, а неолуга звекшали и фамелию зоз єдним малючким дзецочком – сином. Дзецко котре народзела було моцне, а у положу ю так розпинало же ше ей кратковидосц звекшала за 2-3 диоптриї, та кед там дзешка, у штерацетим року прележала шарлах, од котрого ше вироятнo обрала у амбуланти дзе робела, диоптрия ше ей застановела на минус 11. Но, технология правеня ленчох напредовала, та вони поставали вше лагоднейши за ношене. Куповала их порядне, аж и у фарбох хтори ей желеним очом дали окремини бліск и заводлївосц.

– Пришол час вижиц свою женственосц – унімаючи ше, а и у поцешеню, правдала тото нялкошене пред мужом. – Досц сом ше крила за свою кратковидосцу!

Мужови ше то аж и пачело, бо одкривал нову жену у своєй ганьблївей и нецигурней супруги. Випатрало же шицко идзе як треба: син роснул и добре ше учел, мужови не була на розуме лем кариєра, але ше баржей старал буц цо вецей зоз фамелию, та на власним авту обишли цалу жем, а познейше и векшину державох около.

Медзитим, и у найвекшим миру ключка зародок немира, у каждим щесцу тлеє нещесце. Праве кед ше хлапец уписал на факултет, а Вира придала молбу за скорейчасову пензию, поволуюци ше на слаби очи, муж ей похорел и умар о даскельо мешаци. Як кед би скорейши живот бул лем сон, ей видумка, а не правда, Вири ше наруби обрацел цали швет. Єй пензия була мала, а кед би мужову вжала, та кед би ше з ней одбило як то припа-

да, понеже є лем ей хаснователь, достала би тиж тельо – недосц анї за найскромнейши живот у вельким городу. Покля хлапец студирал мал право на фамелийну пензию, але кед закончел пришли чежки часи за ощербену фамелию у, и так чежких дружтвених обставинох.

– Упишем постдипломни – гварел ей єдного дня син, кед достал озда и двацете писмо з котрим го одбили на конкурсу за роботне место. – Голем ше з дачим будзем занїмац, а и достанєм даяки динар.

Нове занїманє пренашла себе и Вира. Врацела ше до младосци, гу Руснацом. Почала ходзиц до рускей церкви, уписала ше до церковного хору, та ше ей аж под старши днї удало з хором першираз нашивиц Керестур. У Керестуре ше ей шицко пачело: и валал, и церква, и програми на „Червеной ружи”... Теди почувствовала як кед би ше у ней пополнили пражнїни за котри док мала полни живот анї не була свидома же их ма у души. Памятки з дзєцинства на родзени валал ю преполнели з емоциями, як кед би ше врацела до того спокою у котрим рано чуц бибича з пажици коло валала, а зоз черешнї за дзверками у загради ригова котри ю вола наоберац до фартушка першу ярню овоц, побудзиц младши шестри и подзелїц пирскаци плоди з нїма.

Од шицкого у Керестуре найглїбше ю дорушела молитва у Водици и шицки приповедки котри о ней чула у автобусу ище кед ишли до Керестура. Перше ше постарала купиц малу кнїжочку о Водици, котру, кед ше врацела дому нашвидко препатрела и не одложела, але охабела ю так, на орманчику при посцелї, же ю раз добре попречитує. Нови способ живота у пензїї, зоз сином котри ше уж могол сам о себе старац, випатрал ей спокойни.

Було то крегке поцешенє и змирене, бо неодлуга почувствовала же ше ей з видом цошка случує. Не була то краткотирваца неприємносц кед ше муши очи ошлебодзиц и виплокац ленчи, положиц облоги з руменцу, або накапкац капки же би очи були вше влажни. Не було то анї печенє як

кед до ока улетне невидліва часточка праху, або вибіє ярец кед оддакадз вдери цуг. Було то цошка од чого почувствовала поцерпанє, нагадовала же не добре, аж и же тото недобре будзе ише горше. Ленчи ю почали глодац, очи ей були вше червени и полни зоз слизами, покля ведно зоз дохтором не заключели же ей очи вецей не подноша анї еден материал з котрого ше ленчи правя и же ей очи, звикнути на патрене през ленчи, вецей не можу посцигнуц оштросц вида на окуляри, бо катаракта нагло напредовала.

Лапела ю панїка, почала ше обрацац на приятельох, на познатих и як человек котри ше дави, лапала ше за każde слово нагаданей помощи.

– Ша телї приватни клинїки знімаю диоптрию з ласером – упутйовали ю тоти цо ше им поносовала. – Нешка оперовац катаракту барз едноставне.

Нашла вона и адресу даскелїх з тих клинїкох, але ей на каждой поведzene же ей можу повесц чи ю вежню оперовац чи не, аж после препатрунку, котре виноши найменей дзешату часц операції, цо голем половка ей пензії. Чула вона же ше таки операції у „индикованих” случайох окончую и на державней клинїки, та з прешвеченьом же вона тот „индиковани случай” и зоз упутом ей дохторки, рушела до найвисшей медицинскей установи.

На уходзе, пред примацим пултом, у длугоким шоре котри ше формовал скорей як цо вона сцигла, почало ю напушац самодовирие, а роснуц страх цо ше збивал дзешка у жалудку:

– Цо кед ме не приму, цо кед не годно? – джубало ей у глави. Одганяла думки, а вони ше врацали и з прешлосци вицаговали смутни днї дзецинства и младосци.

Шор ше кус-покус прибіжовал гу пулту и Вира конечно придала упут и папери зоз найновших препатрункох младей, кратковласей шестри, у зацагнутей униформи, котра ей жуваюци жуваче на еден з тих паперох вдерела печач, та себе под нос прежубронела:

– Придзецє з новим упутом 13. новембра!

– Але шестро, я уж не видзим. Мушела сом на таксию присц, бо сом вещей не безпечна на улiци?! – вибухло з Вири през плач.

– Не знам, я мам календар и до нього уписуем по шоре – одмахла з ей упутом у руках млада шестра застановуюци ше над якуш вельку теку: – Най вас пишем, або не?!

– Мац Божа – пошептала у себе Вира – та цо робиц будзем?

– Питайце най вас упише на позарядови препатрунок – влапела совет едней барнастей шестри, з полно картонами у руках котра ей доруцела у преходзе.

– А кельо би коштало кед бим плацела позарядови препатрунок? – и сама була зачудована як швидко похопела же ей тот совет едини ратунок.

Дакус зайдзена з таким питањом, млада дзивка за шалтером гварела суму и на Вирово инсистоване видала рахунок з котрим ю послала на касу виплациц.

– Кед ше плаци, та мож! – покус револтовано дудрала на каси Вира кед винiмала пенежи

– Цо я ту можем! – закончала касирка и вдерела печач.

Но, та, о два днi покончала Вира з препатрунком при познатому дохторови, вон ей потвердзел же ей очи годни поднесц операцию, та поцешена такой приступела гу шалтеру дзе ше заказовали операциi.

– Запишце себе датум, будзе то о два роки таки час! – видиктовала Вири датум, аж и точну годину иста тота млада кратковласа шестра.

Як у даяким сну зоз хторого ше жада, а не може пребудзиц, гоч як ше упина, Вира пришла дому. Видзела як през длуги два роки жие у молги пред очми, як ше отлукуе до мура у конку, як премахуе гарадичи и пада, як ей випадуе пенез з руках, а вона го не видзи позберац, як маца гомбички на шпоргеце и кухнi-бових апаратох, же би знала кеди и на кельо уключене, а кеди виключене... Кед пришол син, гварела му же ю болi глава, та пошла посцелiц посцель. Запалела лампу при посцелi, круг шветлосци спаднул на там уж давно положену кнiжочку о кер-

естурскей Водици. З рамика на ню благо патрела твар Пречистей Дівизи, у билей шмати, з белавим плащом:

– Пале ти ту, а я на це забула – шепла Вира. На очи ей вибили слизи:

– Мац Божа, помож ми, душа ше ми розпадає од розпуки и поцерпаня! Страх од будучносци одніма ми думки и чувства! – нацагла на стояцо руки гу кніжочки и так, тримаючи их з дланями обраценима на горе, виліваюци душу до тей молби, почала ше модліц. Кельо ше так модлела не була свидома, док у єдней хвильки не почувствовала як ей по цалей руки преходзи приємна цеплота. Як кед би струя од котрей церпла преходзела през ню и зогривала зоднука ей модляци руки. По твари ше ей злівали слизи, вше щирши и щирши, плакала без йойку, без корчу, як цихи диждж у ярней ноци котри блага смядну жем и обецує, и улаговює.

Не може повесц и нешка кельо так стала з руками у локцох благо зогнутима и плакала, плакала. Лем памета же ше до посцелі спушчала цалком змирена и же заспала такой накадзи дотхла заглавок.

Ютре рано Вира була медзи першима на шалтеру пред младу кратковласу шестру.

– Патьце резултати препатрунку моїх очох – виняла Вира зоз ташки папери – я не можем чекац два роки, не можем...

– Можебуц ше можеце догвариц з младим примариюсом? – у довирию ей шепла иста. – Кед му штурице до кишенки, вон вас вежне за операцию вельо скорей. Ище и добре прейдзеце, бо вон найвекши фаховец за таку операцию яка вам препоручена. А сце робиц лем, знаце, плаци им мали...

– Жено, я не мам таку пензию яку суму предкладаце дац дохторови – лапела ше за главу и скоро да зврещала Вира, а шестра ше, кед видзела же погришней особи препомла таке дацо, швидко щухала.

Вира немо, не знаюци цо почац, остала стац пред шалтером, пробуючи одлучиц ше за идуци крочай. Як у сну, врацела ше дому и з тресацима руками медзи длані

сцисла кніжочку о Водици. У глібокей молитви знова почувствовала цеплоту. Молитва тирвала еден час, покля ше до ней не уселел мир.

Одшмелена пре вечарше дожице, станула ютре рано пред примаци шалтер и анї ше не несподзивала кед ше пред ню зявела шестра котра ей пред даскельома днями у преходзе дала совет за позарядови препатрунок.

– Дайце папери, най видзиме – вжала резултати випитованя и пошла гу едному з орманчиокох цо стал збоку, вицагла якуш грубу теку и опитала ше: – Годни сце присц о тидзень, упишем вас гу професорови на розпорядок, за 11 годзин пред поладньом.

Вира збунета, несподзивана, подзековна, пробовала ше врациц до реалносци:

– Купиц му виски, чи кафу и чоколаду?

– Яки виски, яка чоколада! Же бисце ше не шалели з таким дачим. Лем ви придзце и ніч ше не бойце – то гварела и врацела теку на место. Кед ше Вира на уходзе оглядла, прешвечиц ше же то не сон, за примацим пултом не було нікого.

И так було як пораждане. Професорови асистовал млади примариус, та кед видзел же Виру шестра рихта за операцию, пришол гу ней и през зуби ше ей опитал:

– Мушице мац моцну вязу кед сце так швидко пришли на шор гу професорови! – На твари ше му видзел без помишани з любопитлівосцу.

– Мам, на найвисшим месце! – указала Вира з пальцом на горе, и вше познейше кед приповедала цо ше ей случовало тих дньох, шмеяла ше сама зоз себе, чудуюци ше, як ей лем пришло на розум так ефектно намириц гербного младого дохтора.

Операция була упишна. Едно око врацело оштросц и на нього Вира видзела так як нігда цо не видзела. Прето була несцерпена же би прешли шейсц мешаца, кельо ей поведзене же ма буц розлика медзи двома операциями, же би пошла оперовац и друге око. Наздаваюци ше же конечно будзе витворени сон котри ше ей од дзецка шніл, та ше будзела ище

розчарованша похоплюючи же є неможливі, мацаючи брала окуляри, або кладла ленчи же би могла сцигнуц до туалета, о шейсц мешаці сцигла знова на шалтер, тераз уж „ей” клініки.

– Маме термин – гварела ище вше ту поставена иста млада шестра – будзе то найскорей за 18 мешаці.

Вира упарто пробовала розчисциц ситуацию.

– Боїм ше за тото опероване око, же попущи под таку терху. Пробуйце ви рок и пол патриц з такима розликама у диоптрийох яки мойо тераз! Думаю же, медицински неоправдане, а и не гумане... – чувствовала як кед би знова була на початку, же з ніякими словами не препені становиско чуварки шора за шалтером.

– Я ту не можем ніч – гварела иста и якош демонстративно напущела свойо роботне место, з чим припознала же препознала Виру и власни неуспих пред пол рока.

Вира пред шалтером, як зоз врацу воду прелята, окляпла и лем тупо патрела опрез себе.

– Дайце лем тоту вашу документацию – знова ше зявела барнаста медицинска шестра.

Похоплюючи же доживює чудо и же ше ей воно лем предлужує, Вира ше препущела тим словом. Водзела ю сила котрей верела, придала папери, врацени ей оверени упут – о седем дні: Мария В. – у подпису.

Дзвигла главу, шестра Мария уж не була ту. Вецей ю ані раз не видзела. Допитовала ше о ней шестром у тиму за операцию другого ока, допитовала ше на шалтеру, кед одходзела на контролу пробовала ю найсц у примацей сали, але ше Мария не зявела вецей ані за шалтером, ані у преходзе. Не знал ей ніхто повесц ніч о барнастей шестри Марії котрей сцела подаровац кніжку у котрей ше описую незвичайни искусства.

Нешка Вира щешліва и прето же добре видзи, и прето же зна же дожила Марийову ласку теди кед ей найбаржей хибела.

– Я ше ей щиро зверела и вона ми щиро помогла – зна повесц Вира на концу свойого шведоченя. Тераз верела же людзе наисце доживюю чуда, лем су часто не свидоми же ше им вони случую, думаю же то лем случайносци.

ПРИЗНАЧКИ О АВТОРКИ

Ирина Гарди Ковачевич, новинарка, писателъка, литературна критичарка и прекладателъка, народзена 17. септембра 1944. року у Руским Керестуре. Дипломовала Югославянску литературу на Филозофским факултету у Новим Садзе. Була новинар *Руского слова*, главни и одвичательни редактор часописа *Мак* и новинох *Руске слово*, редакторка култури и шлебодни репортер дньових новинох *Дневник*, по одход до пензиї.

Заступена є у антологийох поезиї: *Антолоґия русской поезиї*, Руски Керестур, 1965; *Сучасна поезия за дзеци Войводини*, Нови Сад, 1974; Юлиян Тамаш, *Пипине на ґамбох*, Нови Сад, 1977; Г. Арсовски *Блїск на ровнини*, Битоля, 1975; Юлиян Тамаш *Далекосц стреже*; Мирослав Настасиєвич, *Медзи сцерьнянку асфалтови блїск*, Ириг 1984; Дюра Папгаргаї: *Антолоґия русской поезиї*, Нови Сад, 1984; Ирина Гарди Ковачевич: *Хмара на верху тополї*, Нови Сад, 1990; Оливера Шиячки: *Очи ровнини*, Нови Сад, 1998; Владимир Кочиш: *Антолоґия поезиї войводянских Руснацох Жовта причасц*, Смедерево, 2003; Петро Трохановски: *Мамко, мамко, куп ми кнїжку*, Нови Сад, (у Польскей), 1995; Юлиян Тамаш: *Антолоґия русской поезиї Ошлепени соловей*, Нови Сад, 2005. и преклад истей по сербски.

Поезия ей прекладана на сербски, словацки, македонски, румунски, италиянски, мадярски и албански.

Библиография: *На дланї заренко*, Нови Сад, 1969; *Тисяч радосци*, Нови Сад, 1976; *Безмена ява*, Нови Сад, 1980; *Бависка*, Нови Сад 1984; *Куцик мудросци*, Нови Сад, 1987; *Єднозложносц*, Нови Сад, 2004; *Дванац сказки*, Нови Сад, 2007; *Сказки*, Нови Сад, 2009, (по сербски).

Прешпивала антологию македонской поэзии.

Написала документарну радио драму *Кридри за ангела*, и драму по роману Юлиана Тамаша *Авраме, Авраме*. Драмски текст *Брадавка* ей виведзена на радио и на сцени, а монодрами *Наша Ирин* и *Левонovo војни* виведзени на сцени як телевизийни драми. На сцени виведзена и ей монодрама *Милионерка*, а драмски тексти *Квартель*, 2002. року и *Перша змена*, 2009. року обявени.

Од 1968. року обявює литературну критику, та потераз ма обявени понад сто прикази, рецензии и анализи литературних діло, або цалих опусох руских авторох.

Найвекши припознаня цо прияла то *Искра култури* и Медзинародна награда за литературу *Александер Духнович*.

З М И С Т

Небо над Керестуром

Зоз двора	7
<i>Дзива дзивка</i>	9
<i>Железна баба</i>	15
<i>Железни кольчата</i>	20
<i>Закутна баба</i>	30
<i>Чарни тацок</i>	38
<i>На вепровацкей драги</i>	45
Зоз шора	55
<i>Чаривни черешні</i>	57
<i>Златна нічовка</i>	65
<i>Нечисте у приклеце</i>	73
<i>Красна Ясна</i>	84
<i>Ангел хранитель</i>	92
<i>Маковски шор</i>	100
Зоз валалу	111
<i>Хованец</i>	113
<i>Пергач</i>	121
<i>Указанє</i>	128
<i>Босорки</i>	136
<i>Гуляшов гной</i>	144
<i>Камена коза</i>	150

Зоз забуваня	159
<i>Хлопска Ката и Виичир Пайташ</i>	161
<i>Бораї и маче</i>	168
<i>Дзвонїца</i>	175
<i>Шашка</i>	182
<i>Зоз старей шпиванки</i>	189
<i>Неборак</i>	198
Зоз паметаня	207
<i>О Фаркашовей долїни</i>	209
<i>Дьордьова торина</i>	217
<i>Жобрача гора</i>	225
<i>Парох Макаї</i>	234
<i>Осла у води</i>	241
<i>Нечисте</i>	248
<i>Невидліва Марія</i>	251
О авторки	263

CIP – Каталогизација у публикацији
Библиотека Матице српске, Нови Сад

821.161.2 (497.11) - 32

ГАРДИ Ковачевич, Ирина, 1944 –

Небо над Керестуром : сказово приповедки и
легенди /

Ирина Гарди Ковачевич. - Нови Сад : Руске слово, 2012
(Петроварадин : Maxima graf). - 266 стр. ; 21 cm
(Едиција Верхи)

Тираж 300.

ISBN 978-86-7105-253-5

COBISS.SR-ID 272143879

Ирина Гарди Ковачевич: НЄБО НАД КЕРЕСТУРОМ, приповедки (I виданє).
– Обсяг 16,75 друкарски табаки. – Тираж 300 прикладніки.
– Друковала Друкарня „Maxima graf” Петроварадин.
– Друкованє законченє у юнию 2012. року

Приповідки у книжки
Небо над Керестуром
інспіровані
зоз животом Руснака
у Руским Керестуре,

найстаршим руским валале у дакедишней
Южной Угорской, нешка Войводини.
З богату писателькову имагинацію,
приповідки збудовани на основи легендох,
митох, анегдотох
и других формох народного паметаня.

То приповідки о любви, страху, о добру и злу,
о рижних чудох, а насампредз о чуду хторе
воламе живот, у шицкей своей терхи и краси.

Микола Шанга